

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ  
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ  
ВЕСТНИК**

**№ 12/1**

**2014**

# СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован  
Министерством РФ по делам печати,  
телерадиовещания и средств массовой  
коммуникаций от 15 мая 2002 г.  
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

**Учредитель** – Южный федеральный университет  
**Главный редактор** – академик РАО, д.биол.наук,  
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год  
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ  
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК  
Научно-практический журнал  
**2014 г. ► № 12/1**

**Ответственный секретарь** –  
Попова Л.В.  
**Компьютерная верстка** – Чеха А.П.

## Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.	д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.	д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.	д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.	академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.	член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.	д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.	д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.	д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.	канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.	д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.	д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

## Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.	д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.	д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.	д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.	д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.	д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.	д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.	

**Адрес редакции:**  
344038, Ростов-на-Дону,  
пр. Нагибина, 13, ком. 518.  
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05  
E-mail: rpj@bk.ru

Подписано в печать 24.03.2014  
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.  
Гарнитура Myriad Pro.  
Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,67.  
Тираж 1000 экз. Заказ № 24/14

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.  
© Северо-Кавказский психологический вестник

**ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ**

<b>Дикая Л. А., Наумова М. И.</b> Психофизиологические корреляты когнитивной деятельности у моторно-одаренных школьников . . . . .	5
--	---

**ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ**

<b>Афанасенко И. В.</b> Специфика индивидуальной религиозности и выраженности самоактуализации у представителей различных конфессий (на примере православных христиан и иудаистов) . . . . .	10
--	----

<b>Обухова Ю. В.</b> Содержание эмоционально-оценочного компонента Я-концепции девушек – «гуманитариев» и «техников» в связи с особенностями их интеллекта . . . . .	14
--	----

<b>Царенкова Е. А., Лунин С. Л.</b> Проблема милосердия как смысложизненной стратегии личности . . . . .	18
--	----

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ**

<b>Коваль Ю. Б., Лабунская В. А.</b> Влияние гендерно-возрастных характеристик моделей лицевой экспрессии на успешность их распознавания дошкольниками . . . . .	27
--	----

<b>Погонцева Д. В., Наседкина Ю. В.</b> Отношение молодежи, исповедующей язычество, к представителям различных религиозных конфессий. . . . .	34
---	----

<b>Шкурко Т. А.</b> Социально-психологические потребности одинокой личности. . . . .	39
--	----

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ**

<b>Сарелайнен А. И.</b> Изучение представлений следователей о профессиональном психологическом воздействии . . . . .	44
--	----

<b>Середина Н. В., Черныш И. В.</b> Факторы профессиональной деформации сотрудников Пограничной службы ФСБ РФ. . . . .	49
--	----

<b>РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ . . . . .</b>	54
---	----

<b>НАШИ АВТОРЫ / OUR AUTHORS . . . . .</b>	63
--	----

<b>ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ . . . . .</b>	66
---	----



## ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У МОТОРНО-ОДАРЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Дикая Л. А.,  
Наумова М. И.

*В статье обоснована актуальность применения психофизиологических методов для изучения предпосылок моторной одаренности у детей. Описана методика и процедура проведения исследования психофизиологических коррелятов (по показателям когерентности ЭЭГ) когнитивной деятельности у моторно-одаренных школьников. В качестве объекта исследования выступили 60 учащихся гимназии обоего пола в возрасте 7–12 лет. В зависимости от наличия или отсутствия признаков моторной одаренности и по возрастному критерию все испытуемые были разделены на 4 группы по 15 человек каждая – учащиеся младшего школьного возраста с признаками моторной одаренности, учащиеся младшего школьного возраста без признаков моторной одаренности, учащиеся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности и учащиеся среднего школьного возраста без признаков моторной одаренности.*

*Представлены результаты эмпирического исследования психофизиологических коррелятов решения конвергентных и дивергентных вербальных и невербальных когнитивных задач у моторно-одаренных учащихся младшего и среднего школьного возраста. Показано, что сила длинных внутрислоушарных связей более выражена у моторно-одаренных учащихся среднего школьного возраста. Сделан вывод о формировании системы мозга, обеспечивающей исполнение определенных видов познавательной деятельности у моторно-одаренных школьников.*

**Ключевые слова:** моторная одаренность, когнитивная деятельность, психофизиологические корреляты, мозговая организация.

К началу нового столетия в психологической науке проведено значительное количество экспериментальных исследований и разработан ряд теоретических концепций по проблеме одаренности. Широко исследуются психологами дети с различными видами одаренности [1, 3, 4, 5, 10]. Однако соотношение признаков интеллектуальной и моторной одаренности в структуре личности многие годы является дискуссионным научным вопросом [1, 2, 6, 8, 10]. Его решению во многом может способствовать обращение к психофизиологическим предпосылкам одаренности. Результаты проведенных психофизиологических исследований показывают взаимосвязь соотношения признаков одаренности с возрастом и полом одаренного ребенка [3, 4, 6, 7, 9].

Большой интерес психологов-исследователей и педагогов-практиков в наши дни привлекают дети с «двойной исключительностью» – те, у кого умственная одаренность сочетается с недостаточным разви-

тием способностей в другой сфере, например, моторной [8]. Волевая саморегуляция у детей с «двойной исключительностью» недостаточно сформирована [1, с. 13]. Эти дети отличаются забывчивостью, но, занимаясь интересующей их деятельностью, могут быть целеустремленными и ответственными. Наиболее важным диагностическим подходом в исследовании таких детей является комплексный подход. Для диагностики существует много психологических методик, но мало используются психофизиологические методики. В проведенном нами исследовании использован психофизиологический метод ЭЭГ для изучения психофизиологических коррелятов когнитивной деятельности у моторно-одаренных школьников.

**Цель исследования** – изучить психофизиологические корреляты (по показателям когерентности ЭЭГ) когнитивной деятельности у моторно-одаренных школьников.

В исследовании приняли участие 60 учащихся младших (1–3) и средних (5–7) классов МОУ «Юридическая гимназия им. М. М. Сперанского» г. Ростова-на-Дону с уровнем интеллекта выше среднего ( $IQ \geq 100$  баллов) обоего пола в возрасте 7–12 лет.

На основе результатов опроса администрации и учителей гимназии, а также экспертной оценки, было выявлено наличие (высокие достижения в спортивной и танцевальной деятельности – призеры и победители соревнований, конкурсов) или отсутствие признаков моторной одаренности у участников исследования.

В зависимости от наличия или отсутствия признаков моторной одаренности и возрастного критерия все испытуемые были разделены на 4 группы:

1 группа – учащиеся младшего школьного возраста с признаками моторной одаренности (в количестве 15 человек),

2 группа – учащиеся младшего школьного возраста без признаков моторной одаренности (в количестве 15 человек),

3 группа – учащиеся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности (в количестве 15 человек) и

4 группа – учащиеся среднего школьного возраста без признаков моторной одаренности (в количестве 15 человек).

Учащиеся младшего и среднего школьного возраста без признаков моторной одаренности образовали контрольные группы.

В проведенном эмпирическом исследовании всем участникам предлагалось решить когнитивные задачи, которые различались по типу на конвергентные и дивергентные, а по характеру на вербальные и невербальные.

Мы рассматривали конвергентные и дивергентные задачи как аналоги по своим когнитивным характеристикам логических и творческих задач. Участникам было предложено для решения 4 типа когнитивных задач:

- вербальные конвергентные (вспомнить сказку с животными),
- вербальные дивергентные (самим придумать сказку с фиксированными словами),
- невербальные конвергентные (составить из геометрических фигур – треугольник, круг, квадрат и овал – кошку),
- невербальные дивергентные (придумать собственный образ и составить его из геометрических фигур).

Запись ЭЭГ проводилась по международному стандарту установки электродов по схеме 10–20 %. Для регистрации электрической активности мозга устанавливался 21 электрод (Fpz, Fz, Cz, Pz, Oz, Fp1, Fp2, F7, F3, F4, F8, T3, C3, C4, T4, T5, P3, P4, T6, O1, O2),

применялась монополярная схема с ипсилатеральными ушными референтами. С целью подавления артефактов были установлены полиграфные каналы (ЭОГ- вертикальная, ЭМГ, ЭКГ, КГР). Запись и анализ ЭЭГ осуществлялись в спокойном состоянии (фоновые пробы) и при решении каждой из когнитивных задач (функциональные пробы). Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи электроэнцефалографа «Энцефалан» в монополярном отведении для восьми частотных диапазонов: дельта 1 (0,5–2,5 Гц), дельта 2 (2,5–4 Гц), тета 1 (4,0–6,0 Гц), тета 2 (6,0–8,0 Гц), альфа 1 (8,0–10,5 Гц), альфа 2 (10,5–13,0 Гц), бета 1 (13,0–24,0 Гц) и бета 2 (24,0–35,0 Гц).

Для фрагментов записи ЭЭГ каждой из фоновых и функциональных проб измерялась сила когерентных связей. Проведен сравнительный анализ динамики силы и характера когерентных связей коры мозга на разных этапах решения когнитивных задач у представителей каждой из обследуемых групп. Проанализировано 8 типов когерентных связей, сила которых в условных единицах составляла 0,7 или превышала это значение. Это короткие внутриполушарные связи:

- 1) в передних отделах левого полушария,
- 2) в задних отделах левого полушария,
- 3) в передних отделах правого полушария,
- 4) в задних отделах правого полушария
- 5) и межполушарные:
- 6) в передних отделах коры,
- 7) в задних отделах коры,
- 8) короткие между симметричными отведениями и длинные между симметричными отведениями.

Этапы решения каждой из когнитивных задач фиксировались с помощью левой кнопки мыши. В тот момент, когда у участника исследования появлялось решение задачи, ему нужно было нажать эту кнопку, и на ЭЭГ появлялся маркер. Анализ силы и характера когерентных связей проводился в спокойном (фоновом) состоянии и на трех этапах решения задачи:

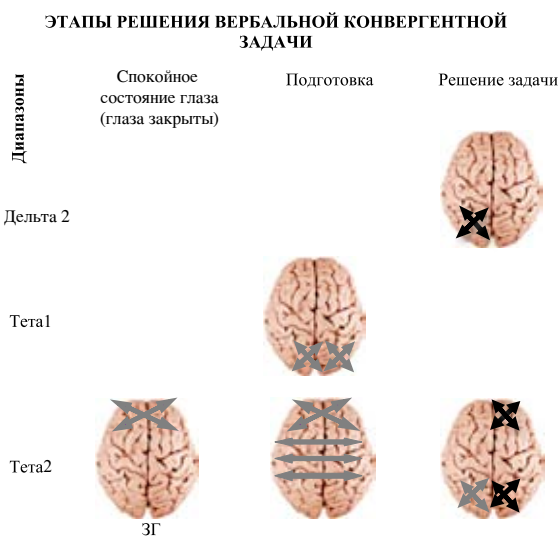
- 1) готовность (начало решения задачи, сразу после предъявления инструкции),
- 2) решение (перед нажатием кнопки мыши),
- 3) проверка найденного решения (после нажатия кнопки мыши).

Анализировались средние значения силы когерентных связей на каждом десятисекундном интервале. В исследовании использованы результаты учащихся, успешно справившихся с решением когнитивных задач.

Для статистической обработки данных применялся многофакторный дисперсионный анализ ANOVA / MANOVA. Сравнительный анализ силы и характера когерентных связей у испытуемых проведен с помощью post hoc анализа. Обработка осуществлялась с помощью пакета компьютерных программ «STATISTICA 6.0».

В результате проведенного исследования выявлены статистически значимые различия силы и характера когерентных связей коры мозга при решении когнитивных задач у представителей четырех исследуемых групп: учащихся младшего школьного возраста с признаками моторной одаренности, учащихся младшего школьного возраста без признаков моторной одаренности, учащихся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности и учащихся среднего школьного возраста без признаков моторной одаренности.

Так, у учащихся **младшего школьного возраста** с признаками моторной одаренности, по сравнению с их сверстниками без этих признаков, максимальное количество различий в силе когерентных связей выявлено на этапе решения вербальной конвергентной задачи ( $p \leq 0,01$ ) (рис. 1, 2).



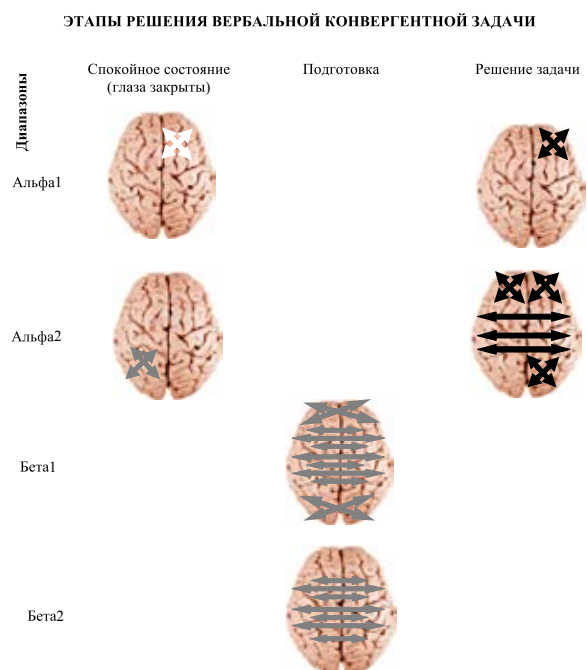
- Когерентные связи достоверно сильнее ( $p \leq 0,05$ ) у учащихся младшего школьного возраста с признаками моторной одаренности в отличие от учащихся младшего школьного возраста без признаков моторной одаренности.
- Когерентные связи достоверно сильнее ( $p \leq 0,05$ ) у учащихся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренностью в отличие от учащихся среднего школьного возраста без признаков моторной одаренности.

**Рис. 1.** Результаты сравнительного анализа достоверных различий силы когерентных связей коры мозга при решении вербальной конвергентной задачи у учащихся младшего и среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности на частотных диапазонах 2,5–8,0 Гц

При решении остальных типов когнитивных задач когерентные связи выражены сильнее у учащихся младшего школьного возраста без признаков моторной одаренности в отличие от моторно-одаренных ( $p \leq 0,05$ ).

Следовательно, можно заключить, что в младшем школьном возрасте у учащихся с признаками моторной одаренности функциональная когнитивная система мозга специализирована для выполнения вербальной конвергентной деятельности.

**В среднем школьном возрасте** у учащихся с признаками моторной одаренности, в отличие от их сверстников без этих признаков, сформировалась функциональная когнитивная мозговая система, специализированная для решения вербальных задач. Это связано с более быстрым формированием систем мозга, обеспечивающих решение вербальных задач в направлении усиления длинных и коротких межполушарных связей между симметричными отведениями (рис. 1, 2).



- Когерентные связи достоверно сильнее ( $p \leq 0,05$ ) у учащихся среднего школьного возраста без признаков моторной одаренности в отличие от учащихся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности.
- Когерентные связи достоверно сильнее ( $p \leq 0,01$ ) у учащихся младшего школьного возраста с признаками моторной одаренности в отличие от учащихся младшего школьного возраста без признаков моторной одаренности.
- Когерентные связи достоверно сильнее ( $p \leq 0,05$ ) у учащихся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности в отличие от учащихся среднего школьного возраста без признаков моторной одаренности.

**Рис. 2.** Результаты сравнительного анализа достоверных различий силы когерентных связей коры мозга при решении вербальной конвергентной задачи у учащихся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности на частотных диапазонах 8,0–35,0 Гц

На этапе решения невербальной конвергентной задачи у учащихся среднего школьного возраста в низкочастотных дельта 1 и альфа 1 диапазонах более сильные когерентные связи выявлены у учащихся с признаками моторной одаренности по сравнению с учащимися без признаков моторной одаренности ( $p \leq 0,05$ ). Решение невербальной конвергентной задачи моторно-одаренными школьниками сопровождается усилением локальных функциональных связей, тогда как у школьников без признаков моторной одаренности кора мозга интегрирована.

С возрастом эта закономерность усиливается. В высоко и низкочастотных диапазонах на разных этапах решения невербальной конвергентной задачи наблюдаются большие различия в длинных и коротких межполушарных связях между симметричными отведениями у детей среднего школьного возраста. Здесь более сильные когерентные связи наблюдаются у детей без моторной одаренности по сравнению с моторно-одаренными ( $p \leq 0,05$ ).

При решении невербальных дивергентных задач на этапе проверки найденного решения у учащихся среднего школьного возраста с признаками моторной одаренности, в сравнении с учащимися без признаков одаренности, выявлены статистически значимые различия силы когерентных связей в тета 2 диапазоне, отражающем процессы активации внимания к внешним стимулам, столь важные на этапе проверки решения невербальных дивергентных задач ( $p \leq 0,05$ ). Наибольшие отличия у учащихся среднего школьного возраста без моторной одаренности, в сравнении с моторно-одаренными, наблюдаются в спокойном состоянии с открытыми глазами ( $p \leq 0,05$ ), что также подтверждает высокую активацию внимания у них к внешним стимулам еще до выполнения когнитивной деятельности (см. рис. 2).

При сравнении силы и характера когерентных связей коры мозга во время решения когнитивных задач выявлено, что на всех этапах решения задач (кроме невербальной конвергентной задачи) во всех диапазонах частот когерентные связи выражены достоверно сильнее у учащихся среднего школьного возраста с моторной одаренностью в отличие от учащихся младшего возраста. Здесь в дельта-диапазоне на этапе подготовки и проверки найденного решения когерентные связи сильнее у учащихся младшего школьного возраста с моторной одаренностью. Поскольку дельта-диапазон связан с мотивационным компонентом деятельности мозга и «внутренним» вниманием, направленным на решение задачи, мы заключаем, что в младшем школьном возрасте у детей мало опыта и стратегии решения еще не выработались, поэтому им нужно предпринимать больше усилий для достижения результата.

На основе сравнительного анализа значений когерентных связей **у учащихся с моторной одаренностью** выявлено, что у учащихся среднего, по сравнению с учащимися младшего школьного возраста, в тета 2 и альфа 2 диапазонах в спокойном состоянии (глаза открыты), соответствующем состоянию внешнего когнитивного внимания, наблюдаются достоверно более сильные когерентные связи ( $p \leq 0,05$ ). В тета 2 диапазоне наиболее выражены внутрислошарные короткие когерентные связи в задних отделах правого полушария, а в альфа 2 диапазоне – длинные межполушарные связи между симметричными отведениями. Это отражает активацию внимания к внешним стимулам и воспроизведение визуальных образов из семантической памяти у школьников. При реализации заданий на невербальное мышление, по сравнению с вербальными заданиями, учащимся среднего школьного возраста с моторной одаренностью, по всей видимости, требуется актуализация зрительного воображения.

Полученные при анализе показателя когерентности биоэлектрических потенциалов данные свидетельствуют о том, что в диапазонах высокой части спектра ЭЭГ (в бета-диапазоне) при реализации заданий на дивергентное мышление (по сравнению с конвергентным) у учащихся среднего школьного возраста с моторной одаренностью наблюдаются сильно выраженные когерентные связи. Важно, что дивергентное мышление связывают с компонентом творческой активности. Это указывает на то, что при дивергентном мышлении у учащихся среднего школьного возраста с моторной одаренностью межцентральные взаимоотношения топографически обширнее и условия для передачи информации лучше, чем при конвергентном мышлении. Указанные различия связаны с тем, что при этом типе мышления используется более быстрый и «экономный» симультанный способ переработки информации, а при конвергентном более «медленный» сукцессивный способ.

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать заключение о различной динамике психофизиологических коррелятов у учащихся младшего и среднего школьного возраста с признаками и без признаков моторной одаренности при выполнении когнитивной деятельности.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в психологии, психофизиологии и прикладной психологии для более полного раскрытия закономерностей и механизмов развития моторной одаренности личности. Практическое применение полученных в исследовании результатов может способствовать предотвращению неравномерности психического развития, негативных последствий двойной исключительности и дисгармоничного развития детей, а также помочь



в изучении психофизиологических предпосылок (коррелятов), способствующих развитию моторно-одаренных детей.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. В.* Психология одаренности: понятие, виды, проблемы. – М.: МИОО, 2005. – С. 10–13.
2. *Дикая Л. А.* Развитие креативности у специалистов по противодействию терроризму и ликвидации последствий террористических актов // *Российский психологический журнал.* – 2013. – Т. 10. – № 5. – С. 32–38.
3. *Дикая Л. А., Денисова И. А.* Сравнительный анализ функциональной организации коры мозга у музыкантов и художников при выполнении профессионально-специфичной творческой деятельности // *Северо-Кавказский психологический вестник.* – 2011. – № 9 / 1. – С. 14–17.
4. *Ермаков П. Н., Дикая Л. А., Кац Е. Б.* Психофизиологические и психологические особенности одаренных старшеклассников, испытывающих психологические трудности // *Российский психологический журнал.* – 2009. – Т. 6. – № 3. – С. 10–21.
5. *Лейтес Н. С.* Возрастная одаренность и индивидуальные различия: избранные труды. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 448 с.
6. *Наумова М. И., Дикая Л. А.* Особенности функциональной организации коры мозга при выполнении когнитивной деятельности у учащихся с моторной одаренностью // *Материалы XVI Международной конференции по нейрокибернетике.* – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012. – Т. 1. – С. 269–271.
7. *Разумникова О. М., Брызгалов А. О.* Частотно-пространственная организация электрической активности мозга при креативном вербальном мышлении: роль фактора пола // *Журнал высшей нервной деятельности.* – 2005. – Т. 55. – № 4. – С. 459–467.
8. *Щебланова Е. И.* Неуспешные одаренные школьники. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008. – 212 с.
9. *Dikaya L. A., Ermakov P. N.* Interhemispheric interaction in participants solving verbal and nonverbal professional creative tasks // *International Journal of Psychology.* 2012. V. 47, Supp.1. Special Issue: XXX International Congress of Psychology. P. 145.
10. *Dikaya L. A., Pokyl E. B.* Features of EEG coherence during divergent problems solving in gifted individuals // *International journal of psychophysiology.* 2012. V. 85, Is. 3. P. 378–379. doi:10.1016 / j.ijpsycho.2012.07.042.

## СПЕЦИФИКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ВЫРАЖЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН И ИУДАИСТОВ)

**Афанасенко И. В.**

*В статье представлены результаты исследования структуры религиозности и особенности выраженности самоактуализации у православных христиан и иудеев, проанализированы различия в преобладающих показателях религиозности, самоактуализации и интернальности у православных христиан и иудеев с внешним и внутренним типом религиозности.*

**Ключевые слова:** религиозность, внутренняя религиозность, внешняя религиозность, самоактуализация, интернальность.

В современном мире чрезвычайно актуальны вопросы религиозной самоидентификации личности и того, формируется ли и изменяется ли жизнь человека вследствие его приверженности теизму или атеизму. Формирование и развитие личности не в последнюю очередь зависит от того, какими этическими, эстетическими и другого рода концепциями руководствуется человек, и это напрямую связано с индивидуальным переживанием и интеграцией в повседневную жизнь своего индивидуального опыта в вопросах осмысления таких категорий, как «вера», «бог», «потустороннее» и тому подобных. Изучением религиозности занимались многие известные ученые: W. James (1961), G. Allport (1979), S. Freud (1924), C. G. Jung (1964), E. Fromm (1962), A. Maslow (1964), V. E. Frankl (1962), S. Grof (2009, 2012) и др. Исследования религиозности широко представлены в трудах современных отечественных ученых. Изучению структуры индивидуальной религиозности у православных и мусульман посвящена работа И. В. Афанасенко и А. А. Шмыгленко [3]. Исследование религиозно-психологических установок мусульман, проведенное И. В. Афанасенко и Д. С. Спиваком, свидетельствуют о возможности и перспективности систематических кросс-религиозных исследований религиозно-психологических установок с учетом гендерных особенностей и конфессиональной принадлежности субъектов, с целью выявления закономерностей влияния данных факторов на формирование и функционирование глубинных механизмов в структуре личности, в частности, ее ценностно-смысловой сферы [2]. В работах Л. Н. Грошевой исследуется влияние веры в Бога на преодоление трудной жизненной ситуации, а также социальные страхи у верующих [4, 5]. Исследования Н. В. Груздева и Д. Л. Спивака посвящены религиозно-психологическим ориен-

тациям современных россиян и американцев [6]. В Беларуси С. Г. Карасева и Е. В. Шкурова в своей работе используют многомерный кроссконфессиональный подход для исследования религиозности и религиозного поля [7]. Исследовательская работа О. Ф. Лобазовой направлена на изучение факторов динамики религиозности в современной России [8]. Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности рассматривается Д. О. Смирновым [9]. О. С. Четырчинской изучались межконфессиональные различия личностных характеристик и их влияние на активность в сфере бизнеса [10].

Согласно гуманистической парадигме, высоко оценивающей человеческие возможности, рассматривающей человека как существо положительное и созидательное, религиозность играет одну из главных ролей в динамике процесса самореализации.

Индивидуальная религиозность определяется нами как сложное, интегративное социально-психологическое свойство личности, обусловленное наличием у нее особой парадигмы восприятия мира, как сотворенного Богом, и включающее в себя когнитивный, эмоциональный, поведенческий, идентификационный и ценностный компоненты.

Под структурой религиозности мы понимаем совокупность показателей приверженности индивида к религии, имеющих разную степень выраженности.

Самоактуализация – это процесс реализации стремления индивида к актуализации своих потенциальных возможностей в личностно-ценных и общественно-значимых формах, проявляющийся в созидательной творческой активности психики, придающей единство влечениям и желаниям, и выражающийся в тенденции вырастать из простого в сложное, двигаться от зависимости к независимости в сторону зрелости личности.

Тип религиозности – совокупность характерных особенностей религиозности, общих для некоторого числа людей; на основе этих особенностей могут быть выделены соответствующие классификационные группы. Основываясь на типологии религиозности Г. Олпорта (2002), мы выделяем внешнюю и внутреннюю религиозность: первая – фрагментарна и поверхностна, представляет собой инструментальную ценность, а вторая – глубокая и всепроникающая, представляет терминальную ценность для человека.

**Целью эмпирического исследования** явилось изучение специфики индивидуальной религиозности и выраженности самоактуализации у представителей различных конфессий (на примере православных христиан, иудаистов).

**Эмпирическим объектом исследования** явились представители различных конфессий г. Ростова-на-Дону – 28 православных христиан в возрасте от 24 до 65 лет, регулярно посещающих храм; 17 иудаистов в возрасте от 25 до 53 лет, регулярно посещающих синагогу.

**Методы исследования:**

1) психологическое тестирование:

- тест самоактуализации (САТ). Э. Шостром, адаптация Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Розгман, М. В. Загика, М. В. Кроз) (1987);
- тест «структура индивидуальной религиозности» Ю. В. Щербатых), (1995);
- тест-опросник (уровня) религиозности (ТОР) Г. Олпорта (1966);
- тест-опросник уровня субъективного контроля «УСК» Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд (1984);

2) методы математической статистики (программа STATISTICA 6): критерий  $\chi^2$ -Фридмана, критерий Т-Вилкоксона, U-критерий Манна-Уитни.

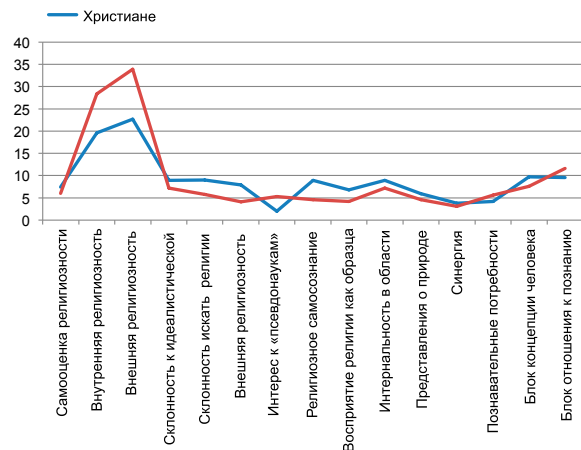
**Гипотезы исследования**

1. Возможно, в группах представителей различных конфессий, структура религиозности и выраженность самоактуализации будут различаться.
2. В группах представителей различных конфессий у субъектов с разным типом религиозности специфика структуры религиозности и выраженность самоактуализации, возможно, будет различаться.

**Результаты исследования**

В результате проведенного исследования специфики индивидуальной религиозности и выраженности самоактуализации у православных христиан и иудаистов были выявлено следующее. Как видно из рис. 1, у представителей православного христианства субъективная оценка собственной религиозности выше, чем у представителей иудаизма. По сравнению с последними, в структуре религиозности у православных доминируют такие составляющие как склонность к идеалистической философии, тенденция искать

в религии поддержку и утешение, следовать соблюдению ритуалов и ношению религиозных атрибутов; внутренняя потребность в религиозном веровании; и восприятие религии как образца моральных норм поведения. В данной группе выше выражена интернальность в области неудач. В отличие от православных христиан, у иудеев значительно больше выражены показатели внутренней и внешней религиозности. В структуре религиозности у них выше, чем у христиан, выражен интерес к псевдонаукам (рис. 1).



**Рис. 1.** Показатели выраженности религиозности, самоактуализации и интернальности, достоверно различающиеся у православных христиан и иудаистов (по критерию U Манна-Уитни при  $p < 0,05$ )

Таким образом, христиане склонны считать себя верующими, набожными личностями. В целом, их самооценка религиозности адекватна, они склонны руководствоваться религиозными нормами морали и нравственности в повседневной жизни; искать в религии поддержку и утешение. При этом христианам свойственно глубокое религиозное самосознание, которое они переживают как самоценность, и благодаря которому правила, традиции, нормы религии для них становятся образцом поведения в их повседневной жизни. Наряду с этим они склонны ориентироваться на социальный аспект приверженности своей религии, ориентируясь на социальную одобряемость религии. Их вера амбивалентна: высокотерминальна и высокоинструментальна одновременно. В случае каких-либо неприятных событий, неудач, проблем и огорчений, христиане склонны брать ответственность за случившееся в большей степени на себя, чем на обстоятельства. Также исследуемые православные христиане довольно консервативны в своих взглядах.

В группе иудаистов выявлена средняя самооценка религиозности, они склонны руководствоваться религиозными нормами морали и нравственности

в повседневной жизни, но могут не всегда это осознавать. Все компоненты структуры религиозности представлены довольно значительно, что говорит о большой разносторонней наполненности их представлений о религии и вере. Помимо традиционных аспектов религиозности, им не чужд и интерес к магии, и интерес к т. н. псевдонаукам. Они довольно традиционны по своему складу, но, в целом, им присущ и здоровый интерес к чему-то новому, они не являются ни новаторами, ни консерваторами, а представляют собой некую гармоничную «золотую середину».

Степень религиозного самосознания в исследуемой группе иудаистов выражена в рамках средних значений и религиозная принадлежность для них не первостепенна. Традиции и нормы религии для них – не всегда образец к действию. В случае каких-либо неприятных событий, неудач, проблем и огорчений иудаисты в равной степени могут обвинять в случившемся, как себя, так и обстоятельства. Иудаисты видят мир скорее в виде дихотомий и не всегда могут взглянуть на вещи, заметить их цельность и связность.

Таким образом, в результате проведенного исследования нашла свое подтверждение первая гипотеза исследования.

На следующем этапе эмпирического исследования были выявлены различия в структуре религиозности у православных христиан и иудаистов в зависимости от преобладающего у них типа религиозности (таб. 1).

Для православных христиан и иудаистов с доминированием внутренней религиозности характерно преобладание в структуре религиозности восприятие религии в аспекте расширения субъективного познания религии и поиска ее гносеологических корней, а также выраженность религиозного самосознания. Для иудаистов этой группы характерны также тенденция искать в религии поддержку и утешение и склонность проявлять внешние признаки религиозности.

Анализ структуры религиозности православных христиан с преобладанием внешней религиозности показал, что для первых также характерно восприятие религии с точки зрения идеалистической философии, также имеет место тенденция верить в Творца, создавшего все сущее. В структуре религиозности иудаистов с внешним типом религиозности представлены все изучаемые ее компоненты в равной степени, что может свидетельствовать о том, что для респондентов данной группы не характерно единообразие структуры изучаемого феномена.

Таблица 1

**Доминирующие элементы структуры религиозности  
в группах православных христиан и иудаистов с внутренним и внешним типом религиозности  
(на основе критериев  $\chi^2$ -Фридмана и Т-Вилкоксона при  $p < 0,05$ )**

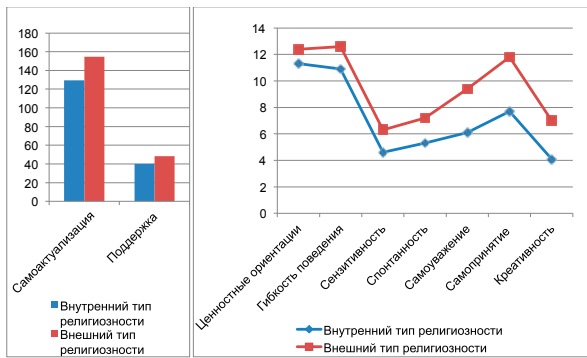
Православные христиане с внутренним типом религиозности (7 чел.)		Иудаисты с внутренним типом религиозности (9 чел.)	
Религиозное самосознание	$\chi^2=45,47$	- Склонность к идеалистической философии	$\chi^2=39,7$
Склонность к идеалистической философии		Тенденция личности искать в религии поддержку и утешение Склонность проявлять внешние признаки религиозности Религиозное самосознание	
Иудаисты с внешним типом религиозности (9 чел.)		Иудаисты с внешним типом религиозности (8 чел.) (недифференцированно)	
Склонность к идеалистической философии	$\chi^2=30,16$	Отношение субъектов к религии как философской концепции	$\chi^2=6,85$
Тенденция верить в Творца и признавать существование высшей силы, создавшей мир		Отношение субъектов к магии Тенденция искать в религии поддержку и утешение Внешние признаки религиозности, Интерес к "псевдонауке" Тенденция верить в Творца Наличие религиозного самосознания Отношение к религии, как образцу моральных норм поведения	

Анализ выраженности показателей самоактуализации в представленных четырех группах позволил сделать следующие выводы (рис. 2).

Православные христиане с внешним типом религиозности более самоактуализированы, их ценности и поведение мало зависят от воздействия извне. Они способны принимать проявления жизни в их неизменном виде, стремятся к приобретению знаний об окружающем мире, проявляют широкий спектр эмоций, ценят уединение и стремятся к творческой самореализации. Им присущи

способность быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, более высокая чувствительность к себе и своим потребностям и желаниям, большая спонтанность, большое самоуважение и самопринятие.

В свою очередь у православных христиан с внутренним типом религиозности показатели самоактуализации заметно ниже, но при этом они проявляют большую способность жить настоящим, видеть свою жизнь целостной, устанавливать глубокие и тесные эмоционально-насыщенные контакты.



**Рис. 2.** Показатели выраженности самоактуализации достоверно различающиеся у православных христиан с внутренним и внешним типом религиозности (по критерию U Манна-Уитни при  $p < 0,05$ )

Степень самоактуализации у иудаистов с внешним и внутренним типом религиозности значимо не различается. В результате анализа тенденций к значимым различиям в показателях самоактуализации можно сделать ряд предположений. Иудаисты с внешним типом религиозности проявляют большую способность жить настоящим, видеть свою жизнь целостной, они более гибкие в реализации своих ценностей в поведении и взаимодействии с окружающими людьми, способны быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, характеризуются высокой степенью самопринятия.

Иудаистам с внутренним типом религиозности свойственна большая контактность, способность к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми, высокий уровень принятия ответственности за свою жизнь, а не перекладывание ее на других людей или различные обстоятельства.

Таким образом, у всех четырех групп выявлена своя специфическая структура религиозности, что подтверждает вторую гипотезу исследования.

Практическая значимость исследования состоит в расширении поля эмпирических данных, во-первых, о психологических особенностях представителей различных конфессий, во-вторых, о феномене религиозности применительно к разным конфессиональным группам.

Полученные в результате исследования данные могут использоваться в сфере психологического консультирования представителей различных конфессиональных групп, в организации мероприятий по разрешению межрелигиозных конфликтов, учитываться в практической деятельности психолога при его работе в сфере группового консультирования.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасенко И. В., Спивак Д. Л.* Кросс-религиозное исследование структуры личности: предварительные результаты // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 г. Тезисы и выступления участников. – СПб.: Эйдос, 2013. – URL: [http://culturalnet.ru/main/congress\\_person/1567](http://culturalnet.ru/main/congress_person/1567)
2. *Афанасенко И. В., Спивак Д. Л.* Религиозно-психологические установки молодежи: гендерный аспект (на примере мусульман) // Вторая научная конференция Психотехники и измененные состояния сознания. 12–14 декабря 2013 г., Санкт-Петербург, РХГА – URL: <http://www.altstates.net/>
3. *Афанасенко И. В., Шмыгленко А. А.* К исследованию структуры индивидуальной религиозности: результаты пилотажного исследования // XVI Международная научно-практическая конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых «Психология и педагогика: современные вызовы и решения», 30.11.2013 г., Московский научный центр психологии и педагогики. – URL: <http://www.mcpps.ru/arhiv>
4. *Грошева Л. Н.* Влияние веры в бога на преодоление трудной жизненной ситуации. // Сборник материалов науч.-практ. конференции «Человек в трудной жизненной ситуации». – М.: Изд-во РГСУ, 2004. – С. 232–234.
5. *Грошева Л. Н.* Трудные жизненные ситуации и социальные страхи у верующих. – М.: Изд-во РГСУ, 2004. – С. 111–215.
6. *Груздев Н. В., Спивак Д. Л.* Религиозно-психологические ориентации современных россиян и американцев: новые данные // Точки / Puncta. – 2004. – Т. 4. – № 3–4. – С. 274–284.
7. *Карасева С. Г., Шкурова Е. В.* Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация // Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133.
8. *Лобазова О. Ф.* Религиозность в современной России: факторы динамики. Монография. – М.: Дашков и К, 2008. – 160 с.
9. *Смирнов Д. О.* Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: дис. ... канд. психол. наук. – Пермь, 2001. – 186 с.
10. *Четырчинская О. С.* Межконфессиональные различия личностных характеристик и их влияние на активность в сфере бизнеса // Социологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 79–95.

## СОДЕРЖАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА Я-КОНЦЕПЦИИ ДЕВУШЕК – «ГУМАНИТАРИЕВ» И «ТЕХНИКОВ» В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИХ ИНТЕЛЛЕКТА

**Обухова Ю. В.**

*В качестве объекта исследования выступили студентки отделения заочного обучения ЮФУ и отделения дневного обучения ТГПИ им. Чехова – всего 24 чел. в возрасте от 20 до 40 лет. Испытуемые были разделены на 2 группы – девушки-гуманитарии (10 чел.) и девушки-техники (14 чел.). В статье описана методика проведения исследования, даны психологические рекомендации. Обоснована необходимость изучения интеллектуальных особенностей студентов в связи с содержанием эмоционально-оценочного компонента их Я-концепции. Показано влияние видов самооотношения по разным оценочным основаниям на разные виды интеллекта.*

**Ключевые слова:** социальный интеллект, эмоциональный интеллект, вербальный интеллект, самооотношение.

Анализ психологических исследований взаимосвязи интеллектуальных особенностей и самооотношения показывает, что в содержательном аспекте изучения Я-концепции обращается внимание на взаимосвязь между особенностями ее эмоционально-оценочного компонента и общего интеллекта. В структурном аспекте изучения Я-концепции внимание исследователей уделялось взаимосвязям между социальным интеллектом и эмоционально-оценочным компонентом Я-концепции [1, 3, 7]. Исследований взаимосвязи эмоционального интеллекта с эмоционально-оценочным компонентом Я-концепции явно не достаточно. Можно предположить, что разные виды интеллекта влияют избирательно, не в целом на содержание эмоционально-оценочного компонента Я-концепции, а на отдельные проявления содержания. В зарубежных лонгитюдных исследованиях отмечалось, что молодые люди с высокими показателями самооотношения и высокой самооценкой будут более успешны в разных видах деятельности, так как они обладают определенным уровнем мастерства и развитыми когнитивными способностями (U. Orth, K. H. Trzesniewski & R. W. Robins, 2010; U. Erol & U. Orth, 2011) [9, 10].

Социальный, эмоциональный и вербальный виды интеллектов наиболее востребованы в различных видах деятельности и жизнедеятельности, но степень изученности этих видов интеллекта различна. Общими точками соприкосновения трех видов интеллекта (вербального, социального и эмоционального) является то, что эмоциональный интеллект оказывается связанным и с вербальными способностями, и со способностью понимать поведение и эмоции

людей. Эмоциональный интеллект предполагает умение сочувствовать, быть дружелюбным, отзывчивым, способным понять другого человека. Человек с развитым вербальным интеллектом более быстро и точно вербализует свои мысли и чувства, понимает вербальную экспрессию в контексте конкретных взаимоотношений, способен находить соответствующий тон общения с разными собеседниками в разных ситуациях [2, 5, 6].

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи между содержанием эмоционально-оценочного компонента Я-концепции и различными видами интеллекта у студентов. Методы исследования: тестирование (методики: «ЭМИн» Д. С. Люсина для изучения эмоционального интеллекта; Дж. Гилфорда и М. Салливена для диагностики социального интеллекта; шкалы вербального интеллекта Д. Векслера; тест-опросник В. В. Столина, С. Р. Пантлеева), статистическая обработка результатов Statistica 6.0 (биномиальное распределение, критерий Манна-Уитни, дескриптивная статистика, множественная линейная регрессия) [4, 5, 6, 7].

Рассмотрим интеллектуальные особенности девушек разных специальностей. Приведем шкалы интеллекта, значения которых относятся к диапазонам высоких и выше среднего значений ( $p < 0,05$ ).

У девушек-техников показатели социального интеллекта относятся к диапазону высоких значений по шкале «Познание преобразований поведения» (ППП). Такие девушки способны быстро заметить изменения вербальных реакций своих собеседников в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации,

что помогает им при выстраивании наиболее эффективных отношений с окружающими.

У девушек-гуманитариев показатели социального интеллекта относятся к диапазону высоких значений по шкале «Познание результатов поведения» (ПРП) и по общему социальному интеллекту. Такие девушки хорошо ориентируются в невербальных реакциях участников коммуникации, умеют предвосхищать дальнейшие поступки людей, достигать поставленных целей. У девушек-гуманитариев показатели вербального интеллекта относятся к диапазону высоких значений по шкале «Понимание смысла выражений» (Пон). Это свидетельствует о способности девушек-гуманитариев понимать истинный смысл выражений, уметь аргументировать свою точку зрения, данная способность способствует более успешной адаптации в социуме.

Таким образом, показатели выраженности социального и вербального видов интеллекта обусловлены специализацией девушек.

Рассмотрим особенности самоотношения у девушек разных специальностей. Приведем шкалы самоотношения, значения которых относятся к диапазонам высоких и выше среднего значений ( $p < 0,05$ ). К видам самоотношения по внутреннему оценочному основанию, мы вслед за В. В. Столиным, С. Т. Джанерьян, будем относить следующие шкалы: Аутопатия (АутСим), Самоинтерес (СамИнт), Самопринятие (СамПр), Самопонимание (СамПон), Самообвинение (СамОб), Самоуважение (СамУв), Самоуверенность (СамУвер), Саморуководство (СамРук). К видам самоотношения по внешнему оценочному основанию – Ожидание положительного отношения других (ОжПолОтн), Отношение других (ОтнДр) [1, 7].

У девушек-техников показатели видов самоотношения по внутреннему оценочному основанию относятся к диапазону высоких значений по шкале СамОбв. Выраженность видов самоотношения по внешнему оценочному основанию у них индивидуализована.

У девушек-гуманитариев показатели видов самоотношения по внутреннему оценочному основанию относятся к диапазону высоких значений по шкалам «АутСим», «СамИнт» и «СамРук». Показатели видов самоотношения по внешнему оценочному основанию относятся к диапазону высоких значений по шкалам «ОтнДр» и «ОжПолОтн».

Таким образом, у девушек-гуманитариев выявлена тенденция к доминированию тех видов самоотношения, которые относятся как к внутреннему, так и внешнему оценочным основаниям.

Обратимся теперь к анализу содержания эмоционально-оценочного компонента Я-концепции в связи с интеллектуальными особенностями деву-

шек – «техников» и «гуманитариев». Взаимосвязь между указанными переменными определялась на основе результатов регрессионного линейного множественного анализа, где зависимой переменной выступили доминирующие показатели эмоционально-оценочного компонента Я-концепции. Такими доминирующими показателями выступили для девушек-техников – Самообвинение (СамОбв), а для девушек-гуманитариев – Аутопатия (АутСим), Самоинтерес (СамИнт), Саморуководство (СамРук), Ожидание положительного отношения других (ОжПолОтн), Отношение других (ОтнДр).

На самообвинение девушек-техников влияют высокий уровень эмоционального интеллекта по шкале «Понимание экспрессии» (ПЭ) и низкий уровень вербального интеллекта по шкале «Понимание смысла выражений» (Пон) ( $R^2=0,583$ ) с доминированием шкалы «Пон» ( $p = 0,000956$ ). У девушек, способных к пониманию своих и чужих эмоций, наблюдаются трудности в построении умозаключений на основе жизненного опыта, они чаще всего винят себя в происходящем. При этом необходимо отметить, что, по мнению Векслера, в шкале «Пон» взаимодействуют и интеллектуальные, и эмоциональные факторы, поэтому низкий уровень выраженности данной шкалы приводит к отсутствию самостоятельности и проявлению социальной незрелости суждений у данных девушек [2].

Как известно, каждому человеку свойственно ошибаться, но если внутренний мир человека сильно запутан и он перестает различать хорошее и плохое, истинное и ложное, нужное и ненужное, то он, скорее всего, будет в своей жизни совершать много ошибок, после которых будет обвинять самого себя в них. При оказании психологической помощи данным девушкам можно порекомендовать: во-первых, убедить клиента в том, что его самообвинение во многом (конечно, когда оно необоснованно) – результат его привычки. Во-вторых, убедить клиента в необходимости бороться с этой привычкой. В-третьих, найти способ преодоления этой привычки, для этого необходимо выявить эмоции, подпитывающие привычку самообвинения. В преодолении привычки самообвинения большое значение имеет рациональность. Как правило, у любого негативного события имеется огромное количество причин. Часто именно стечение обстоятельств является основной причиной чего-то негативного [8]. Из полученных результатов видно, что девушкам-техникам будет сложно объективно проанализировать причины неприятного события в своей жизни, поэтому в качестве рекомендации можно предложить им разобрать похожую ситуацию, которая имела место у их знакомых, случалась с героями книг или фильмов, а уже после этого переходить к анализу собственной ситуации.

Таким образом, на самообвинение девушек-техников влияет вербальный интеллект.

На аутоэмпатию девушек-гуманитариев влияют высокий уровень эмоционального интеллекта по шкале «ПЭ», социального интеллекта по шкале «ППП», вербального интеллекта по шкале «Осв», а также низкий уровень эмоционального интеллекта по шкале «Внутриличностное управление» (ВУ) ( $R^2 = 0,999$ ) с доминированием шкалы «ПЭ» ( $p = 0,003567$ ). Девушкам, способным к пониманию своих и чужих эмоций, умеющим находить соответствующий тон общения с разными собеседниками, обладающим осведомленностью в разных сферах жизнедеятельности, но не умеющим управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные, нравится размышлять о своих достоинствах, выделять себя из массы других людей.

При оказании психологической помощи таким девушкам можно применить технику вербализации чувств, которая включает: непосредственную вербализацию собственных эмоциональных состояний партнера; косвенную (опосредованную) вербализацию эмоций и чувств партнера; метафорическую вербализацию эмоциональных состояний партнера; вербализацию общности с партнером; вербализацию значимости партнера. Непосредственная вербализация позволяет несколько снизить напряженный психоэмоциональный фон межличностной коммуникации деловых партнеров. Косвенная (опосредованная) вербализация эмоций является более эффективной для локализации негативных эмоций партнера, когда их непосредственная вербализация не только неуместна, но и неприемлема. Метафорическая вербализация, использующая аналогии, сходства, сравнения, которые понижают психическое напряжение, способствует позитивной коррекции дискомфортного эмоционального состояния делового партнера. Подчеркивание общности с партнером должно быть релевантным (уместным), относящимся к деловой, профессиональной или личностной, персонифицированной зоне партнера. Подчеркивание значимости партнера способствует смягчению напряженного эмоционального фона деловой коммуникации. Необходимое условие вербализации значимости партнера – эмоциональный оттенок формулировки высказывания, его убедительность и искренность. [4].

На самоинтерес девушек-гуманитариев влияют высокий уровень социального интеллекта, вербального интеллекта по шкалам «Нахождение сходства» (Сх) и «Общая осведомленность» (Осв) и низкий уровень социального интеллекта по шкале «ППП» ( $R^2 = 0,999$ ), где доминирующая шкала «Общий показатель социального интеллекта» ( $p = 0,000552$ ).

Девушки, разносторонне развитые, умеющие анализировать сходства и различия в происходящем, но не способные вовремя предвидеть последствия своего поведения и поведения других людей, склонны к постоянному изучению своего внутреннего мира, своих воспоминаний, а также к анализу собственных возможностей, личностного и субъектного потенциала.

Психолог-консультант может применить техники и упражнения из гештальт-терапии, психодрамы, тренинга актерского мастерства с целью развития способности прогнозировать последствия поведения у девушек-гуманитариев [6].

На саморуководство девушек-гуманитариев влияют низкий уровень вербального интеллекта по шкалам «Осв», «Сх», «Пон», эмоционального интеллекта по шкале «ВЭ», социального интеллекта по шкалам «ППП», «ППП» ( $R^2 = 0,999$ ) с преобладанием шкалы «ППП». Девушки с узкой направленностью и широтой познавательных интересов, не стремятся к обобщению имеющейся информации и построению умозаключений, испытывают трудности при контроле своих и чужих эмоций, часто ошибаются в интерпретации слов собеседников, так как действуют на основе собственных убеждений и ценностей, чем на основе социальных норм или группового давления.

При консультировании таких девушек наиболее эффективным будет применение техник и упражнений из экзистенциальной психотерапии и нейролингвистического программирования [4].

На ожидание положительного отношения от окружающих девушек-гуманитариев влияют высокий уровень эмоционального интеллекта по шкале «ПЭ» и низкий уровень социального интеллекта по шкале «ППП» ( $R^2 = 0,882$ ), где преобладает шкала «ППП» ( $p = 0,004008$ ). Девушки, понимающие свои и чужие эмоции, совершают ошибки из-за непонимания связи между своим поведением и его последствиями, нуждаются в одобрении себя и результатов своей деятельности другими людьми.

На отношение к другим девушкам-гуманитариев влияют высокий уровень социального интеллекта по шкале «ПСП» и низкий – по шкале «ППП», а также высокий уровень эмоционального интеллекта по шкале «ПЭ» и низкий – по шкале «ВЭ» ( $R^2 = 0,999$ ) с доминированием шкалы «ПСП» ( $p = 0,006570$ ). Девушкам, способным к логическим умозаключениям, умеющим прогнозировать поведение других людей, понимающих свои и чужие эмоции, испытывающим трудности при контроле внешних проявлений своих эмоций, необходима обратная связь от окружающих.

При оказании психологической помощи данным девушками следует применять социально-



психологический тренинг с целью выработки паттерном поведения, связанные с контролем собственных эмоций, сдерживания непродуктивных эмоциональных реакций [4].

Таким образом, у девушек-гуманитариев на доминирующие виды самооотношения по внутреннему оценочному основанию влияет каждый из видов интеллекта. У девушек-техников на доминирующие виды самооотношения по внешнему оценочному основанию влияет социальный интеллект.

### ВЫВОДЫ

1. Показатели выраженности социального и вербального видов интеллекта обусловлены специализацией девушек.
2. У девушек-гуманитариев выявлена тенденция к доминированию тех видов самооотношения, которые относятся как к внутреннему, так и внешнему оценочным основаниям. У девушек-техников выраженность видов самооотношения по внешнему оценочному основанию индивидуализирована.
3. У девушек-техников на доминирующие виды самооотношения по внутреннему оценочному основанию влияет вербальный интеллект, а у девушек-гуманитариев – каждый из видов интеллекта.
4. У девушек-гуманитариев на доминирующие виды самооотношения по внешнему оценочному основанию влияет социальный интеллект.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Джанерьян С. Т. Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 79–93.
2. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – СПб.: Питер, 1999. – 368 с.
3. Климонтова Т. А., Семенова А. А. Развитие самооотношения личности интеллектуально одаренных подростков // Психология детской одаренности и творческих способностей / Под ред. Л. И. Ларионовой. Часть II. – Иркутск: ВСГАО, 2009. – С. 363–423.
4. Кочунас Р. Основы психологического консультирования. – М., 1999.
5. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 264–278.
6. Михайлова Е. С. Методика исследования социального интеллекта: адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Саливена. Руководство по использованию. – СПб.: ИМАТОН, 1996. – 56 с.
7. Обухова Ю. В. Психологические аспекты изучения взаимосвязи между интеллектуальными особенностями и Я-концепцией личности // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – № 10 / 2. – С. 31–35.
8. Столин В. В., Пантилеев С. Р. Опросник самооотношения // Практикум по психодиагностике: психодиагностические материалы. – М., 1988. – С. 123–130.
9. Erol U., Orth U. Self-Esteem Development From Age 14 to 30 Years: A Longitudinal Study // Journal of Personality and Social Psychology, 2011, Vol. 101, no. 3, pp. 607–619.
10. Orth U., Trzesniewski K. H. & Robins R. W. Self-esteem development from young adulthood to old age: A cohort-sequential longitudinal study // Journal of Personality and Social Psychology, 2010, Vol. 98, pp. 645–658.

## ПРОБЛЕМА МИЛОСЕРДИЯ КАК СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ

**Царенкова Е. А.,  
Лунин С. Л.**

*Милосердие понимается как человеческая сопричастность, альтруизм, сущностная характеристика человека, базовая потребность, коренящаяся в деятельной социальной природе человека, филогенезе и историческом опыте человечества, способность и готовность к взаимопомощи; человечность и совесть как духовное нормативное образование, основа самосознания, идентификации личности и восприятия другого человека; высшие нравственные чувства сострадания и деятельной любви к людям и другим живым существам, природе; благотворительность, каритативная деятельность и ее институты (попечительство, вспомоществование, милостыня, призрение и т.п.).*

**Ключевые слова:** милосердие, благотворительность, каритативная деятельность, экспектации, согласие, гуманизм, диалог.

Для того, чтобы сохранить лучшие достижения человеческой цивилизации в многообразии ее социальных институтов, национальных ценностей и исторических традиций, надо двигаться в направлении создания новой культуры, новой системы социальных и нравственных отношений; устраняющих насилие, жестокость, чье-либо превосходство и исключительность. Иными словами, возникла объективная потребность в формировании социальных и духовных ориентиров, концентрированно выражающих в себе стремление человечества к согласию и гуманизму.

Серьезные изменения, происходящие в нашем многополярном мире, поставили перед философами ряд вопросов, касающихся проблем диалога верующих и неверующих по вопросу милосердия. Ухудшение социального положения значительной части населения нашей страны, неспособность либеральной политики государства защитить бедных заставляют нас обратить внимание на каритативную деятельность, сотрудничество различных концессий и общественных организаций в благотворительной деятельности. Каритативная деятельность способна упорядочить поведение, разрешить конфликты и напряжения между людьми с различными взглядами на жизнь, положением в обществе и т. д. В основе такой упорядоченности социальных действий лежат нормативные экспектации согласия, справедливого жизнеустройства в стабильном мире.

Современная философия, психология уже не ограничивается прояснением новой духовной ситуации, а предлагает обществу различные варианты иных жизненных смыслов и ценностей. Выделение

феномена «милосердия» в системе культурно-мировоззренческих универсалий и вхождения в категориальную систему общей и социальной философии актуально и связано с социально-экономическими, духовными преобразованиями, переоценкой старых и созданием новых ценностей.

Вся система реконструкции – войны, насилие, зло и ненависть – выступают как разрушение социума. Для сохранения общества необходимо создание конструктивных ценностей или изъятие их из прошлого опыта цивилизаций. При этом милосердие выступает в новом качестве – своеобразного критерия человечности, основы для достижения согласия и взаимопонимания между людьми. Ограниченность знаний о сущности, содержании, объеме, смысле и функциональном назначении милосердия требует от нас анализа данных таких наук, как психология, религиоведение, этнография, культурология, этика, эстетика и т.д. Разработка теоретических проблем милосердия в настоящее время не соответствует возросшим потребностям общества и человека. Это осознается философами, политиками и религиозными деятелями. Обращение к историко-философскому осмыслению феномена милосердия позволяет нам обнаружить факты и тенденции проявления милосердия в поведении животных, социуме, истории, культуре, родовой и индивидуальной жизни человека, его духовности и поведении. Выявление, систематизация и осмысление этих знаний для нас представляется крайне важным, так как философия является компендиумом знаний об отношении человека к природе, обществу, самому себе.

Милосердие является многомерным теоретическим понятием, используемым рядом социальных наук, а также в социальном опыте, поведении, познании мира отдельным индивидом. По своей природе оно представляет собой категорию философского познания, отражающую одно из всеобщих начал универсума, выступает принципом взаимодействия в животном мире, живой и разумной реальностях, средством разрешения противоречий и преодоления конфликтов, нормой человеческого бытия, социально-значимой праксиологической идеей, институтом общества.

Милосердие понимается как человеческая сопричастность, альтруизм, сущностная характеристика человека, базовая потребность, коренящаяся в деятельной социальной природе человека, филогенезе и историческом опыте человечества, способность и готовность к взаимопомощи; человечность и совесть как духовное нормативное образование, основа самосознания, идентификации личности и восприятие другого человека; высшие нравственные чувства сострадания и деятельной любви к людям и другим живым существам, природе; благотворительность, каритативная деятельность и ее институты (попечительство, вспомоществование, милостыня, призрение и т.п.).

Рассматривая такую базовую характеристику человеческого бытия, как милосердие в социуме, в духовном мире человека и общества, мы видим ее чрезвычайную подвижность и динамичность. Те или иные соответствия и пропорции согласующихся свойств, связей и отношений в мировых процессах складываются не мгновенно, а в результате протяженных во времени генетических, причинных, структурных и функциональных изменений. Милосердие поэтому становится результатом процесса согласования. Согласование (диалог) включает борьбу против тенденций к насилию, агрессии, возникновению конфликтов. Милосердие заключается в принятии человеком, сообществом других индивидов, активном вмешательстве в их жизнь (преодоление ущербности физической, интеллектуальной, психологической, сострадание, сопереживание, отказ от насилия).

Проблема перспектив диалога и согласия между христианами и верующими различных конфессий, свободомыслящих являлась предметом внимания со стороны отечественных философов, автор берет на себя смелость утверждать, что и по сей день еще многое в природе этого феномена остается неясным. И, вероятно, одним из наиболее веских тому доказательств является факт отсутствия до сих пор сколько-нибудь однозначной дефиниции перспектив диалога между верующими различных конфессий и свободомыслящими. Проблемы милосердия не были включены в контекст диалога между

верующими и неверующими, что представляет его ограниченность.

В этой связи следует вспомнить, что история диалога христианства со свободомыслящими своими корнями уходит в середину XIX в. и тесным образом соприкасается, с одной стороны, с устремлениями некоторых свободомыслящих и ряда теологов объединить верующих и неверующих для совместных действий, направленных на экономические и культурные преобразования, а с другой – с попытками церкви приостановить процесс дехристианизации народных масс, стабилизировать свое влияние среди широких слоев населения.

В 1888 г. в Брюсселе был основан Всемирный союз свободомыслящих. Первоначально данный союз был создан как федерация свободомыслящих, а с 1938 г. – Всемирный союз свободомыслящих. В 1904 г. была принята Римская декларация, которая провозгласила основными целями Всемирного союза свободомыслящих секуляризацию и демократизацию общества, защиту прав человека, приверженность светскому научному образованию, борьбу с клерикализмом. В 1974 г. Роттердамская сессия Международного совета этого союза подтвердила верность историческим традициям, провозглашенным еще в начале века.

В 1952 г. был основан в Амстердаме Международный гуманистический и этический союз, руководствующийся следующими принципами: рациональным, научным подходом к проблеме человеческого существования; приоритетом этики во взаимоотношениях человека с обществом и природой; неуклонной поддержкой демократических принципов общественной жизни. При Международном гуманистическом и этическом союзе существует молодежная организация, учреждены специальная комиссия по правам человека и Европейский координационный совет светских организаций. Периодический орган союза – ежемесячник «Международный гуманист».

Всемирный союз свободомыслящих и Международный гуманистический и этический союз продолжают антиклерикальные традиции, присущие свободомыслию предшествующих веков. Современные свободомыслящие за рубежом выступают за полное и фактическое отделение церкви от государства и школы от церкви как средства борьбы за свои права. В США в этом плане, например, активно действует «Американский союз борьбы за отделение церкви от государства». Одну из своих задач он видит в том, чтобы дать человеку нетеистическую веру, воспитать его в светском духе. Главным условием для этого является фактическое отделение церкви от государства. Другое условие состоит в усилении морального воспитания, так как именно оно и даст возможность создать лучшую жизнь. Антиклерикализм современных свободомыслящих упирается в моральное пре-

образование общества и милосердие как этическую норму способную изменить человека.

Но не только за рубежом, и в нашей стране также было организовано сообщество гуманистов. В 1995 г. появилось Российское гуманистическое общество (РГО), Межрегиональная общественная организация содействия развитию гуманизма. РГО издает ежеквартальник «Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и Гуманистов». РГО является ассоциированным членом Международного гуманистического и этического союза, объединяющего гуманистические организации около сорока стран Европы, Азии, Латинской Америки, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

В соответствии с Уставом РГО, среди главных целей общества – защита и распространение идей светского (гражданского или секулярного) гуманизма в России, разработка новых форм просвещения, морального и культурного влияния во имя гуманизации человеческих отношений, укрепления демократии, освобождения общественного мнения от иллюзий и предрассудков, мешающих людям более трезво и реалистично воспринимать окружающую действительность и самих себя. Ценностями, образующими фундамент теоретической и культурно-просветительской работы РГО, являются человечность, уважение прав и свобод личности, признание ее социальной и экологической ответственности, также как ее ответственности перед собой – своим телом, мировоззрением и поведением. Среди других высоко ценимых гуманистических качеств – достоинство, милосердие, ненасилие, равноправие и социальная справедливость, Свобода познания (исследования) и свобода совести. В рамках данного Устава есть место для диалога между верующими и свободомыслящими: гуманисты обращаются к человеку как таковому, независимо от его социального статуса, партийности, его религиозной веры или неверия; проясняются модификации и взаимосвязи светского гуманизма и религиозного.

Идея диалога между верующими и свободомыслящими фиксируется в Гуманистическом манифесте III, преемнике Гуманистического манифеста 1933 г. [6]. В Гуманистическом манифесте III указывается, что человеческие существа по природе своей социальны и придают значение общению друг с другом. Гуманисты страстно стремятся к миру всеобщей взаимной заботы и участия, свободному от жестокости и ее следствий, в котором наши несогласия разрешались бы совместными усилиями, без обращения к насилию. Важным является дополнение принципа индивидуальности принципом взаимной зависимости, что обогащает нашу собственную жизнь, подвигает нас к служению жизни других людей, вселяет надежду на достижение всеобщего мира, справедливости и равных возможностей.

Для свободомыслящих милосердие становится наряду с ненасилием, достоинством, равноправием и социальной справедливостью процессом, благодаря которому происходит объединение людей с различным мировоззрением. В социологическом смысле каритативная деятельность – действие, сцепляющее разнородные взаимодействующие элементы (верующий и неверующий, проситель и податель и т. д.) в социальную общность. Та или иная степень согласия в мнениях и действиях необходима для любой формы социального общения, любой социальной организации. На связь между проблематикой коллективной жизни людей и согласия указывали философы-утилитаристы (Гоббс, Локк и т. д.). Социологи Э Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето установили наличие интеграции социальной системы на базе общих для всех ее членов ценностей и норм. Этот момент присутствует и в сочинениях неотомистов, разрабатывающих целую систему принципов социально-этического плана, которым надлежит вести общество по пути «общего блага». Но отличительной чертой этих католических построений является стремление вывести необходимость становления общества из неизменных антропологических качеств личности, находящейся в соотношении с божественным абсолютном.

В современном православном богословии также создана концепция «примирения» в обществе на основе заповедей любви и милосердия, чтобы на общих основаниях строить здание взаимопонимания, взаимоуважения и сотрудничества. Так, в документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятом на Юбилейном Архиерейском Соборе, проходившем в Москве в 2000 г., излагаются базовые положения учения РПЦ по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно-значимых проблем. Документ также отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом.

Согласно этому документу православно-верующие должны участвовать в общественной жизни, основываясь на принципах христианской нравственности. Церковь же вступает во взаимодействие с государством даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой. РПЦ считает, что условием сотрудничества является не прямое обращение всех в православие, а совместное благотворение, которое и приведет людей к миру, согласию и благоденствию, что наилучшим образом будет способствовать стратегии воцерковления нашего народа.

Концепция содержит следующие первоочередные и перспективные задачи:

- возрождение прихода как христианской общины единомышленников;
- возрождение церковных братств и разного рода церковных движений;
- организация церковного здравоохранения;
- создание епархиальных комиссий по благотворительности;
- организация благотворительного бюджета (приходского, епархиального, общецерковного).

Конкретные направления благотворительной работы включают также создание епархиального дома для престарелых, церковного интерната для сирот, книжных магазинов духовной литературы, епархиальной библиотеки, комитета социальной помощи, специализированных приходских учреждений (воскресных школ, курсов катехизаторов для взрослых, детского сада, библиотеки, столовой, общества трезвости и пр.).

Русская Православная Церковь выбрала правильную стратегию воцерковления нашей страны через совместное благотворение – мотив не только сотрудничества различных государств, конфессий и общественных организаций, но и причина появления интереса вероисповедания. Поэтому церковники считают, что реальный диалог возможен не только благодаря милосердию, а благодаря вере. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, в своем докладе на I Всемирном Русском Соборе в 1993 г., «Возрождение православия и обновление России» говорит о том, что верующий человек, имеющий дар благодати, внутренне силен, ему нет нужды прятаться за искусственно возведенными стенами культурного, национального или политического гетто. Такой человек открыт миру, лишен страха и подозрительности... Такой человек способен к реальному диалогу... [7]. По мнению митрополита Кирилла, «расшатывание канонических устоев и догматического сознания, искаженное толкование экуменизма как поиска вероучительного компромисса в деле объединения всех христиан, настойчивое стремление к единой универсальной религии создают предпосылки религиозной ассимиляции» [7, с. 114], т. е. милосердие является мотивом для объединения верующих и неверующих, но, если оно оторвано от жизни православной общины, то может «утратить полезность для человека и общества» [8, с. 140]. Следовательно, милосердие может выступать и в качестве интегрирующего начала, и быть дезинтегрирующей основой. Например, землетрясение в Армении в 1988 г. показало, что каритативная деятельность способна объединить людей с разнополярным мировоззрением, государственным устройством и т.д. В спасательных

работах, совместно с гражданами СССР, участвовали граждане ста тринадцати стран мира, представители различных вероисповеданий и свободомыслящие. Христианские церкви – как в нашей стране, так и за рубежом – откликнулись на это горе. Ватикан выделил в помощь пострадавшим сто тысяч долларов, Русская Православная Церковь – четыре миллиона рублей [9]. Южная баптистская конвенция перечислила в фонд помощи тридцать тысяч долларов, Европейская баптистская федерация – десять тысяч долларов [3]. Верующие евангельские христиане-баптисты нашей страны участвовали в сборе денег, теплых вещей для пострадавших от землетрясения, многие верующие приняли на воспитание в свои семьи детей-сирот [3]. Известна помощь пострадавшим в Армении монахини римско-католической церкви в Индии матери Терезы, основательницы Ордена Милосердия.

Однако каритативная деятельность зарубежных инославных миссий зачастую становилась лишь рекламной акцией в стратегии прозелитизма. В качестве примера рассмотрим деятельность Объединенной Методистской церкви США, которая открылась в России в 1990 г. через агентство «Совет всемирного служения». Данное агентство занималось гуманитарной помощью и в этом ему оказал поддержку в тот период Советский комитет защиты мира и председатели двух синодальных отделов – архиепископ Солнечногорский Сергей и игумен Иоанн (Экономцев) [2]. Методисты оценили поддержку их гуманитарной помощи и стали создавать приходы. Миссионерскую деятельность Методистской Церкви на территории СНГ возглавил пастор Рюдигер Минор, ставший в 1992 г. епископом Методистской Церкви в Евразии. Приходы этой церкви были основаны в Москве, Волгограде, Воронеже и других городах России. В настоящее время Методистская Церковь в России одна из крупных протестантских сект, имеющих свою семинарию в Москве. Русская Православная Церковь выражала свой протест по поводу прозелитизма Методистской Церкви (зимой 1993 г. и в сентябре 1994 г.), но данные встречи не дали положительных результатов.

Активной миссионерской деятельностью занимаются финские лютеране, «Международные бригады – США», «Армия спасения» и т. д. Работа этих религиозных организаций представлена не только гуманитарной помощью, но и осуществляются программы обучения бизнесу, английскому языку, бухгалтерскому учету, этике бизнеса, вопросам здравоохранения, работают в местах лишения свободы.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси, считает, что прозелитическая деятельность иностранных миссионеров побуждает «не только к разоблачению

их истинной сущности, но и к усилению евангелизаторской и благотворительной работы Русской Православной Церкви» [2].

Перед нами два направления в диалоге по проблеме милосердия – между верующими-православными и верующими других конфессий, а также между верующими и свободомыслящими. Во всех этих случаях, наряду с согласием, возможны и конфликтные ситуации между вступающими в отношения по проблеме милосердия. В рамках общения верующих и, например, «инославных» верующих, разгорается спор по поводу дележа паствы, прежде всего, карманов верующих. Взаимоотношения верующих и неверующих по вопросу каритативной деятельности также не всегда достигают гуманистической миссии, так как мировоззренческие разногласия не всегда будут способствовать диалогу. Лишь «жизнь в Боге дарует любовь...», а «причастность к универсальному, Божественному... перестает быть источником вражды и конфликтов», по мнению богослова [8]. Примером являются взаимоотношения воинственных атеистов и верующих в тоталитарном обществе, а милосердие становится чуждым, буржуазным явлением. Хотя попытки сближения разнополярных культур имели место в советском обществе, на что указывает речь Патриарха Московского и Всея Руси Пимена в связи с тысячелетием введения христианства на Руси: «Верующие считают себя принадлежащими к одной семье с неверующими соотечественниками и готовы сотрудничать с ними во всех сферах общественной жизни».

Верующие, как правило, ориентируются на соответствующее поведение свободомыслящих, и сами также подчиняют свое поведение таким же ожиданиям. Но верующие ориентируют свои действия не только на ожидание от верующих каритативной деятельности, но и на установление согласия. Верующие и свободомыслящие предполагают актуализацию уже существующих мотивационных отношений, направленных на новое содержание. К каким конечным выводам не приводили бы теологические или атеистические системы, в мотивационном отношении они обычно используют и перераспределяют ценность таких извечных и глубоко волнующих тем, как счастье, справедливость, милосердие [5]. Таким образом, каритативная деятельность выступает для свободомыслящих и верующих различных конфессий мотивационным опосредованием, способным быть основой диалога.

Французский журналист Жорж Монтарон справедливо заметил: «Диалог – это жизнь. Мы можем прекратить диалог на страницах католической печати, но не можем прекратить его на заводах и в школах, ибо христиане – рабочие, ученые, учителя, студенты – все они ежедневно общаются с марксистами» [10].

Действия христиан и свободомыслящих являются выражением консолидации интересов, направленной на ориентацию поведения, на его правила. В самой общей форме содержание указанной консолидации интересов неверующих и верующих можно определить следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством общественного объединения характер действий другого или других, и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия. Интересы свободомыслящих и верующих согласуются в тех сферах практического сотрудничества, где в ходе диалога отчетливо выявляется общность не односторонних, а общезначимых социальных и гуманистических ориентаций. Расширение и углубление сотрудничества христиан, верующих других конфессий и неверующих возможно, прежде всего, по следующим направлениям: культура, каритативная деятельность, политика, экология и т. д.

Однако основные резервы расширения и углубления диалога между верующими и свободомыслящими связаны с милосердием, значение которого на современном этапе развития общества резко возрастает.

На то, что милосердие является выражением констелляции интересов верующих и свободомыслящих, указывает профессор Пенсильванского Университета США Дагоберт де Леви в своей работе «Проблема альтруизма в учении немецкого философа Христиана Вольфа». Он считает, что «Благотворительство» является объединяющим началом для всех людей – «иностранцев и земляков, для всех последователей религии, для молодых и старых, мужчин и женщин, для друзей и врагов» [11].

Диалог между верующими различных конфессий и свободомыслящих возможен благодаря комплексу действий, включающих также виды каритативной деятельности, ориентированные на ожидания благополучия, счастья, утешения, радости. Установленный порядок является либо односторонним, историческим требованием, например, христиан по отношению к свободомыслящим быть взаимотерпимыми при выполнении каритативной деятельности, или, двусторонним объяснением между верующими и неверующими, субъективно предполагаемое содержание которого сводится к тому, что ожидаются действия определенного типа: помощь пострадавшим от стихийных бедствий, благотворительные акции или милость по отношению к беспомощным старикам, детям, инвалидам и т. д. Невыполнение согласованного порядка в процессе сотрудничества верующих и неверующих в благотворительной деятельности может привести к нарушению диалога.

Для эффективности функционирования каритативной деятельности верующих необходима выработ-

ка решения, являющегося одним из системных признаков объединения свободомыслящих и верующих различных конфессий. В ряду выделяемых переменных процесса принятия решения, социальная задача занимает весьма существенное место: во многом она может быть квалифицирована как источник и объект этого процесса. В таких задачах описываются исходные условия, например, наличие беспомощных детей-сирот, требующих срочной помощи; конечные продукты – изменение положения этих детей (приписаны к детскому дому, попали в семью, на попечении монастырского приюта, получена разовая помощь и т. д.); определенные действия: уборка помещения, в котором находятся малыши, уход за самими детьми: пеленание, стирка вещей, купание, приготовление обедов, обучение, игры и т. д. Все эти действия будут способствовать достижению цели.

Кроме того, весьма существенным условием успешного ведения диалога является позитивность отношений между участниками каритативной деятельности. Важную роль в достижении согласия благотворителей играет посредник: предполагается, что на предложения третьего лица легче согласиться и пойти на уступки, позволяя как верующим, так и неверующим «сохранить лицо».

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что эффективность диалога по проблемам милосердия требует профессиональной компетентности отдельных членов союза, например, педагогической или медицинской подготовки и т. д. Однако согласие между верующими и неверующими, достигнутое посредством каритативной деятельности, определяется не только логически рациональными связями, но и психологическими. В действительности же религиозность может в некоторых случаях привести к своего рода эйфории, субъективно ощущаемой как некая своеобразная безобъективная любовь и милосердие. Вместе с тем, духовные связи христиан, ориентированные на спасение, могут с социологической точки зрения служить звеньями каузального ряда, который начинается с «внешних» обстоятельств и в конечном итоге ведет к «внешнему» поведению [4], направленному на участие в судьбе свободомыслящих, помощь и благотворительство, что является основой согласия.

Из сказанного видно, что реальное поведение индивида вполне может быть субъективно осмысленно ориентированно на несколько систем установлений, которые в смысловом отношении противоречат друг другу, однако, тем не менее, параллельно сохраняют свою эмпирическую значимость. Так, например, согласно бытовавшим взглядам, благотворительная деятельность верующих различных конфессий по отношению к неверующим (марксистам) и наоборот была не всегда возможна. Между тем, в соответствии

с широко распространенными представлениями о смысловых ориентациях, считающихся ранее в обществе значимыми условностями, милосердие часто бывало неизбежным. Участвуя в каритативной деятельности, индивид ориентировал свое поведение на эти конвенциональные предписания; но скрывая свои действия, он ориентировался на требования государственного закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем, обеим системам приписываются эмпирическая «значимость», по утверждению М. Вебера, состоящая в том, что поведение осознанно ориентированно на их смысл и испытывает его влияние. Это значит, что объединенные в общество верующие и неверующие в среднем с достаточной долей вероятности рассчитывали на «соответствующее» требованиям установленного порядка поведение других, и сами в среднем также подчиняли свое поведение таким же ожиданиям [5]. Общностно ориентированные действия верующих и неверующих, опирающиеся на каритативную деятельность, тем более возможны, чем больше можно в среднем рассчитывать на то, что ориентируют свои ожидания не только на нормативные экспектации, но и чем в большей степени распространено среди них субъективное воззрение, что для них «обязательна» «легальность» отношения к системе.

Наиболее рациональным объединением верующих и неверующих, исходя из выше сказанного, будет считаться договор по проблеме милосердия или общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, принятых всеми участниками на основе общего согласия. В основе договора лежат определенные условия: какие и в каких формах осуществляемые действия (милость, благотворительная деятельность, милостыня) каких лиц, должны считаться действиями союза и какие последствия это будет иметь для объединенных на основе идей милосердия верующих и неверующих.

Следующим условием является наличие материальных благ, используемых в общих целях каритативной деятельности и благотворительства, затем, важным представляется то, какие органы союза верующих и свободомыслящих будут распоряжаться и каким образом; что участники должны делать во имя целей этого союза; какие действия «требуются» или «разрешаются» и какие преимущества они получают от своего участия в деятельности союза. И, наконец, какими будут органы союза, при каких условиях и с помощью каких средств им действовать для сохранения установленного порядка. Каждый индивид, участвующий в каритативной деятельности, полагается на то, что другие участники договора

будут действовать в соответствии с установленными соглашениями. Конечно, вероятность принуждения (например, христианское «братское» увещание или осуждение поступка неверующими, критика со стороны товарищей и т. д.) в случае нарушений договора значительно усиливают субъективную уверенность в том, что доверие не будет обмануто, а также и объективную вероятность того, что упомянутые ожидания обоснованы.

В настоящее время складывается совершенно новый тип взаимоотношений, где верующие различных конфессий и свободомыслящие выступают как равноправные субъекты. А это значит, что верующие и неверующие представляют единую человеческую общность, при этом необходимо иметь способность преодолевать идеологический барьер и с этой целью помогать человеку в выживании.

Каритативные объединения христиан, верующих других конфессий и свободомыслящих различаются в зависимости от возможностей сторон, от степени участия той или иной стороны в благотворительной деятельности и т. д.

Следует отметить, что при полном развитии союз верующих и неверующих на основе милосердия явил бы собой не эфемерное, а длительно существующее социальное образование. Это означает: несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях верующих различных конфессий и неверующих, союз или объединение рассматривается как остающееся идентичным.

Вместе с тем, отношения свободомыслящих и верующих в области каритативных отношений до сих пор неоднородны. Чаще всего верующие и неверующие образуют фонды и общества, в основе которых лежит сбор денежных пожертвований и ценностей. Среди таких фондов выделяются Благо-творительный Фонд «Мост», «Покровский», Благотворительный Фонд защиты детей «Поколение – будущее», Еврейский Благотворительный Фонд «Джоинд», Еврейский Благотворительный Фонд «Хэсэд шалом» и т. д. К сожалению, при обращении за финансовой помощью в еврейские благотворительные фонды («Хэсэд шалом», «Джоинд» и т. д.) всегда слышишь предупреждение: «Благотворительная помощь оказывается только евреям». Это высказывание ставит под сомнение идею милосердия – оказание помощи любому человеку независимо от его социального, национального, религиозного положения. И в то же время заслуживает внимания деятельность Благотворительного Фонда «Покровский» (г. Ростов-на-Дону), который оказывает материальную (финансовую) поддержку многодетным семьям, детям-сиротам. Начиная свою деятельность этот фонд оказанием помощи при строительстве храма святой великомученицы Параскевы Пятницы в г. Ростове-на-Дону,

а затем при поддержке фонда был построен детский приют при приходской церкви в Маныче. В настоящее время Благотворительный Фонд «Покровский» осуществляет финансовую помощь в строительстве православной деревни для многодетных семей, причем это семьи, в которых будут жить приемные дети из детских домов. Православная деревня строится в селе Петровка, Мясниковского района, Ростовской области. Фонд существует за счет пожертвований верующих и неверующих. Опыт такой деятельности полезен для благотворительных фондов и организаций, существующих в России в том виде, который нам известен, являющихся не всегда эффективными в своей помощи, а иногда представляющихся бесперспективными. Это часто определяется тем, что благотворительные организации, фонды являются государственными институтами, к которым не всегда есть доверие со стороны общества. Созданные фонды и организации, ничего не производя, чаще всего поглощают большое количество средств на свое существование, не отчитываясь перед настоящими благотворителями в своих расходах. Опыт Армении показал, что любое включение в оказание помощи государственных организаций приводит к социальным конфликтам из-за дележа материальных благ, к обогащению имущих и к оскорблению остальных в стране.

В то же время заслуживает внимания каритативная деятельность внегосударственных фондов милосердия, орденов, обществ, объединяющих как христиан, так и свободомыслящих, верующих различных конфессий. Среди таких добровольческих благотворительных объединений можно назвать Общество Милосердия в Санкт-Петербурге, Московское общество «Милосердие» и другие.

Санкт-Петербургское Общество Милосердия существует за счет богатых спонсоров. Члены этого общества бескорыстно работают в больницах, домах престарелых, психоневрологических интернатах, детских домах, школах-интернатах. Помощь осуществлялась и одиноким, беспомощным людям на дому. Общество было создано в кризисные 1990-е гг., первым ее председателем был Даниил Гранин. Общество создало первую в стране бесплатную столовую, открыло дом милосердия по типу ночлежного дома. В основе таких добровольческих объединений лежат принципы добра и милосердия, справедливости и взаимопомощи.

Однако такой вид каритативной деятельности, как совместный труд в целях помощи нуждающимся, редкое явление среди благотворительных объединений верующих различных конфессий и свободомыслящих. Пока нам известны добровольные субботники и воскресники по охране памятников, восстановлению церквей и храмов, бывающие ре-



гулярно и пользующиеся большой популярностью. Проводят мероприятия по охране памятников, субботники, разовые благотворительные акции в домах престарелых, детских приютах такие политические партии: ЛДПР, «Единая Россия», КПРФ. Трагические события в Южной Осетии этим летом показали, как всем миром, верующие и неверующие, взялись помогать пострадавшим во время войны с Грузией.

Нам сложно оценивать степень развития сотрудничества верующих и неверующих различных конфессий и свободомыслящих в каритативной деятельности, так как ограничены сведения о формах, структуре внешних и внутренних контактов таких связей. Тем не менее, те факты, которыми мы располагаем, показывают, что в последнее время интенсивно увеличиваются размеры совместной благотворительной деятельности (примером является помощь пострадавшим в Южной Осетии). Это определяется сближением верующих и неверующих в рамках общегуманитарных проблем, влиянием гуманитарного воспитания, уровнем самосознания личности (способной преодолеть национальный, расовый, социальный эгоизм), а также изменившимся социально-политическим положением церкви в обществе и отношением церкви к обществу.

Служители Русской Православной Церкви предлагают свой опыт каритативной деятельности. В январе 1991 г. определением Священного Синода Русской Православной Церкви был образован Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата (ОЦБСС МП), возглавляемый архиепископом Солнечногорским Сергием, управляющим делами Московской Патриархии. Отдел, образованный в 1990-е гг., опирался на опыт каритативной деятельности зарубежных христиан, которые сыграли огромную роль в возрождении диаколического служения, подготовке социальных работников, разработке и реализации благотворительных проектов. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, выступая с речью перед участниками научно-практической конференции «Сотрудничество Русской Православной Церкви с государственной системой здравоохранения России», проходившей в мае 2001 г., особо выделил следующие зарубежные христианские организации, оказавшие гуманитарную помощь россиянам: Епископальная Церковь США, Экуменический центр имени Бернардо Клезио (Трентийская епархия Римско-Католической Церкви), Всемирная Лютеранская Федерация, Международная православная благотворительная организация (ЮСС), католическое Общество святого апостола Петра, Евангельско-Лютеранская Церковь Германии, Церкви Дании, Коптская Церковь, Всемирный Совет Церквей, Епископальная Церковь США, католическая благотворительная организация «Renovabis», ВСЦ, ХМК

и другие межцерковные организации. Следует отметить, что взаимодействие с различными конфессиями осуществляется и на местном уровне. Гуманитарную помощь оказывали приходы Евангелическо-Лютеранской Церкви, Армянской Апостольской Церкви, Русской Православной старообрядческой Церкви, Евангельских христиан-баптистов. В Санкт-Петербурге с 1991 г. функционирует Христианский межцерковный диаколический совет, в котором представлены Русская Православная Церковь, Римско-Католическая Церковь, Евангелическо-Лютеранская Церковь Ингрии, Церковь евангельских христиан в Духе апостолов. Основной задачей совета стало развитие диаколических, образовательных и научно-исследовательских инициатив. Поддержку в организации работы совета оказали: Датская церковная помощь, Всемирный Совет Церквей, Финская церковная помощь, Диаколическая служба Евангелическо-Лютеранской Церкви Германии, Шведская церковная помощь. При отделе по церковной благотворительности осуществляет свою деятельность Межцерковный офис по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам. Работа данного Офиса проводится в рамках Межцерковного Соглашения, подписанного руководителями Союза евангельских христиан-баптистов, Русской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви России [1].

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в речи к участникам научно-практической конференции «Сотрудничество Русской Православной Церкви с государственной системой здравоохранения России» сказал, что «вероучение той или иной конфессии влияет на осуществляемые ею социальные программы... Иными словами, благотворительная деятельность в ряде случаев оказывается подспорьем миссионерства и прозелитизма. В результате разрушаются добрые межконфессиональные отношения, появляются трудности в ведении богословских диалогов, теряется надежда на взаимное сотрудничество» [1]. Все эти факты приводят к тому, что отношение Русской Православной Церкви к инославью в вопросах милосердия неоднозначно и колеблется от самоизоляции до стремления к открытости.

Как это бывает в кризисных ситуациях, мы обращаемся на Запад в поисках образцов каритативной деятельности и заимствуем не то, что нам нужно, а то, что кажется простым и привлекательным. В случае с благотворительностью мы пытаемся взять формы, способы сбора средств и распределения, но не направленность деятельности. Благотворительные организации других стран оказывают помощь вполне определенного плана, в частности, помощь отдельным людям, оказавшимся в кризисных ситуациях. Эти стереотипы в нашей стране не всегда возможны.

Для оказания помощи в традиционном для Запада смысле необходимо создание организации, которая сама по себе поглотит огромное количество денег. На Западе основное содержание благотворительности заключается не в государственном и общественном иждивении и призрении, а в стимулировании производящей деятельности.

По нашему мнению, необходимо использовать прогрессивный опыт благотворительной деятельности в зарубежных странах, опыт каритативной деятельности различных религиозных объединений для организации новых добровольческих обществ милосердия различных концессий и общественных организаций. Верующие и неверующие совместно должны решать проблемы благотворительности, преодолевать стереотипы государственного и общественного иждивения и призрения, используя стимулирование производящей деятельности, поддержку потребности в личностной автономии, независимости, свободе.

Мы считаем, что реальная благотворительность должна заключаться в создании условий для производительного труда, в материальном и моральном стимулировании тех, кто хочет не просить, а делать дело. Оптимальный путь развития благотворительности в нашей стране – это стимулирование новых негосударственных институтов, в которых все могли бы найти применение своим способностям и возможностям. Необходима помощь в создании общественных организаций, где люди смогли бы овладеть иными ролями, кроме просителя, могли бы оформиться как способные к предложению благотворительной помощи, а не только к ее получению.

Необходимы знание о реальности, в том числе и о том, какие люди и в каких обстоятельствах нуждаются в помощи, какой эта помощь может быть. Оптимальным будет вариант, когда свободомыслящие и верующие совместно будут создавать концепции благотворительности, систему религиозных и религиозных и добровольческих орденов, организаций по обслуживанию в больницах и т. п.

Итак, перспективы сотрудничества верующих и неверующих в благотворительной деятельности – создание новых каритативных институтов (общества

«Милосердия», благотворительные фонды, религиозные и добровольческие ордены и т.п.), способных реально помочь нуждающимся в нашей стране на основе уважения личности и справедливости.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси* Участникам научно-практической конференции «Сотрудничество Православной Церкви с государственной системой здравоохранения России» // Журнал Московской Патриархии. – 2001. – № 4.
2. *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси* Церковь занимает активную позицию // сб. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. – СПб.: Царское Дело, 1996.
3. *Батылин А.* Святое чувство сострадание // Информационный бюллетень. – 1989. – № 1.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
5. *Вилюнас В. К.* Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
6. Гуманистический манифест III, преемник Гуманистического манифеста 1933 г. // Здравый смысл. Зима. – М., 2006 / 2007. – № 1 (42).
7. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский* Возрождение православия и обновление России. Доклад на I Всемирном Русском Соборе в 1993 г. / сб. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских Архиереев. – СПб.: Царское Дело, 1996.
8. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский* Через Духовное обновление русского народа – к его национальному возрождению! Доклад на II Всемирном Русском Соборе в 1995 г. / сб. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. – СПб.: Царское Дело, 1996.
9. *Мальгин А.* Сотвори добро ближнему // Неделя. – М., 1989. – № 2.
10. *Шаров В. Г.* Межнациональные отношения: диалог марксизма и религии. – Л.: Знание, 1990.
11. *De Levie Dagobert Christian Wolff und der Begriff der Menschenliebe.* – Kolner Universitat, 1972.

## ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНО-ВОЗРАСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МОДЕЛЕЙ ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ НА УСПЕШНОСТЬ ИХ РАСПОЗНАНИЯ ДОШКОЛЬНИКАМИ

**Коваль Ю. Б.,  
Лабунская В. А.**

*В статье рассматриваются особенности распознавания дошкольниками моделей лицевой экспрессии сверстников и взрослых людей. В качестве детерминант успешности распознавания изучаются гендерно-возрастные характеристики моделей (кодов) лицевой экспрессии и опыт непосредственного общения с субъектами кодирования эмоциональной экспрессии. В исследовании применялось два блока задач: 1) социально-перцептивные задачи на распознавание лицевой экспрессии детей и взрослых; 2) кодирование детьми экспрессии базовых эмоциональных состояний. Эти задачи входят в состав методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» (В. А. Лабунская, 2008). В статье анализируются следующие показатели: 1) интегральный индекс успешности распознавания экспрессии эмоциональных состояний, смоделированной детьми; 2) интегральный индекс успешности распознавания детьми экспрессии эмоциональных состояний, смоделированной взрослыми людьми; 3) индекс успешности распознавания эмоциональной экспрессии детей, с которыми имеется опыт общения и с которыми опыт общения отсутствует (мальчики и девочки); 4) индекс успешности распознавания детьми выражений собственного лица – «Я-экспрессий». С целью обработки полученных данных применялся Т-критерий, Z-критерий. В исследовании приняли участие 100 детей старшего дошкольного возраста: 49 мальчиков и 51 девочка, посещающие различные детские сады.*

**Ключевые слова:** коды экспрессии, распознавание экспрессии, опыт общения, гендер, дошкольники.

### **Постановка проблемы**

Особое место среди исследований в области психологии невербального экспрессивного поведения занимает проблема кодирования – распознавания лицевых выражений эмоций. В психологии невербального экспрессивного поведения подчеркивается, что эмоциональные выражения являются значимыми компонентами взаимодействия, что способность кодировать и распознавать (декодировать) экспрессивное невербальное поведение, свободно и правильно использовать свой экспрессивный репертуар является обязательным условием развития навыков установления нормальных отношений с другими людьми. Различия в кодировании и распознавании сложных эмоциональных состояний рассматриваются в качестве одного из объяснительных принципов дифференциации социального успеха [3, 12, 13, 17, 29, 36, 46].

Современное состояние психологии экспрессивного невербального поведения отличается тем, что исследователи все чаще рассматривают различные

компоненты экспрессивного невербального поведения в качестве показателя аттрактивности личности [44], меры ее убежденности в чем-либо, предубежденности, согласия, сострадания, желания помочь другим, стилей поведения личности, в качестве надежного инструмента измерения уровня развития различных способностей и умений [40, 43, 46, 47]. Выводы указанных работ позволяют сформулировать фундаментальное положение о полифункциональности экспрессивного невербального поведения в различных социальных контекстах. Оно выступает, одновременно, и как средство познания личности, и как средство влияния, воздействия, регуляции своего и чужого поведения, как способ контроля и как показатель уровня развития различных навыков и умений.

В последнее время, в связи с исследованием эмоционального интеллекта, возрос интерес к изучению различных функций экспрессивного невербального поведения, а также усилилось внимание к феноменам управления, моделирования экспрессии эмоций,

понимания своего состояния и состояний другого человека [5, 17, 21]. Рассматривая эмоциональный интеллект, исследователи отмечают, что его можно интерпретировать как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управление ими» [20, с. 33], подчеркивают, что эмоциональный интеллект – это устойчивая ментальная способность, в структуру которой входит способность к различению и выражению эмоций (И. Н. Андреева) [2]. Ряд исследователей обращают внимание на то, что способность к управлению эмоциями проявляется в контроле за их внешним выражением, отмечают, что уровень развития эмоционального интеллекта непосредственно связан с особенностями общения, способствует социальной адаптации, влияет на ощущение субъективного благополучия и т. д. [14, 24]. Заслуживает внимание тот факт, что программы, нацеленные на развитие эмоционального интеллекта, включают в большом количестве задания на управление экспрессивным репертуаром, на идентификацию эмоций и отношений на основе различных компонентов экспрессивного поведения [16, 23].

Изучение проблемы кодирования-интерпретации детьми экспрессивного поведения имеет особое значение в связи с исследованием эмоционального интеллекта, эмоциональной компетентности, социально-эмоционального развития [6, 9, 22], эмоциональной социализации [4, 24, 35]. Известно также, что неадекватные и интенсивные эмоциональные реакции сопровождают различные формы психопатологии, являются причиной возникновения социальных трудностей.

Результаты работ, выполненных в контексте выше указанной проблематики, убедительно доказывают, что различные формы взаимодействия детей с другим человеком (взрослыми, сверстниками) включают установку на понимание эмоциональных состояний, эмоциональное предвосхищение, которое играет важную роль в регуляции общения и взаимоотношений. Кроме этого, выполненные исследования подтверждают, что кодирование и распознавание экспрессии эмоциональных состояний является одним из компонентов социального интеллекта и показателем эмоциональной компетентности [7, 10, 11], что они оказывают влияние на восприятие детьми дошкольного возраста семейных отношений, на уровень популярности детей в группе [31, 32]. Как подчеркивают К. Springer, J. A. Meier, D. Berry [45], к концу дошкольного возраста формируется чувствительность к паттернам эмоционального поведения, соответствующим различным событиям в сфере межличностных отношений [39, 42].

В процессе изучения распознавания лицевой экспрессии было установлено, что дети менее успешно распознают экспрессию страха и отвращения, осо-

бенно в том случае, когда они предъявляются в паре с удивлением и гневом [37, 38], что возрастные различия влияют на успешность распознавания неинтенсивной и неоднозначной лицевой экспрессии [30]. В целом, дети отличаются уровнем понимания эмоций [7, 28], а развитие способности к распознаванию эмоций по выражению лица у детей идет от визуальной дифференциации эмоциональных состояний к анализу собственных эмоциональных состояний, а от них – к использованию эталонов эмоции и переходу к категоризации эмоциональных состояний [19].

Одним из вопросов, рассматриваемых в психологии экспрессивного поведения, является вопрос о преднамеренном контроле детьми движений лица [18]. В исследовании P. Gosselin et al. [38] изучался преднамеренный контроль детьми единиц лицевых выражений грусти и счастья. В этой работе использовался прием лицевого изображения детьми эмоций счастья (радости) и печали. Детей, которые приняли участие в этом исследовании, просто попросили изобразить счастье и печаль настолько убедительно, насколько возможно. Главным выводом этого исследования стало то, что дети успешно используют технику «намеренной акции», чтобы продемонстрировать лицевые выражения и тем самым отношение к другому человеку. Начиная с 3-х лет и далее дети все с большей успешностью применяют «правила кодирования» и регулируют меру соответствия экспрессивного поведения ситуации [31]. Они используют для передачи своих эмоций различные подструктуры невербального поведения, движения и жесты. В паттернах поведения детей могут гармонично взаимодействовать выражения лица и движения тела [34]. Дети 6–7 лет дифференцированно применяют эмоциональную экспрессию с целью регуляции отношений в различных ситуациях социального взаимодействия [8], к 5–6 годам они свободно передают в рисунках как собственные, так и чужие эмоции путем изображения адекватных лицевых экспрессий [25].

Таким образом, распознавание и кодирование дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний указывает на становление у них определенного уровня развития эмоционального интеллекта. Учитывая тот факт, что дошкольники взаимодействуют как со сверстниками, так и со взрослыми, становится необходимым изучение особенностей распознавания дошкольниками кодов экспрессии эмоциональных состояний, смоделированных детьми и взрослыми. Определение таких особенностей может указать на направления развития их эмоционального интеллекта: эмоциональный интеллект в сфере общения с взрослыми; эмоциональный интеллект в сфере общения со сверстниками.

### Методология исследования

Учитывая зависимость развития эмоциональной компетентности у детей от различных переменных взаимодействия с окружающими людьми, исследование кодирования – распознавания экспрессии эмоциональных состояний, как одного из важнейших показателей, предполагает рассмотрение этих процессов в контексте общения детей со сверстниками, в «общении с равными», в «детских сообществах» [1], когда их участники являются и субъектами, и объектами процессов кодирования и распознавания, имеют опыт непосредственного общения друг с другом. Такой подход к изучению кодирования-распознавания детьми лицевой экспрессии эмоций может дать больше информации об особенностях распознавания и воспроизведения определенных моделей экспрессивного поведения, принятых в детских сообществах.

В старшем дошкольном возрасте становится ярко выраженной консолидация со сверстниками своего пола [26], следовательно, начинают формироваться «мужские и женские» способы кодирования лицевой экспрессии, сензитивность к выражению эмоций представителями своей гендерной группы. Несмотря на большую ориентацию детьми старшего дошкольного возраста на сверстников по сравнению с предыдущими этапами развития, взрослые остаются для них важными партнерами по взаимодействию [22, 27].

Таким образом, наш подход к определению особенностей распознавания старшими дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний заключается в изучении данного феномена в реально существующих детских группах, с учетом гендерных различий. Для выявления особенностей распознавания старшими дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний необходимо также осуществить сравнительное изучение, привлекая детей, которые имеют опыт непосредственного общения с теми сверстниками, которые создали коды лицевой экспрессии и которые входят в одну детскую группу с субъектом распознавания лицевой экспрессии, а также тех детей, которые не имеют опыта непосредственного общения с детьми – субъектами кодирования эмоциональной экспрессии. Реализация принципа сравнительного изучения особенностей распознавания лицевой экспрессии эмоциональных состояний также предполагает использование кодов, созданных незнакомыми взрослыми людьми, с которыми отсутствует опыт непосредственного общения.

Исходя из нашего подхода к изучению особенностей распознавания дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний, **цель данного исследования** заключалась в определении раз-

личий в распознавании дошкольниками экспрессии эмоциональных состояний взрослых и сверстников. В исследовании проверялась гипотеза о том, что успешность распознавания детьми дошкольного возраста экспрессии эмоциональных состояний может быть обусловлена гендерно-возрастными характеристиками моделей лицевой экспрессии и опытом непосредственного общения с ними.

### Участники исследования

В исследовании приняли участие 100 детей старшего дошкольного возраста: 49 мальчиков и 51 девочка, посещающие различные детские сады.

### Процедура и методы исследования

С целью изучения особенностей распознавания детьми дошкольного возраста экспрессии эмоциональных состояний, была разработана процедура исследования, в основе которой лежит созданная нами методика «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» [15]. Данная методика включает различные по своей функциональной направленности задачи, которые подробно описаны И. Н. Андреевой [2]. В настоящем исследовании с целью определения особенностей распознавания детьми дошкольного возраста лицевой экспрессии состояний применяется два блока задач: 1) социально-перцептивные задачи на распознавание лицевой экспрессии детей и взрослых; 2) кодирование экспрессии базовых эмоциональных состояний.

На первом этапе исследования мы предлагали детям создать коды лицевой экспрессии четырех эмоциональных состояний: радость, удивление, страх, печаль. Экспериментатор просил каждого дошкольника показать на своем лице: радость, удивление, страх, печаль. Фотоаппарат фиксировал лицевую экспрессию каждой эмоции после того, как дети были готовы к созданию экспрессивного кода той или иной эмоции и сообщали об этом экспериментатору. Таким образом, было получено 400 фотоизображений экспрессивных кодов базовых эмоций, созданных детьми: 204 экспрессивных кода, созданных девочками, и 196 кодов, созданных мальчиками (более подробно см. в [18]). На втором этапе исследования детям, принявшим участие в первом этапе исследования, предъявлялись фотокоды лицевой экспрессии эмоций. Дети должны были выступить в роли кодера-наблюдателя, т. е. распознать, какую эмоцию выражает лицо. Показатель успешности распознавания детьми лицевой экспрессии сверстников рассчитывался на основе ответов детей, которые сопоставлялись со списком эмоций, которые дети должны были закодировать на первом этапе исследования. Если в процессе распознавания лицевой экспрессии называлась эмоция, соответствующая той,

которую предлагал экспериментатор изобразить с помощью лицевой экспрессии, то дошкольник – субъект распознавания получал 1 балл. Индекс успешности распознавания дошкольниками экспрессии каждой эмоции рассчитывался по следующей формуле:  $K = N \times 100 / \Sigma$ , где  $K$  – индекс успешности распознавания;  $N$  – количество правильных ответов, которые дали дети кодеры-наблюдатели;  $\Sigma$  – сумма всех полученных ответов (см. подробнее в [18]).

На третьем этапе исследования детям предъявлялись выражения эмоциональных состояний, которые принадлежали взрослым людям. Набор экспрессий лица взрослых входит в качестве третьей задачи в методику «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» [15]. Успешность распознавания детьми экспрессии эмоциональных состояний взрослых людей рассчитывалась по той же схеме, что и успешность распознавания детьми лицевой экспрессии сверстников. В данной статье рассматриваются следующие индексы успешности распознавания лицевой экспрессии эмоциональных состояний: 1) интегральный индекс успешности распознавания экспрессии эмоциональных состояний, смоделированной детьми; 2) интегральный индекс успешности распознавания детьми экспрессии эмоциональных состояний, смоделированной взрослыми людьми; 3) индекс успешности распознавания эмоциональной экспрессии знакомых и не знакомых детей (мальчики и девочки); 4) индекс успешности распознавания выражений собственного лица «Я-экспрессий».

С целью обработки полученных данных применялся Т-критерий (сравнение парных выборок); Z-критерий.

### Результаты и выводы

В таблице 1 зафиксированы показатели, указывающие на существенные различия в распознавании дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний, смоделированных взрослыми и сверстниками. Уровень успешности распознавания дошкольниками лицевой экспрессии, смоделированной взрослыми, намного выше, чем лицевой экспрессии, смоделированной сверстниками, но намного ниже, чем успешность распознавания «Я – кодов лицевой экспрессии». Такая же закономерность наблюдается и в том случае, когда сравниваются индексы распознавания кодов лицевой экспрессии, созданные сверстниками и «Я – кодов лицевой экспрессии».

Интересным является тот факт, что дошкольники с одинаковой успешностью распознают коды лицевой экспрессии, смоделированные детьми, которые принадлежат и не принадлежат к группе субъекта распознавания. Иными словами, дошкольники понимают лицевую экспрессию как тех детей, с которыми

они имеют опыт непосредственного общения, так и тех, с которыми такой опыт общения отсутствует. Вместе с этим, наблюдается тенденция при сочетании возраста (дети) и пола с различной успешностью распознавать коды лицевой экспрессии состояний девочек и мальчиков, с которыми субъекты распознавания общаются длительное время.

Таблица 1

### Сравнение успешности распознавания детьми кодов лицевой экспрессии эмоциональных состояний (КЭС), смоделированных сверстниками и взрослыми

	t	ст.св.	Значение. (2-стороннее)
Взрослые КЭС- Детские КЭС.	3,097	99	,003
Взрослые КЭС – «Я – КЭС»	-3,409	99	,001
Распознавание детьми КЭС, созданных сверстниками из своей и чужой группы	-,2745	99	,784
Детские КЭС – «Я – КЭС»	-5,326	99	0,00
Распознавание детьми КЭС, созданных девочками из своей и чужой группы	1,404	99	,163
Распознавание детьми КЭС, созданных мальчиками из своей и чужой группы	-1,009	99	,315

Успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных девочками из своей группы выше, чем успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных девочками из чужой группы. Иная тенденция наблюдается тогда, когда распознаются коды лицевой экспрессии состояний, созданные мальчиками. Успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных мальчиками из чужой группы, выше, чем успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных мальчиками из своей группы. Эти данные дополняются результатами сравнительного анализа успешности распознавания моделей лицевой экспрессии, отличающихся гендерными характеристиками. Так, лицевая экспрессия, смоделированная мальчиками, распознается значительно успешнее, чем лицевая экспрессия, созданная девочками ( $Z = 3,439$ ) не зависимо от опыта общения с ними. Значимые различия отсутствуют в успешности распознавания дошкольниками лицевой экспрессии, смоделированной взрослыми мужчинами и женщинами. Между мальчиками и девочками отсутствуют различия в распознавании «Я – кодов лицевой экспрессии».

Из этих данных следует, что гендерные характеристики лицевой экспрессии взрослых людей не оказывают существенного влияния на успешность их распознавания. Гендерный статус моделей лицевой экспрессии влияет на успешность распознавания в том случае, когда экспрессия смоделирована детьми.

**Заключение**

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу в той ее части, которая касается возрастных характеристик моделей лицевой экспрессии: успешнее распознается детьми лицевая экспрессия взрослых людей. Гендерные характеристики лицевой экспрессии взрослых людей не оказывают существенного влияния на успешность их распознавания. Гендерный статус моделей лицевой экспрессии влияет на успешность распознавания в том случае, когда экспрессия смоделирована детьми. Данная закономерность нарушается в том случае, когда в качестве объекта распознавания выступают «Я – коды лицевой экспрессии». Дошкольники, воспринимая собственные выражения эмоций, демонстрируют более точное их понимание, чем при распознавании лицевой экспрессии, смоделированной взрослыми людьми.

Взаимодействие трех изучаемых факторов (гендерно-возрастные характеристики моделей лицевой экспрессии и опыт непосредственного общения с ними субъектов распознавания), оказывающих влияние на успешность распознавания кодов лицевой экспрессии эмоциональных состояний, наблюдается в ситуации восприятия кодов лицевой экспрессии эмоциональных состояний, смоделированных девочками и мальчиками.

Исходя из этих выводов, можно предположить, что сензитивность дошкольников к экспрессивному поведению взрослых выше, в связи с тем, что на протяжении всего периода дошкольной социализации взрослый остается наиболее значимым партнером по общению. Вместе с этим, мы видим, что появляющаяся в старшем дошкольном возрасте ориентация на сверстников как партнеров по взаимодействию начинает способствовать развитию понимания выражений лица сверстников, отличающихся гендерными особенностями и относящихся к своей и чужой детской группе.

Влияние непосредственного опыта общения со сверстниками на успешность распознавания лицевой экспрессии эмоциональных состояний должно рассматриваться в совокупности с гендерными характеристиками моделей лицевой экспрессии.

Таким образом, уровень эмоционального интеллекта дошкольников может изменяться в зависимости от ряда ситуативных факторов. В большей мере эмоциональный интеллект дошкольников выражен тогда, когда они общаются со взрослыми, и в том случае, когда у них есть опыт общения со сверстниками, особенно с девочками.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. *Абраменкова В. В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.: Модек, 2000. – 416 с.
2. *Андреева И. Н.* Эмоциональный интеллект: исследование феномена // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86.
3. *Барабанщиков В. А.* Экспрессии лица и их восприятие. – М.: Изд-во ИП РАН, 2012. – 341 с.
4. *Загвоздкин В. К.* Эмоциональный интеллект и его развитие в условиях семейного воспитания // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 97–103.
5. *Зайцева К. А., Орлов А. М.* Оценка связи восприятия эмоциональной интонации речи с компонентами эмоционального интеллекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 1. – С. 126–134.
6. *Изотова Е. И.* Феноменология эмоционального развития современных дошкольников // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2013. – Т. 6. – № 29. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/833-izotova29.html> (дата обращения 20.01.2014).
7. *Карелина И. О.* Проблема понимания эмоций детьми дошкольного возраста // Ярославский педагогический вестник (психолого-педагогические науки). – 2010. – № 4. – Т. II. – С. 241–247.
8. *Коваль Ю. Б.* Особенности выбора дошкольниками эмоциональной экспрессии с целью регуляции отношений в различных ситуациях социального взаимодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 6. – С. 97–102.
9. *Козлова Е. В.* Социально-эмоциональное развитие старших дошкольников // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7 (19). – С. 178–182.
10. *Комкова Е. И., Недвецкая Т. М.* Идентификация эмоций как показатель эмоционального интеллекта у старших школьников // Инновационные образовательные технологии. – 2012. – № 1 (29). – С. 53–58.
11. *Комкова Е. И.* Эмоциональный интеллект и восприятие детьми дошкольного возраста семейных отношений // Вестник ВятГУ. – 2010. – № 4 (1). – С. 159–163.
12. *Коццолино М.* Невербальная коммуникация. Теории, функции, язык и знак. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. – 248 с.
13. *Крейдлиг Г. Е.* Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
14. *Кривошлыков И. А.* Распознавание невербальной экспрессии как условие субъективного благополучия в интимно-личностных отношениях в подростковом и юношеском возрастах // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. – № 4. – URL: <http://naukovedenie.ru> 16ПВН413 (дата обращения 25.03.2014).

15. Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические основания создания методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» // Российский психологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 35–48.
16. Лабунская В. А., Шкурко Т. А. Развитие личности методом танцевально-эспрессивного тренинга // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 1. – С. 31–38.
17. Лабунская В. А., Дроздова И. И. Социально-психологические особенности субъектов педагогического общения с различным типом соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2003. – № 1. – С. 248–259.
18. Лабунская В. А., Менджеричкая Ю. А. Детерминанты кодирования детьми лицевой экспрессии эмоций: опыт общения и гендер // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 1. – С. 101–113.
19. Листик Е. М. Исследование развития способности к распознаванию эмоций по выражению лица у детей старшего дошкольного возраста // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2008. – № 2 (23). – С. 68–81.
20. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования. – М.: Изд-во ИП РАН, 2004. – С. 29–38.
21. Люсин Д. В., Овсяникова В. В. Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 6. – С. 82–94.
22. Наманихина О. И. Взаимодействие с взрослыми как пространство развития психологического здоровья старших дошкольников // Российский психологический журнал. – 2011. – Т. 8. – № 3. – С. 81–85.
23. Осипова И. С., Егоров В. С. Особенности эмоционального интеллекта школьников и студентов разных профессиональных типов // Вестник Мордовского университета. – 2011. – № 2. – С. 66–68.
24. Приходько А. И. Эмоциональная социализация: содержание и механизмы // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2009. – № 4(6). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 25.12.2013).
25. Прусакова О. А., Сергиенко Е. А. Понимание эмоций детьми дошкольного возраста // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 24–36.
26. Репина Т. А. Особенности общения мальчиков и девочек в детском саду // Вопросы психологии. – 1984. – № 2. – С. 63–70.
27. Сапогова Е. Е. Своеобразие переходного периода у детей 6–7-летнего возраста // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 36–43.
28. Щетинина А. М. Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 60–66.
29. Ambady N., Weisbuch M. Nonverbal Behavior. In: Susan T. Fiske, D. T. Gilbert, G. Lindzey editors. Handbook of Social Psychology. John Wiley & Sons; 2010, V. 1. p. 464–497.
30. Beek, van Y., J. Age and Gender Differences in Decoding Basic and Non-basic Facial Expressions in Late Childhood and Early Adolescence // J. of Nonverbal Behavior 2008, V. 32 (1), pp. 37–52.
31. Bisson J. B. The Development of Emotion Understanding in Preschoolers. Doctoral Dissertations. 2013. <http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/139>
32. Boyatzis Ch. J., Ch. Children's facial and gestural decoding and encoding: Relations between skills and with popularity // Journal of Nonverbal Behavior 1994, V. 18, (1), pp. 37–55.
33. Cassano J., Perry-Parrish M., Stegall S. Emotion regulation in children and adolescents // J. of Developmental and Behavioral Pediatrics, 2006, V. 27, pp. 155–168.
34. Chinnici S. G., Crippa M., Agliati A., Anolli L. Nonverbal Communication of Emotions: An analysis of Behavioral Patterns in Children // 4th International Conference on Methods and Techniques in Behavioral Research, 27–30 August. Amsterdam. 2002, pp. 135–140.
35. Dunsmore J., Pa, A. M. Parents' Beliefs about Emotions and Children's Recognition of Parents' Emotions // J. of Nonverbal Behavior, 2009, V. 33, no. 2, pp. 121–140.
36. Ekman P. Facial expression and emotion // American Psychologist. 1993, no. 48, pp. 384–392.
37. Gagnon M., P., I., K., Milliard K. Children's Recognition and Discrimination of Fear and Disgust Facial Expressions // J. of Nonverbal Behavior, March 2010, V. 34, no. 1, pp. 27–42.
38. Gosselin P., Maassarani R., A., M. Children's Deliberate Control of Facial Action Units Involved in Sad and Happy Expressions // J. of Nonverbal Behavior 2011, V. 35, pp. 225–242.
39. Gross A. L., B. Children's understanding of emotion from facial expressions and situations: A review // Developmental Review, 1991, V. 11(4), pp. 368–398.
40. Hall J. F. J., Bernieri F. J., Carney D. R. Nonverbal behavior and interpersonal sensitivity / The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford: University Press Inc., New York, 2005. pp. 237–281.



- 
41. *Hall J. A., Coats E. J. & LeBeau L. S.* Nonverbal behavior and the vertical dimension of social relations: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*, 2005, V. 131, no. 6, pp. 898–924.
  42. *Herba C., Phillips M.* Development of facial expression recognition from childhood to adolescence: behavioral and neurological perspectives // *J. of Child Psychology and Psychiatry*, 2004, V. 45, pp. 1–14.
  43. *Prinsen T., Punyanunt-Carter N. M.* The Difference in Nonverbal Behaviors and How It Changes in Different Stages of Relationship // *Texas Speech Communication J.*, Vol. 34, Summer, 2009, pp. 1–7.
  44. *Rodway P., Schepman A., Lambert J.* The influence of position and context on facial attractiveness // *Acta Psychologica*, 2013, (144), pp. 522–529.
  45. *Springer K., Meier J. A., Berry D.* Nonverbal bases of social perception: Developmental change in sensitivity to patterns of motion that reveal interpersonal events // *J. Nonverbal Behavior*, 1996, no. 20(4), pp. 199–211.
  46. *The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research / Ed. by Jinni A. Harrigan, Robert Rosenthal, Klaus R. Scherer.* Oxford: University Press Inc., New York, 2005, 525 p.
  47. *Yoshimoto D., Shapiro A., Brie K., Gottman J.* Nonverbal communication coding systems of committed couples / *The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research.* Oxford: University Press Inc., New York, 2005, pp. 369–397.

## ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ, ИСПОВЕДУЮЩЕЙ ЯЗЫЧЕСТВО, К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ

**Погонцева Д. В.,  
Наседкина Ю. В.**

*В статье приводится теоретический анализ работ по психологии, в которых затрагивается проблема религии в современном обществе, рассматривается феномен язычества в современном обществе. Приводятся эмпирические данные отношения современной молодежи к представителям основных религиозных конфессий. Делается вывод о неоднозначности представлений.*

**Ключевые слова:** религия, молодежь, отношение, конфессия, язычество.

Одним из феноменов, который актуален во все времена, является религия. Вера в бога, богов – существовала во всех культурах, начиная с самых древних, а религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма показывают, что религия формирует определенное отношение и влечет за собой те или иные поступки. Как отмечают некоторые авторы [3, 5, 11] необратимые процессы в современном мире – социалистическое переустройство общественной жизни, развитие международного рабочего движения, прогрессивные сдвиги в результате национально-освободительной борьбы народов, а также революционные изменения в науке, развертывание научно-технической революции – коренным образом преобразуют облик планеты, оказывают сильнейшее воздействие на религию.

В конституции практически каждой страны заложен пункт против дискриминации по религиозному признаку и свободе вероисповедания, существует Закон РСФСР от 25.10.1990 «О свободе вероисповеданий». А также Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. (в редакции от 01.07.2011), который регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений.

Как отмечает Я. Б. Амиров [1] «к началу 90-х гг. XX в. оно было представлено 15–20 конфессиями, тогда как к настоящему времени в стране зарегистрировано более 60 конфессий». Такое количество конфессий приводит к различного рода конфликтам, спорам, непониманию. Ежегодно регистрируются новые религиозные общины, различные варианты «церкви Христа», «свидетели Иеговы»; общины, исповедующие

шаманизм и язычество, при этом некоторые религиозные организации зарегистрированы как светские учреждения, например, центр Дианетики.

На современном этапе можно также отметить рост интереса к таким религиозным конфессиям как язычество, родноверие, неоязычество, которые по сути являются «современной субкультурой, которая удовлетворяет потребности определенных кругов наших современников и исполняет значимые функции в современном обществе, в объемлющей культуре» [16]. Так, как отмечает И. Б. Михеева, на современном этапе развития общества возникает целый «веер альтернативных построений, претендующих на достижение и поддержание традиционного духовно-нравственного равновесия человеческой и социальной жизни» [8]. Сам феномен язычества, неоязычества, как отмечает Р. В. Шижанский [15], стал появляться в России в 70-х гг. прошлого столетия, при этом ведущим, направляющим компонентом становится иерархическая сообщество людей, называемых «волхвами», «жрецами», «кобниками», «ведунами» и т. д. Определение неоязычества предлагает И. Б. Михеева: «неоязычество – это теория и практика реконструкции и использования архаических (аутентичных или сфальсифицированных) мировоззренческих схем и поведенческих моделей с целью обоснования и реализации альтернативных (религиозно-философских, фольклорно-этнических, историко-культурных, общественно-политических) и, как правило, контркультурных программ мышления и деятельности в ситуации социокультурной транзитивности и глобализации». Рассматривая современные аспекты неоязычества, А. В. Шанская [15] отмечает, что у древних славян в язычестве ярко выражена мировоззренческая функция: дать объяснения, а у современных – социальная: выделит-

зся, обособиться, отличиться. Однако неоязычество «искусственно создается городской интеллигенцией из фрагментов древних локальных верований и обрядов с целью возрождения «национальной духовности» [цит. по 16]. И. Б. Михеева [8], рассматривая неоязычество, отмечает, что неоязыческие объединения и движения зачастую не просто реконструируют языческие традиции и обряды прошлого, но претендуют на создание весьма неоднозначных альтернативных мировоззренческих и идеологических проектов по переустройству социума, как правило, характеризующихся псевдонаучным и псевдорелигиозным содержанием, деструктивной направленностью, националистической и расистской тональностью. В зарубежных работах, как отмечает А. Б. Ярцев [16], в настоящее время употребляется термин «contemporary paganism» («современное язычество»), под которым понимается все новые политеистические религиозные движения. Данный аспект важен для понимания неоязычества / язычества как важного социокультурного феномена нашего времени, который формирует определенные установки и отношение к себе и Другому. В целом современное неоязычество О. В. Асеев [2] делит на пять групп: придерживающиеся славянской традиции; включающие в свой пантеон кельтских и индуистских божеств; полисинкретические; «очистительно-оздоровительные»; «экологические».

О роли религии в современном обществе говорит факт принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который вступил в силу с 1 сентября 2013 года. В рамках данного закона в образовательных учреждениях вводится курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), включающий основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики. В то же время закон запрещает педагогам пропагандировать «исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, о национальных, религиозных и культурных традициях народов» (ч. 3, ст. 48). Данный закон важен и с точки зрения социализации современной молодежи, и формирования у нее представления о религии в целом и конкретных конфессиях. В нашей работе под конфессией мы понимаем совокупность религиозных общин, объединенных идентичностью вероучения и духовной практики.

Говоря о разработанности данной проблемы, можно отметить, что работы, в рамках психологи-

ческих исследований, посвященные религии, носят скорее фрагментарный характер. Так, В. О. Виценко [4] рассматривала образ времени у представителей различных религиозных конфессий, выделив характерные «конфессиональные» особенности отношения ко времени. М. В. Ефремова [6] изучала взаимосвязь религиозной идентичности представителей наиболее распространенных традиционных религий (православия и ислама) с особенностями экономического сознания. Так, М. В. Ефремовой [6] обнаружены различия во взаимосвязях религиозной идентичности с экономическими установками: у студентов-мусульман характеристики религиозной идентичности в целом взаимосвязаны с продуктивными экономическими установками и представлениями (позитивным прогнозом роста благосостояния в будущем, удовлетворенностью потребительских интересов, удовлетворенностью материальным благосостоянием, удовлетворенностью жизнью), а у студентов-христиан – как с продуктивными (позитивный прогноз роста благосостояния в будущем, выбор конкуренции с целью самореализации, установка на межличностное доверие), так и с непродуктивными (негативное отношение к конкуренции, низкая удовлетворенность собственным материальным благосостоянием, низкая значимость денег), экономическими установками и представлениями. О. В. Сучкова [12] изучала социально-психологические аспекты религиозности молодежи и отметила, что религиозность современной российской молодежи характеризуется преобладанием среднего уровня выраженности, рассогласованием реального уровня религиозности и религиозной идентификации (номинально), слабой связью между ее структурными компонентами. Е. В. Перевозникова [9], рассматривая психологические особенности самосознания подростков из семей православной и атеистической ориентации, отмечает: православная ориентация семьи опосредует особенности реакций подростков в ситуациях депривации структурных звеньев самосознания по сравнению с подростками из семей атеистической ориентации. В первом случае преобладает корректный (адекватный лояльный и неадекватный лояльный) тип реагирования. У подростков из семей атеистической ориентации по сравнению с подростками из семей православной ориентации обнаруживается большая выраженность реакций фрустрации с агрессией. В. Г. Кирсанова [7] рассматривала психологические особенности членов нетрадиционных религиозных организаций, таких как «Международное общество сознания Кришны», «Церковь Сайентологии» и «Свидетели Иеговы». Как отмечает автор, члены нетрадиционных религиозных организаций обладают рядом специфических личностных особенностей, имеющих отличия в зависимости от пола

и принадлежности к определенной религиозной группе. Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных организаций находят отражение в области ценностных ориентаций более, чем в области индивидуально-типологических свойств. Несформированность системы ценностных ориентаций, которая находится в стадии становления или перестройки, является благоприятной психологической почвой для вовлечения в нетрадиционные религиозные организации, что обуславливает участие в подобных организациях преимущественно молодежи.

Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и определенных социально-психологических качеств, различные авторы выделяют возрастные границы по-разному, однако можно говорить о том, что в целом это период между детством и взрослостью, и в нашем исследовании мы взяли широкие рамки от 16 до 30 лет. Таким образом, нынешнее положение в России, для населения которой характерен глубокий интерес к религии и к христианству в частности, дает Церкви уникальный шанс внести свой вклад в становление гражданского общества, однако на данный момент не существует работ, которые бы изучали влияние религии на формирование отношения к себе и Другому, и особенно важно изучать молодежь, как наиболее подверженную влиянию и манипуляциям группу. Мы уже рассматривали ранее различные аспекты формирования отношения к представителям различных конфессий [10, 11], однако в данной работе нас интересовали особенности молодых людей, которые описывали свою конфессиональную принадлежность к неоязычеству, неоведизму, родноверию и другим современным формам языческих верований.

В нашем исследовании приняло участие 44 человека (13 молодых людей и 21 девушка) в возрасте от 17 до 28 лет, проживающих на территории Южного федерального округа, Российской Федерации. На первом этапе мы изучили отношение к представителям различных религиозных конфессий молодыми людьми. Участникам исследования было предложено заполнить авторскую анкету-фильтр, которая выявляла отношение молодежи к религии в целом и отнесении себя с некой конфессией, а также методика на выявление отношения (от дружелюбного до враждебного) к представителям различных религиозных конфессий. Важно отметить, что на вопрос «Какую религию вы исповедуете» – 55 % указали православие, 27 % – атеизм (или комментарий «не верю» – в пустой строке), 14 % – указали другую религию, при этом все участники исследования, выбравшие категорию «другая религия», указали

язычество или его формы (родноверие, паганиззм, неоязычество), и 4 % исповедуют католицизм. Мы исключили из анализа анкеты участников исследования, исповедующих католицизм, и рассматривали только три группы испытуемых: православные, атеисты и лица, исповедующие язычество.

Анализ средних результатов (по всей выборке) показал, что наиболее позитивное отношение респонденты испытывают к католикам ( $M = 3,02$ ), православным ( $M = 3,17$ ), буддистам ( $M = 3,06$ ) и индуистам ( $M = 3,26$ ), в то время как к представителям других религиозных конфессий средний балл близок к категории «не испытываю никаких чувств» и демонстрирует полярность отношений от крайне позитивных (дружелюбно, с доверием, уважением) до крайне негативных (неуважительно, с неприязнью, враждебно), в эту группу входят представители протестантизма ( $M = 3,69$ ), иудеи ( $M = 4,08$ ), язычники ( $M = 4,21$ ) и мусульмане ( $M = 4,86$ ).

Далее мы поделили выборку на три группы по принадлежности к различным религиозным конфессиям (православие, язычество) или не соотносением себя с какой либо конфессией (не верю, атеизм и т. д.) (таб. 1).

Таблица 1

**Отношение к представителям различных религиозных конфессий (средний балл)**

	К православным	К католикам	К протестантам	К иудеям	К мусульманам	К буддистам	К язычникам	К индуистам
православные	2,19	2,57	3,42	3,37	4,53	3,15	4,26	2,96
атеисты	4,66	4,25	4,41	4,33	5,83	3,25	5,41	4
язычники	5,16	3,16	4,33	6,16	5,66	3	2,66	3,82

В данной методике, чем ниже балл, тем более позитивное отношение к представителям религиозной конфессии. Исходя из анализа таблицы 1, мы можем говорить о том, что наиболее позитивное отношение к представителям всех религиозных конфессий проявляют православная молодежь, в то время как атеисты и язычники проявляют более выраженное негативное отношение к представителям иных религиозных конфессий.

Также можно говорить, что наиболее положительное отношение православная молодежь проявляет к православным ( $M = 2,19$ ), католикам ( $M = 2,57$ ), индуистам ( $M = 2,96$ ), буддистам ( $M = 3,15$ ), иудеям ( $M = 3,37$ ) и протестантам ( $M = 3,42$ ), и более негативное к язычникам ( $M = 4,26$ ) и мусульманам ( $M = 4,53$ ).

Молодежь, исповедующая язычество, относится «дружелюбно» к представителям своей конфессии

( $M = 2,66$ ), буддистам ( $M = 3$ ), католикам ( $M = 3,16$ ), индуистам ( $M = 3,83$ ) и проявляет негативное отношение к протестантам ( $M = 4,33$ ), православным ( $M = 5,16$ ); и почти враждебное отношение к мусульманам ( $M = 5,66$ ) и иудеям ( $M = 6,16$ ). Люди, не исповедующие никакую религию (атеисты), относятся скорее негативно к представителям всех религиозных конфессий, можно выделить только нейтральное отношение к буддистам ( $M = 3,25$ ) и индуистам ( $M = 4$ ). Отношение атеистов к католикам ( $M = 4,25$ ), иудеям ( $M = 4,33$ ), к протестантам ( $M = 4,41$ ), православным ( $M = 4,66$ ), язычникам ( $M = 5,41$ ) и мусульманам ( $M = 5,83$ ) скорее негативно-враждебное.

Корреляционный анализ Спирмена показал, что не существует зависимости между возрастом респондентов и их отношением к представителям различных религиозных конфессий, однако между выражением отношения существует зависимость. Так, существует прямая корреляционная связь между практически всеми представленными в вопросе конфессиями, что может говорить о некоем общем отношении современной молодежи к религии с одной стороны, или желание продемонстрировать определенное, социально одобряемое поведение и отношение с другой стороны. В то же время данная корреляционная связь указывает лишь общую тенденцию к схожести оценок, однако не указывает на их модальность, т. к. изучение сырых баллов показало, что оценки однородные у каждого испытуемого, однако часть из них однородно положительная, а у других респондентов – однородно негативная.

В целом, исходя из теоретического анализа, можно отметить, что феномен неоязычества еще мало изучен и зачастую находится в поле зрения не науки, а газетно-журнальной публицистики. В отечественном религиоведении до сих пор не существует целостного и четкого представления об истоках и особенностях детерминации неоязычества, факторах роста его популярности, связи с этнополитическими процессами в обществе и т. д. Как отмечает М. Х. Хаджаров [12] «и христианство, и ислам имеют одни общие корни – иудаизм. Многие идеи буддизма гармонируют с идеями христианства и ислама. В единстве они могли бы образовать общую аксиологически выраженную этическую доктрину, в которой наивысшими ценностями выступают конкретный индивид, принцип толерантности, согласия и взаимного уважения». Однако, как мы можем видеть, результаты нашего исследования показывают, что в представлениях современной молодежи каждая религиозная конфессия несет определенную оценку, а, соответственно, представители той или иной конфессии оцениваются либо «дружелюбно» и «с уважением», либо «враждебно». Полученные нами данные особенно важны для Юга

России, который представляет собой уникальное культурно-религиозное пространство, в котором испокон веков соседствовали народы, исповедующие православие, ислам, иудаизм, шаманизм, язычество, католицизм.

Таким образом, целью нашей дальнейшей работы мы видим увеличение выборки и проверки гипотезы о роли религиозных убеждений на формирование отношения к представителям своей и чужой религиозной конфессии. В связи с ростом неоязыческих групп в молодежной среде, на наш взгляд, было бы логично изучить именно эту группу и ее отличие от православной молодежи и молодежи, не имеющей религиозных убеждений и / или относящих себя к категории «атеист».

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Амиров Я. Б.* Конфессиональный портрет современной России // Вопросы гуманитарных наук. – 2009. – № 11.
2. *Асеев О. В.* Язычество в современной России: социальный и этнополитический аспект: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – М., 1999.
3. *Булатова Т. А., Галашова Н. Б., Камарова Н. А.* Проблема религиозной толерантности в томских СМИ // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 12 (127). – С. 208–214.
4. *Виценко В. О.* Образ времени у представителей различных религиозных конфессий: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005.
5. *Вояковский Д. С.* Молодежь и религия: проблема «исламского» экстремизма // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. – № 1. – С. 273–276.
6. *Ефремова М. В.* Взаимосвязь гражданской и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2010.
7. *Кирсанова В. Г.* Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных организаций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005.
8. *Михеева И. Б.* Неоязычество как религиозно-культурный феномен современности: проблема дефиниции // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1. – С. 80–90.
9. *Перевозникова Е. В.* Психологические особенности самосознания подростков из семей православной и атеистической ориентации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2000.
10. *Погонцева Д. В., Наседкина Ю. В.* Влияние религиозных убеждений молодежи на формирование отношения к представителям различных религиозных конфессий // Гуманитарные научные исследования. – май 2013. – URL: <http://human.snauka.ru/?p=3055>

11. *Погонцева Д. В., Наседкина Ю. В.* Отношение молодежи к представителям различных религиозных конфессий // *GESJ: Education Sciences and Psychology*, 2013, no. 2(24), pp. 49–53.
12. *Сучкова О. В.* Социально-психологические аспекты религиозности молодежи в контексте психологической безопасности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2009.
13. *Хаджаров М. Х.* Социология конфессионально-культурных отношений: толерантность как основа диалога религиозных сознаний // *Вестник ОГУ*. 2011. – № 7 (126). – С. 144–151.
14. *Шанская А. В.* Возрождение традиций язычества // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. – 2009. – № 1. – С. 180–184.
15. *Шиженский Р. В.* Жречество в современном российском язычестве // *Вестник Удмуртского университета*. – 2008. – Вып. 2. – С. 139–148.
16. *Ярцев А. Б.* Современное неоязычество: к вопросу о происхождении понятия // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. – 2012. – № 5. – С. 151–155.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ  
ОДИНОКОЙ ЛИЧНОСТИ****Шкурко Т. А.**

*В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению социально-психологических коррелятов субъективного / объективного одиночества личности. В качестве факторов одиночества рассмотрены социально-психологические потребности личности – во включении, в контроле и в любви. В рамках социально-психологического подхода к одиночеству оно рассматривается как результат оценки личностью основных характеристик своего общения и основных параметров системы взаимосвязей с другими людьми. На основе более широкой трактовки одиночества как результата оценки личностью всей системы своих взаимосвязей: с самим собой, с другими людьми, с миром, в статье предложена авторская методика по диагностике одиночества.*

**Ключевые слова:** одиночество, социально-психологические потребности, отношения с другими, оценка отношений, неудовлетворенность отношениями, диагностика одиночества.

Актуальность данной работы обусловлена значительным интересом к проблемам одиночества личности, который возрастает в последние десятилетия. В современных социально-экономических, социокультурных условиях на повестку дня выходит вопрос рассогласования количества социальных контактов и их качества: глубины, доверительности, искренности, что приводит к появлению у современного человека переживания одиночества в условиях активного общения с другими людьми.

В психологии нет единого определения одиночества и причин его возникновения. Д. Перлман и Л. Э. Пепло [11], подводя итог полувекового изучения одиночества, начатого в 1938 г. Дж. Зилбургом, выделяют 8 теоретических подходов к анализу одиночества. В рамках психодинамического подхода одиночество личности рассматривается как патология, причины которой следует искать в ранних детско-родительских отношениях (Дж. Зилбург, Х. С. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман); феноменологического – как переживание, возникающее в ответ на ожидание отказа в контакте со стороны других людей (К. Роджерс); экзистенциального – как продуктивное, творческое состояние человека, как «встреча» субъекта с самим собой (К. Э. Мустакас и др.); социологического – как нормативное явление, характеризующее современное общество (Ф. И. Слейтер, Д. Рисмен); интеракционистского – как переживание, появляющееся в результате недоста-

точности социального взаимодействия индивида, которое удовлетворяет основные социальные запросы личности, как результат комбинированного влияния личностного фактора и фактора ситуации (Р. С. Вейс); когнитивного – как реакцию на восприятие того факта, что социальные связи индивида не соотносятся с определенным внутренним стандартом (Л. Э. Пепло, Д. Перлман); интимного – как результат рассогласования между желаемым и достигнутым уровнями социального контакта с другими людьми (В. Дж. Дерлега, С. Т. Маргулис); в рамках общестемного подхода одиночество рассматривается как механизм обратной связи, помогающий индивиду или обществу сохранить устойчивый оптимальный уровень человеческих контактов (Дж. П. Фландерс).

Большинство названных подходов фиксируют социально-психологические причины возникновения одиночества: отсутствие социальных контактов, рассогласование желаемого и достигнутого уровня социального взаимодействия с другими людьми, определенные ожидания по отношению к другому человеку, рассогласование социальных потребностей личности и социальной ситуации, в которой находится личность.

Современные отечественные исследования одиночества рассматривают его как социальный, социально-психологический феномен (Л. И. Старовойтова [17], Г. М. Тихонов [18], С. Г. Трубникова [19], Ж. В. Пузанова [12], С. В. Куртиян [6], Е. Н. Заворотных [4] и др.), по-

казывают важную роль социальных потребностей и их удовлетворения / неудовлетворения в качестве пускового механизма возникновения переживания одиночества (И. М. Слободчиков [16], Е. А. Манакова, Д. В. Труевцев [7] и др.), отмечают как негативные, так и позитивные аспекты его влияния на личность (И. М. Слободчиков [16], Е. В. Неумоева [10] и др.), подчеркивают, что одиночество как субъективное переживание относительно независимо от объема и характера межличностных контактов человека и определяется его личностными особенностями (Е. Н. Заворотных [4]).

В нашем исследовании под одиночеством мы понимали такое внутреннее переживание личности, которое является результатом оценки данной личностью основных характеристик своего общения и основных параметров системы взаимосвязей с другими людьми. Как показано отечественными учеными, отношения одновременно представляют собой и процесс, и результат межличностного общения (Н. А. Абульханова-Славская [1], Л. Я. Гозман [3], В. Н. Мясищев [9] и др.). Разнообразные качественные (например, степень психологической близости с другими людьми) и количественные (например, размер круга общения) характеристики общения напрямую связаны с такими параметрами отношений, как знак, интенсивность, модальность, дифференцированность, взаимность и т. д.

Таким образом, в более широком смысле одиночество есть результат оценки личностью всей системы своих взаимосвязей: с конкретными другими, с социальными группами, с самой собой, с миром вообще. С подобным пониманием одиночества согласуются выделенные различными исследователями типы одиночества. Например, космическое (нарушение отношений с миром и природой), культурное (нарушение отношений между поколениями), социальное (нарушение отношений со значимой группой) и межличностное (отсутствие отношений с другим человеком) одиночество (У. А. Садлер [15]); эмоциональное одиночество (отсутствие отношений привязанности к кому-либо) и социальное одиночество (отсутствие дружеских отношений с другими) (Р. С. Вейс [2]).

Большинство авторов признает тот факт, что причины одиночества следует искать именно в системе отношений человека. Но при этом ряд авторов связывают одиночество с полным отсутствием или же недостатком некоторых отношений – отсутствием привязанности, духовных отношений, чувства общности (У. А. Садлер [15], Р. С. Вейс [2], Б. Миюскович [8] и др.). С точки зрения же других, одиночество обусловлено специфическими особенностями существующих отношений личности (Ф. Фромм-Рейхман [по 11], В. Дж. Дерлега [по 11] и др.) – например, поверхностность сложившихся отношений лично-

сти, низкий уровень доверительности, взаимности, включенности в отношения.

В качестве основного фактора переживания личностью состояний одиночества часто называют личностные особенности самого субъекта одиночества [4], в то же время представители психоаналитического подхода к анализу одиночества показывают, что формирование этих свойств и есть результат одиночества, например, по образному выражению Ф. Фромм-Рейхман, следствием «преждевременного отлучения от материнской ласки» [по 11, с. 154].

На наш взгляд, подобное противоречие снимается, как только мы обращаемся к социально-психологическим потребностям личности, которые как опосредуют процесс установления и развития отношений, так и участвуют в субъективной оценке личностью своих отношений с другими людьми, миром, самим собой. В теоретическом плане в отечественной психологии этот вопрос решен еще в 60-х гг. XX в. В. Н. Мясищевым [9]. Он рассматривал потребность как фундаментальное свойство личности, определяющее ее отношение к миру (потребность-свойство), наряду с потребностью-объектом (потребность как объект внешней среды, необходимый для нормальной жизнедеятельности субъекта) и потребностью-состоянием (состояние психики, отражающее нехватку чего-либо).

В нашем исследовании, целью которого являлось изучение взаимосвязи социально-психологических (межличностных) потребностей личности, интенсивности переживания ею состояния одиночества, отношений личности с другими людьми и их качественной оценкой, приняло участие 70 человек. Общая выборка представляла собой 3 группы испытуемых: 1) люди, которые проживают одни; 2) люди, которые живут с детьми и / или родителями; 3) люди, живущие со своими семьями (мужем / женой и детьми).

Методиками исследования выступили: 1) биографическая анкета; 2) Опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А. А. Рукавишниковым [14]; 3) методика А. А. и А. Е. Кроников для диагностики динамики психологической близости со значимыми другими [5]; 4) UCLA Д. Рассела для диагностики интенсивности переживания индивидом состояния одиночества [13].

Подбирая методический инструментарий для достижения поставленной в исследовании цели, нами, наряду с одномерным подходом к измерению одиночества, представленным методикой UCLA Д. Рассела, был использован многомерный подход, концептуализирующий одиночество как многомерное явление. Совместно с В. Ю. Прядкиной, на основе представления об одиночестве как результате оценки личностью всей системы своих взаимосвязей: с другими, с самой собой, с миром вообще, нами был



сконструирован опросник «Одиночество». Опросник содержит 9 шкал:

- 1) «Недоверие к окружающим»;
- 2) «Приоритет общения с самим собой»;
- 3) «Чувство опустошенности»;
- 4) «Неудовлетворенность отношениями»;
- 5) «Ненаполненность жизни»;
- 6) «Страхи»;
- 7) «Негативное самоотношение»;
- 8) «Негативная оценка своих отношений с другими людьми»;
- 9) Итоговая шкала «Интенсивность одиночества».

Каждая шкала (за исключением девятой шкалы) включает 4 утверждения. Чем больше показания по каждой из шкал, тем интенсивнее данный показатель представлен в жизни человека. Девятая шкала «Интенсивность одиночества» представляет собой сумму баллов, полученных по всем шкалам опросника, и диагностирует общую интенсивность переживания одиночества. Шкалы 1–8 опросника отражают оценку личностью своих отношений с окружающими (шкалы 1, 4, 8), с самим собой (шкалы 2, 7), с окружающим миром (шкалы 3, 5, 6). Так как опросник «Одиночество» не был опубликован ранее, приводим его здесь полностью.

#### ОПРОСНИК «ОДИНОЧЕСТВО» (Т. А. Шкурко, В. Ю. Прядкина)

Инструкция: ответьте, пожалуйста, «да» или «нет» на следующие вопросы.

1. Среди окружающих меня людей нет тех, перед кем я мог бы полностью раскрыться.
2. Мне интереснее общаться с самим собой, чем с окружающими.
3. Я чувствую опустошенность.
4. Меня не удовлетворяют мои отношения с окружающими.
5. Мне скучно.
6. Мне страшно.
7. Я ощущаю собственную никчемность.
8. Мое общение с окружающими не дает мне позитивных эмоций.
9. Мне трудно кому-либо доверить свои мысли и чувства.
10. Никто не поймет меня лучше, чем я сам.
11. Я чувствую покинутость.
12. Мне кажется, что окружающие недооценивают меня.
13. Я ощущаю тоску.
14. Меня пугает будущее.
15. Меня многое не устраивает в себе.
16. Мои отношения с окружающими – источник моих разочарований.
17. Мне трудно раскрыться перед человеком.
18. Мне лучше наедине с собой, чем с другими людьми.
19. Я ощущаю неполноценность.
20. Окружающие не понимают меня.
21. В моей жизни мало интересного.
22. Я часто бываю встревожен.
23. Я достаточно часто задумываюсь о бессмысленности своего существования.
24. Зачастую окружающие относятся ко мне враждебно.
25. Мне сложно доверять окружающим.
26. Я предпочитаю общаться с самим собой, нежели с окружающими.
27. Я ощущаю внутреннюю пустоту.
28. Я не испытываю удовлетворения от общения с окружающими.
29. Я часто ощущаю недостаток чего-то в моей жизни.
30. Мне постоянно мешает расслабиться чувство страха.
31. Если бы у меня была такая возможность, я бы многое изменил в себе.
32. Между мною и окружающими как будто «стена», которую нельзя преодолеть.

**Ключ:** 1 балл присваивается ответу «да», 0 баллов – ответу «нет». Все вопросы прямые. Максимальный балл по шкалам 1–8 – 4 балла; минимальный – 0 баллов.

1. Шкала «Недоверие к окружающим»: вопросы 1, 9, 17, 25.
2. Шкала «Приоритет общения с самим собой»: вопросы 2, 10, 18, 26.
3. Шкала «Чувство опустошенности»: вопросы 3, 11, 19, 27.
4. Шкала «Неудовлетворенность отношениями»: вопросы 4, 12, 20, 28.
5. Шкала «Ненаполненность жизни»: вопросы 5, 13, 21, 29.
6. Шкала «Страхи»: вопросы 6, 14, 22, 30.
7. Шкала «Негативное самоотношение»: вопросы 7, 15, 23, 31.
8. Шкала «Негативная оценка своих отношений с другими людьми»: вопросы 8, 16, 24, 32.
9. Шкала «Интенсивность одиночества»: общий балл подсчитывается через сложение показателей, полученных по шкалам 1–8 опросника. Максимальный балл по итоговой шкале «Интенсивность одиночества» – 32 балла, минимальный – 0 баллов.

В проведенном нами исследовании полученные данные были подвергнуты математическому анализу с помощью корреляционного анализа Спирмена и критерия Манна-Уитни. Было установлено, что сочетание таких потребностей, как потребность во включении (Ie),

потребность в любви ( $Ae$ ) и потребность в контроле со стороны других людей ( $Cw$ ) связано с интенсивностью переживания личностью одиночества, диагностированной с помощью UCLA Д. Рассела. Наиболее интенсивно переживают одиночество люди, у которых максимально выражены потребность принадлежать к различным социальным группам; потребность в установлении близких эмоциональных отношений и потребность в зависимости от других людей: в том, чтобы другие люди принимали решения, брали на себя ответственность за события в жизни испытуемых. Этот результат свидетельствует, что остроту переживания человеком одиночества диктует система его социально-психологических потребностей. Чем в большей степени он ориентирован на социальные контакты, на установление близких эмоциональных отношений, чем в большей степени он зависит от других, тем более интенсивно он переживает одиночество.

На основе корреляционного анализа выраженности межличностных потребностей, полученных по методике ОМО В. Шутца, и данных по предложенной нами методике «Одиночество» можно заключить, что личность в состоянии одиночества в первую очередь характеризуется негативной оценкой своих отношений с другими людьми. Этот вывод подтверждают значимые коэффициенты корреляции шкал ОМО –  $Ie$ ,  $Ae$ ,  $Cw$  – со шкалой «негативная оценка отношений». Кроме того, потребность во включении оказалась связанной с неудовлетворенностью общением с другими и с негативным самоотношением; потребность в любви – с чувством опустошенности и неудовлетворенностью общением с другими, а потребность в зависимости от других – с ощущением неполноты жизни.

При сравнении группы людей, которые рассматривают мать в качестве значимого другого, и группы участников исследования, которые не включили ее в список значимых других, было установлено, что у первых менее выражена потребность в том, чтобы их контролировали другие, для них характерны больший объем интеракций в сфере любви и контроля и меньшая внутренняя конфликтность поведения в сфере любви и включения. Учитывая предыдущие данные, можно заключить, что и переживания одиночества у личности, включающей в круг значимых других свою мать, будут менее интенсивными. Вместе с тем, для людей, которые не включили мать в список значимых других, характерна меньшая внутренняя конфликтность в сфере контроля.

Также мы сравнили две группы людей: тех, которые указали друзей в числе значимых других и тех, которые не сделали этого. Было обнаружено, что для первых характерен больший объем интеракций в сфере любви. Это означает, что для них сфера любви является насыщенной контактами, побуждаемыми выраженностью потребности в любви на уровне

выраженного и требуемого от других поведения (любить и быть любимым).

В результате корреляционного анализа максимальной и минимальной степени психологической близости, которые, как отмечали испытуемые, они переживали со значимыми другими, с результатами ОМО, было установлено, что степень максимальной психологической близости, которой личность достигает со значимыми другими, детерминирована, с одной стороны, объемом интеракций в сферах включения, контроля и любви, а, с другой стороны, противоречивостью межличностного поведения в данных сферах. Показатель максимальной близости оказался связан прямо пропорциональными связями на  $ур.зн. = 0,05$  со всеми вторичными показателями ОМО:  $Ie+w$  (объем интеракций в сфере включения),  $Se+w$  (в сфере контроля),  $Ae+w$  (в сфере любви),  $Ie-w$  (внутренняя конфликтность в сфере включения),  $Se-w$  (в сфере контроля),  $Ae-w$  (в сфере любви). Этот результат позволяет нам сделать интересный вывод: ощущение психологической близости с другими людьми, которое, очевидно, является некоторым противопоставлением переживанию одиночества, задано: 1) активностью человека во всех сферах: включения, контроля и любви (которая диагностируется параметром «объем интеракций», рассчитываемом как сумма потребностей на уровне  $E$  (давать внимание, контроль, любовь) и  $W$  (брать от других)); 2) приоритетом стратегии «давать» над «брать» в отношениях с другими людьми (рассчитываемом как разница между выраженностью той или иной потребности на уровне  $E$  и  $W$ ).

При сравнении трех выборок: людей, которые проживают одни (мы их назвали объективно одинокие); людей, которые живут с детьми и/или родителями и людей, живущих со своими семьями (мужем / женой и детьми) было установлено, что для объективно одиноких людей характерна менее выраженная (на  $ур.зн. = 0,05$ ) по сравнению с третьей группой потребность во включении (как на уровне выраженного, так и на уровне требуемого от других поведения) и в любви, а по сравнению со второй группой – менее выраженная потребность в контроле.

Группа людей, которые не имеют партнера и проживают с детьми и / или родителями, имеют менее выраженную потребность во включении, но более выраженную потребность контролировать других, в отличие от людей, которые имеют и партнера и детей. При сравнении трех групп оказалось, что высокие показатели потребности в контроле над другими людьми характерны для второй группы, а высокие показатели потребности во включении – для третьей. Для первой группы (людей, которые по разным причинам достаточно долго живут одни) характерен в целом более низкий уровень развития практически всех исследованных потребностей.

Также в ходе исследования была обнаружена значимая корреляционная связь суммарной шкалы разработанного нами опросника «Одиночество» с показателем интенсивности переживания одиночества, полученным на основании одномерного опросника UCLA Д. Рассела, а также высокая корреляция всех шкал опросника «Одиночество» между собой, что свидетельствует о достоверности методики.

Обобщая полученные в нашем исследовании данные, можно заключить, что:

- 1) центральной характеристикой одиночества как социально-психологического феномена является оценка личностью своих отношений с другими людьми;
- 2) интенсивность переживания личностью одиночества связана со степенью выраженности таких социально-психологических потребностей, как потребность во включении (стремление принадлежать к различным социальным группам, участвовать в их деятельности), потребность в любви (стремление устанавливать близкие эмоциональные отношения с другими людьми) и потребностью в контроле со стороны других людей (стремление, чтобы другие контролировали, принимали решения и брали на себя ответственность);
- 3) степень выраженности базовых социально-психологических потребностей личности (в первую очередь, потребности в контроле [20]) и их противоречивость (стремление больше «давать», чем «брать» в отношениях с другими людьми) определяют круг значимых других и максимальную степень психологической близости в отношениях с ними;
- 4) степень выраженности социально-психологических потребностей связана не только с субъективными показателями одиночества (интенсивностью переживания), но и с формальными признаками одиночества человека (живет один / не один).

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская Н. А. Личностный аспект проблемы общения в психологии. – М.: Наука, 1981. – 218 с.
2. Вейс Р. С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 114–127.
3. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 175 с.
4. Заворотных Е. Н. Социально-психологические особенности одиночества как субъективного переживания: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2009.
5. Кроник А. А., Кроник Е. А. В главных ролях: Вы, Мы, Ты, Он, Я. Психология значимых отношений. – М.: Мысль, 1989. – 197 с.
6. Куртиян С. В. Одиночество как социальное явление: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 1995.
7. Манакова Е. А., Труевцев Д. В. Типы переживания одиночества в контексте уровня удовлетворенности социальных потребностей личности. – URL: [http://www.psy.su/psyche/psyche\\_archive/2010/&project\\_id=16](http://www.psy.su/psyche/psyche_archive/2010/&project_id=16) (дата обращения 15.04.2014).
8. Миускович Б. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 53–71.
9. Мясичев В. Н. Психология отношений. Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. – М.-Воронеж: Модэк, 1995. – 356 с.
10. Неумоева Е. В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Тюмень, 2005.
11. Перлман Д., Пепло Л. Э. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 152–167.
12. Пузанова Ж. В. Одиночество: опыт социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1995.
13. Рассел Д. Измерение одиночества // Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 47–60.
14. Рукавишников А. А. Опросник межличностных отношений. – Ярославль: Изд-во НПУ «Психодиагностика», 1992. – 47 с.
15. Садлер У. А., Джонсон Т. Б. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 24–45.
16. Слободчиков И. М. Теоретико-экспериментальное исследование феномена одиночества личности: на материале подросткового возраста: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006.
17. Старовойтова Л. И. Одиночество: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1995.
18. Тихонов Г. М. Феномен одиночества: опыт философско-социологического анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1992.
19. Трубникова С. Г. Психология одиночества: генезис, виды, проявления: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1999.
20. Шкурко Т. А. Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 177–184.

## ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ

**Сарелайнен А. И.**

*В статье описывается процесс разработки и применения специализированного авторского опросника для изучения психологического воздействия в работе следователя. В основу опросника легли описания приемов воздействия двух видов – организационные и воздейственно-психологические в соответствии с классификацией Т. А. Кабаченко.*

**Ключевые слова:** опросники, психология труда, психологическое воздействие, психология профессионала, акмеология, юридическая психология.

В рамках проводимого нами изучения психологического воздействия следователей Следственного комитета, осуществляемого в процессе их профессиональной деятельности, мы столкнулись с методической проблемой. В отечественной психологической литературе специализированные опросники, изучающие особенности использования психологического воздействия в профессиональной деятельности, нами обнаружены не были. В зарубежной литературе описаны шкалы для решения подобных задач, но их перевод и адаптация к современным российским реалиям – процесс, требующий усилий, равных усилиям по созданию такого опросника «с нуля».

Изучение воздействия, а особенно профессионального, подразумевает ряд трудностей организационно-методического характера: например, для выявления воздейственных приемов необходима организация наблюдения за профессионалами в процессе их работы, в идеале такое наблюдение должно быть включенным. В таком случае профессионал должен сочетать в себе квалификацию следственного работника и психолога-исследователя, что на практике сложно выполнимо. Анализ протоколов допросов из уголовных дел также не может в полной мере отражать картину, сложившуюся с воздействием, поскольку протоколы допросов не ведутся дословно, а лишь описывают общую картину вопросов и показаний.

Изучение литературы по тактике ведения допросов проливает свет лишь на то, как с точки зрения авторов учебников и монографий должен быть организован процесс ведения допроса и воздействия в том числе, и не отражает реальной картины применения воздействия следственными специалистами на практике. Описанная ситуация подводит нас к мысли о том, что случаи применения воздействия

на практике являются недоступными или труднодоступными изучению. В связи с этим необходимо выявить такой материал для исследования, изучение которого будет менее методически осложнено, но который при этом будет в значительной мере отражать особенности применения следователями психологического воздействия на практике. Как указывает Е. Л. Доценко, самым богатым материалом для исследования является живое, текущее событие, однако в силу его быстротечности мы вынуждены использовать описание события для истолкования. Такое описание может выступать в виде стимульного материала для экспертной оценки [1]. Таким образом, изучая психологическое воздействие, мы можем использовать лишь описания исследуемых феноменов.

В этом случае мы можем обратиться к психологическим детерминантам поведения – поскольку наблюдение реального поведения для нас осложнено вышеописанными обстоятельствами. Таким образом, если удастся проанализировать психологические детерминанты воздействующего поведения следователей, это позволит нам сделать выводы о ситуации, сложившейся с профессионально-психологическим воздействием в следственной работе. На примере структуры правосознания изучено, что двумя основными регуляторами (детерминантами) поведения являются когнитивный и эмоциональный компоненты. Индивид выстраивает свое поведение на основе своих знаний о том или ином субъекте или объекте и эмоциональной оценки этих знаний, этого субъекта или объекта. В качестве такой детерминанты поведения мы выбрали представления как образования, объединяющие в себе когнитивные и эмоциональные составляющие. Таким образом, изучение нами представлений следователей о профессионально-

психологическом воздействии позволит проанализировать ситуацию с применением этого вида воздействия в следственной практике. Для исследования представлений могут быть использованы методики различного вида, однако, на наш взгляд, наиболее экономичной с точки зрения временных и исследовательских ресурсов является методика в виде опросника.

В сложившейся ситуации для решения задач нашего исследования нам необходимо было разработать такой опросник. В качестве теоретических оснований при разработке опросника мы опирались на классификацию методов воздействия, приводимую Т. С. Кабаченко [1].

Так, она предлагает делить все методы воздействия по типу их реализации на организационные и воздейственно-психологические.

Цель воздейственных приемов организационного типа – обеспечить оптимальную ситуацию встречи и контакта реципиента со средствами психологического воздействия [1]. Под оптимальным контактом понимается как необходимый для успешного воздействия тип контакта – опосредованный или непосредственный – так и временные характеристики контакта – момент его начала относительно других важных событий, а также продолжительность. Учитываются и другие условия контакта – место его протекания, статус воздействующего – если эта характеристика может быть изменена (подразумевается, что если на организационном этапе воздействующее лицо может быть заменено на более статусное и значимое для реципиента, то это должно быть сделано).

Все организационные действия, как правило, обуславливаются теми психологическими задачами, которые решаются в конкретном взаимодействии. При этом организационный контекст может быть явным или скрытым от реципиентов.

Исходя из работы Т. С. Кабаченко, ошибочно было бы делать выводы о том, что организационное воздействие заканчивается к моменту начала контакта, т. е. все приготовления совершаются до встречи с реципиентом, такие изменения и приготовления могут происходить и в течение контакта. В таком случае организационные приемы отличаются от воздейственно-психологических тем, что оптимизируют воздействие, а не осуществляют его.

Таким образом, Т. С. Кабаченко указывает на две системы целей воздействия и две группы задач, которые решаются при взаимодействии для обеспечения эффективности этого воздействия. Первая – система оптимизации взаимодействия – организационный тип; вторая – система реализации психологической задачи – воздейственно-психологический тип [1]. Успешное, с точки зрения воздействующей стороны, воздействие гармонично сочетает оба эти типа.

Вместе с тем, как указывает Т. С. Кабаченко, «при анализе конкретных случаев не всегда просто выявить специфику воздейственно-психологического плана на фоне сходного организационного контекста» [1, с. 209].

Вторая классификация, принимаемая нами во внимание при построении нашего опросника, также приводимая Т. С. Кабаченко, основана на критерии того, что является мишенью воздействия. По мнению Кабаченко, и это отражено в определении ею психологического воздействия, такой мишенью являются регуляторы психологической активности. Вообще нужно сказать, что автор строит свой анализ методов психологического воздействия с точки зрения задач, стоящих перед воздействующим. В случае, когда задача реализуется в определенных условиях – речь идет не о методе воздействия, а о приеме. Возвращаясь к методам и задачам, которые они призваны решать, необходимо раскрыть, какие мишени воздействия в виде регуляторов активности автор описывает.

Всего описано четыре группы мишеней:

- к первой относятся факторы, обеспечивающие ориентировку в действительности (субъективные модели действительности);
- ко второй – факторы, обеспечивающие исходное побуждение к определенной активности (потребности, склонности, интересы, идеалы, убеждения, чувства);
- к третьей – факторы, влияющие на реализацию возникшего побуждения к конкретной поведенческой реакции (своего рода психологическим шлюзам, в определенных обстоятельствах либо способствующих реализации активности в ее определенном воплощении, либо препятствующих этому – это установки, групповые и индивидуальные ценности, стереотипы, нормы);
- к четвертой – фоновые факторы (состояние сознания, функциональные состояния, настроение) [1].

Основываясь на такой классификации методов, мы ввели в наше исследование еще одну переменную, а именно условия реализации задачи психологического воздействия. Наша работа требовала рассмотрения указанных методов в условиях профессиональной деятельности следователя. Таким образом, при разработке опросника мы рассматривали методы воздействия организационного и воздейственно-психологического типа, классифицировали их в соответствии с четырьмя группами мишеней воздействия (мишенями предстали регуляторы активности). А затем, связав описанные методы с конкретными условиями протекания профессиональной деятельности следователя, на выходе получили матрицу характеристик отдельных приемов воздействия. В дальнейшем нам необходимо было описать или подобрать в психологической литературе описания

приемов, соответствующих характеристикам каждой ячейки полученной матрицы. При решении этой задачи мы использовали литературу, описывающую реально используемые приемы воздействия, разработанные как в криминалистической тактике [2], так и в других профессиональных областях. Часто мы сталкивались с тем, что приемы, описанные применительно к сфере рекламы, прямых продаж [3], педагогики [1], а также к сфере внепрофессиональных межличностных отношений были универсальны для многих областей. На этом этапе нашей задачей было заполнение матрицы описаниями различных, включая внепрофессиональные, соответствующих критериям, приемов в количестве достаточном для составления опросника.

Когда матрица была заполнена, мы получили – 51 краткое описание приемов психологического воздействия. В дальнейшем из них методом экспертной оценки были отобраны 30, которые и вошли в опросник. В качестве экспертов выступали следователи с большим стажем работы, а также психологи, разрабатывающие проблемы воздействия.

Приведем несколько примеров описаний, составивших опросник. «После заданного вопроса выдерживается пауза примерно 10–15 секунд для того, чтобы человек почувствовал «гнетущую» тишину и начал говорить (подтолкнуть человека говорить)», «Приводится сначала большее требование (завышенное по сравнению с необходимым воздействующему), потом оно «смягчается» до более реального. Поскольку в таких случаях люди чаще соглашаются. Затем эти описания были нами в случайном порядке (вне категорий матрицы) организованы в опросник. В инструкции к опроснику требовалось оценить по 5-балльной шкале частоту применения описанных приемов воздействия в работе следователя. Где 1 балл означал «вообще не используется», а 5 баллов – «используется постоянно». Таким образом, при помощи этого опросника мы планируем получить данные о том, какие приемы воздействия являются наиболее используемыми в работе следователя, а также степень их профессионализма в применении методов психологического воздействия.

Нам представляется важным, что в опроснике заложено активизирующее воздействие. Оно, на наш взгляд, заключается в том, что с одной стороны следователи смогут провести «инвентаризацию» и осознание имеющихся у них в арсенале навыков и приемов психологического воздействия, а с другой стороны – познакомится с новыми для них приемами. Такой эффект опросника представляется нам полезным в плане повышения квалификации специалистов.

На этапе пилотажного исследования мы посчитали целесообразным добавить в конце опросника

один открытый вопрос, предполагающий развернутый ответ об используемых респондентами приемах воздействия, не перечисленных в опроснике. Также учитывая то, что исследование проводится в индивидуальном порядке, психологам, проводящим психодиагностику, дана установка фиксировать устные высказывания респондентов о практике использования ими психологического воздействия. В дальнейшем, после проведения пилотажного исследования и анализа его результатов, были заменены некоторые описания приемов воздействия теми приемами, которые были упомянуты при ответе на открытый вопрос. В дальнейшем опросник, полученный по результатам проведенной экспертной оценки, был предложен следователям, вошедшим в основную выборку исследования. На данном этапе, в наши задачи входило выяснить представления следователей об эффективности и правомерности приемов воздействия, описанных в опроснике.

Таким образом, респондентам предлагалось отнестись утверждения, описывающие различные приемы психологического воздействия, к одной из четырех категорий характеристик их применения: «допустимо и оправдано» (категория 1), «допустимо, но неоправданно» (категория 2), «недопустимо, но оправдано» (категория 3), «недопустимо и неоправданно» (категория 4).

Опишем основные результаты этого этапа пилотажного исследования. Нами были посчитаны частоты выбора респондентами ответов каждой из четырех категорий. Данные по средней частоте выборов ответов каждой категории приведены в таб. 1.

Таблица 1

**Показатели средних значений частоты выборов респондентами категорий ответов**

Категория	«допустимо и оправдано»	«допустимо, но не оправдано»	«не допустимо, но оправдано»	«не допустимо и не оправдано»
Среднее значение частоты выбора категории (баллы)	16,3	2,6	6,1	4,8

Согласно данным таблицы, более половины приемов воздействия, приведенных в опроснике, воспринимаются следователями как допустимые с точки зрения закона. Это ответы по категориям «допустимо и оправдано» и «допустимо, но не оправдано». Таким образом, можно говорить о том, что у следователей, согласно их представлениям, есть довольно широкий репертуар приемов психологического воздействия,

допустимых по их мнению с точки зрения закона. Для более подробного анализа представлений следователей о допустимости и оправданности различных приемов воздействия мы оценивали частоту ответов каждой из четырех категорий по каждому из 30 утверждений опросника. Данные по частоте той или иной категории ответов для каждого из утверждений приведены в таб. 2а и 2б.

Таблица 2а

**Показатели частоты выбора ответов по категориям для каждого утверждения опросника (утверждения с 1 по 15)**

Номер утверждения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Категория 1	12	37	35	44	8	19	44	26	17	19	44	9	29	35	35
Категория 2	4	6	1	3	3	6	2	4	6	7	2	2	9	3	1
Категория 3	17	2	11	3	17	15	4	12	18	18	3	16	8	7	14
Категория 4	17	5	3	0	22	10	0	8	9	5	1	23	4	5	0
Сумма частот	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50

Таблица 2б

**Показатели частоты выбора ответов по категориям для каждого утверждения опросника (утверждения с 16 по 30)**

Номер утверждения	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Категория 1	30	39	31	29	8	36	0	46	15	18	15	6	28	3	36
Категория 2	6	9	12	9	2	6	2	1	20	24	5	4	9	3	2
Категория 3	9	1	4	4	18	4	14	2	7	4	18	14	9	14	8
Категория 4	5	1	3	8	22	4	34	1	8	4	12	26	4	30	4
Сумма частот	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50

Обратим внимание на разброс частот той или иной категории ответов по каждому утверждению в отдельности. Утверждения 5 («Сообщить допрашиваемому о возможности применения более жестких методов допроса»), 12 («Намекнуть участнику следственного действия о возможном применении более жестких методов допроса если он не будет сотрудничать»), 20 («Использовать запугивание для создания эмоционального напряжения у допрашиваемого, чтобы побудить его давать показания»), 22 («Дать понять допрашиваемому о возможности силового воздействия для получения от него показаний»), 27 («Сыграть на существующем в обществе стереотипе об использовании неправовых методов получения показаний сотрудниками правоохранительных органов»), содержащие описание однозначно недопустимых с точки зрения законодательства методов воздействия, оценены респондентами

в большинстве случаев, как «недопустимые и не оправданные». При этом обращает на себя внимание тенденция, согласно которой на втором месте по частоте оценок этих утверждений идет оценка «не допустимое, но оправданное», и разрыв в частоте выборов между этими категориями не превышает 10 % по всем указанным утверждениям. Это означает, что у следователей существует представление, о том, какие методы воздействия не могут быть применены с точки зрения закона, однако при этом они считают их высокоэффективными.

Утверждения 2 («Обратить внимание собеседника на то, как меняется тембр и интонация его голоса, когда он говорит об определенных фактах дела»), 11 («Найти важный для собеседника мотив-«мишень», обращение к которому побудит его сотрудничать и быть более откровенным»), 16 («Представить мнение (или показания) о ситуации лица, авторитетного для собеседника»), 17 («Поощрять человека к диалогу – «вы же честный человек, давайте поговорим на чистоту...»), 18 («После заданного вопроса выдерживать паузу примерно 10–15 секунд для того, чтобы человек почувствовал «гнетущую» тишину и начал говорить»), 19 («Пойти на уступку собеседнику, дабы вызвать уступку с его стороны»), 23 («Чтобы разговорить человека, использовать вопросы, на которые нельзя ответить просто «да» или «нет»), в большинстве случаев оцениваются респондентами, как «допустимые и оправданные», все остальные три категории набрали незначительное число выборов. Перечисленные приемы являются допустимыми с точки зрения закона, и при этом описаны в психологии как довольно эффективные приемы ведения переговоров. Тот факт, что следователи достаточно высоко оценивают их эффективность и при этом осведомлены об их правомерности, свидетельствует о достаточно высоком уровне сформированности знаний и принципах психологического воздействия.

Утверждения 8 («Дать понять собеседнику о том, что время ограничено и решение о даче показаний нужно принимать сейчас, пока еще не поздно»), 10 («Предъявить информацию, которая не может быть проверена допрашиваемым»), 15 («Описать подробности возможного наказания, чтобы создать эмоционально напряженную ситуацию и побудить человека к сотрудничеству»), 26 («Действовать опосредованно через близких или авторитетных людей – попросить «поговорить» с участником следственного действия на необходимые для следствия темы (например, убедить давать показания)») имеют примерно равные, высокие частоты выборов по категориям 1 («допустимо и оправдано») и 3 («не допустимо, но оправдано»). Это свидетельствует о том, что респонденты не сомневаются в эффективности указанных методов, но половина из них считает эти

методы недопустимыми. Однозначно определить законность указанных приемов затруднительно, этот факт и находит отражение в полученных данных. Из указанных утверждений описывать незаконный прием может только утверждение 10, в случае, если предоставляемая допрашиваемому информация не соответствует действительности.

Таким образом, согласно представлениям следователей, существуют однозначно не правомерные методы воздействия, которые в то же время признаются ими эффективными; существуют методы, правомерность которых следователи затрудняются определить, считая их при этом эффективными; и также выделена третья группа методов, которые являются и эффективными, и правомерными с точки зрения следователей.

В заключение необходимо отметить, что после этапа анализа результатов пилотажного исследования

и внесения корректировок и дополнений в опросник, мы планируем провести исследование, в котором будем изучать то, как соотносятся используемые следователями приемы психологического воздействия с их личностными особенностями. Результаты такого исследования будут полезны как на этапе профессионально-психологического отбора, так и в сопровождении деятельности следователей и повышении их квалификации.

#### **ЛИТЕРАТУРА**

1. *Кабаченко Т. С.* Методы психологического воздействия. – М.: Педагогическое общество России, 2000.
2. *Савельева М. В., Смушкин А. Б.* Криминалистика. – М.: Дашков и К. – 2009.
3. *Чалдини Р.* Психология влияния. – СПб.: Питер, 2009.



## ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ ФСБ РФ

**Середина Н. В.,  
Черныш И. В.**

*В статье приводятся результаты эмпирического исследования гендерной специфики влияния длительности пребывания в профессии на личность сотрудника пограничной службы, выявляются факторы профессиональной деформации личности специалиста-пограничника.*

**Ключевые слова:** личность, адаптация, профессиональная деформация, экстремальность деятельности, гендер, дезадаптация, аддикции.

В стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. отмечается, что одним из ее основных условий является надежная защита и охрана государственной границы. Стабильность обстановки на границах России в последние годы подвергается серьезному испытанию в связи с существованием террористической угрозы пограничной безопасности. Реализация Федеральной целевой программы «Государственная граница Российской Федерации (2012–2020 гг.)», предусматривающей необходимость поддержания высокого уровня готовности к адекватному реагированию на возможные террористические проявления, делает необходимым высокий уровень профессионализма специалиста-пограничника, который во многом определяется успешностью его профессионального становления и эффективностью адаптации к условиям труда.

В процессе адаптации сотрудника пограничной службы к воздействию экстремальных факторов происходят определенные личностные изменения, которые могут иметь как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, адаптируясь к экстремальным условиям деятельности, личность приобретает новые свойства, характеристики, умения, навыки, с другой стороны, возможно развитие негативных личностных особенностей, которые объединяются в понятии профессиональной деформации.

Большинство авторов однозначно связывают обсуждаемое явление с негативными изменениями социально-психологической структуры личности, подразумевая стереотипы поведения, профессиональные привычки, стиль общения и навыки, которые затрудняют осуществление профессиональной деятельности [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Несмотря на имеющиеся работы и повышенный интерес к проблеме профессиональной деформации, она остается еще недостаточно изученной. Открытыми представляются вопросы о соотношении рассматриваемого феномена с процессом адаптации к воздействию экстремальных факторов профессиональной деятельности, а также временем пребывания в профессии.

По нашему мнению, с увеличением стажа работы и профессионального опыта происходит постепенное накопление психической напряженности личности сотрудника. Это повышает вероятность возникновения дезадаптации и профессиональной деформации сотрудников и даже может привести к временной потере трудоспособности.

Психофизиологические перегрузки и вызванные ими состояния физического и психического переутомления приводят к дезорганизации деятельности сотрудника пограничной службы, в результате которого усиливается негативное самовосприятие в профессиональном плане, возникает тенденция к аддиктивному поведению (табак, алкоголь).

Таким образом, в основе профессиональной деформации находятся взаимосвязанные изменения в сфере психических и социально-психологических явлений, которые могут проявляться по-разному, в зависимости от особенностей протекания процессов личностного и профессионального онтогенеза, от индивидуальных особенностей личности, их соответствия требованиям профессии и других причин.

Профессиональная деформация определяется не одним каким-либо фактором внешнего или внутреннего свойства, а их комплексом, взаимосвязанной системой причин и условий. Воздействие экстремальных факторов профессии может привести к развитию профессиональной деформации сотруд-

ников пограничной службы в процессе адаптации к условиям деятельности.

Нами было проведено исследование гендерной специфики влияния длительности пребывания в профессии на личность сотрудника пограничной службы.

Объектом эмпирического исследования стали 85 сотрудников пограничного отряда Пограничного Управления ФСБ России в возрасте от 22 до 45 лет. Из них – 50 мужчин (59,0 %) и 35 женщин (41,0 %).

Для достижения целей исследования нами были выделены четыре группы сотрудников по критерию длительности профессионального стажа: первая группа (стаж от 1 года до 3 лет) – 20 человек (мужчин – 13 чел., женщин – 7 чел.); вторая группа (стаж от 4 до 5 лет) – 16 человек (мужчин – 9 чел., женщин – 7 чел.); третья группа (стаж от 6 до 10 лет) – 32 человека (мужчин – 17 чел., женщин – 15 чел.); четвертая группа (стаж более 10 лет) – 17 человек (мужчин – 11 чел., женщин – 6 чел.).

Нами была изучена гендерная специфика личностных особенностей, системы ценностных ориентаций и актуального психического состояния сотрудников пограничной службы с разным профессиональным стажем.

Сравнительный анализ личностных профилей СМЛП сотрудников-мужчин первой, второй и третьей групп не выявил статистически значимых различий.

Анализ усредненного профиля испытуемых четвертой группы (2489–705163 /, -FK / L) выявил сочетание разнонаправленных тенденций (импульсивности, оптимистичности, пессимистичности и индивидуалистичности), что указывает на гиперкомпенсаторную задействованность различных защитных механизмов личности.

Анализ полученных результатов выявил статистически значимые различия ( $p < 0,05$ ) показателей по шкалам пессимистичности, тревожности, индивидуалистичности и социальной интроверсии в усредненных профилях сотрудников-мужчин первой группы (стаж от 1 года до 3 лет) и четвертой группы (стаж более 10 лет).

Корреляционный анализ полученных результатов обнаружил статистически значимые связи профессионального стажа и показателей по шкале индивидуалистичности ( $r = 0,34$ ;  $p < 0,05$ ).

В первой группе выраженные радикалы личности выявлены у 53,9 % испытуемых, во второй группе – у 33,3 %, в третьей группе – у 41,2 %, в четвертой группе отмечается самый большой процент испытуемых (63,6 %), имеющих выраженные радикалы личности, что свидетельствует об увеличении тенденции к развитию дезадаптации личности сотрудников-мужчин с увеличением стажа профессиональной деятельности.

Таким образом, анализ психологических профилей выявил усиление гипостенических тенденций у сотрудников-мужчин со стажем исследуемой профессиональной деятельности более 10 лет, что обеспечивает высокий контроль поведения в сочетании с избирательностью в контактах, в отличие от сотрудников первой группы, личностный профиль которых характеризуется преобладанием стенических тенденций.

Анализ результатов исследования личностных особенностей сотрудников-мужчин с помощью опросника 16-PF выявил статистически значимые различия значений ( $p < 0,05$ ) факторов E+ (доминантность), I+ (чувствительность), Q1+ (радикализм) и Q2+ (нонконформизм) у первой и четвертой групп сотрудников-мужчин.

Корреляционный анализ полученных результатов обнаружил статистически значимые связи факторов E+ ( $r = 0,29$ ;  $p < 0,05$ ), F+ ( $r = -0,32$ ;  $p < 0,05$ ), I+ ( $r = 0,33$ ;  $p < 0,05$ ) и Q2+ ( $r = 0,39$ ;  $p < 0,05$ ) с профессиональным стажем.

Таким образом, результаты указывают на усиление в психологическом профиле сотрудников-мужчин со стажем исследуемой профессиональной деятельности более 10 лет, таких особенностей как: независимость, ориентация на собственные решения, аналитичность мышления, чувствительность к внешним воздействиям, тогда как сотрудники с минимальным стажем характеризуются большей импульсивностью, эгоцентричностью, подозрительностью, склонностью тревожиться о возможных ошибках в деятельности, зависимостью от мнения окружающих.

Высокие значения фактора E+ (доминантность) в усредненном профиле испытуемых четвертой группы позволяет сделать вывод, что длительное пребывание в профессии может привести к развитию таких негативных личностных особенностей, как самоуверенность, конфликтность, агрессивность.

Следующей задачей исследования было изучение личностных особенностей сотрудников-мужчин с помощью ИТО.

Анализ полученных результатов выявил выраженность индивидуально-типологических свойств до уровня дезадаптированности у 72,7 % испытуемых первой группы, у 55,8 % испытуемых второй группы и 66,7 % испытуемых третьей группы. У сотрудников-мужчин четвертой группы отмечена самая высокая по выборке выраженность индивидуально-типологических свойств до уровня дезадаптированности – у 92,3 % обследованных. Это позволяет предположить, что длительность пребывания в профессии более 10 лет приводит к усилению выраженности дезадаптированных свойств.

Выявлены значимые различия ( $p < 0,01$ ) в выраженности индивидуально-типологического свойства

интроверсии на уровне дезадаптированности у испытуемых первой и четвертой групп. Это позволяет сделать вывод, что длительное пребывание в профессии может привести к замкнутости, снижению уровня социальной включенности и ригидности установок сотрудников-мужчин.

Таким образом, у сотрудников-мужчин с длительностью профессионального стажа более 10 лет выявлены: высокий контроль поведения в сочетании с избирательностью в контактах, снижение уровня социальной включенности, замкнутость, независимость, осторожность, аналитичность мышления, ригидность установок, чувствительность к внешним воздействиям. Указанные качества можно рассматривать как результат успешной адаптации к длительному пребыванию в исследуемой профессии.

Анализ результатов эмпирического исследования личностных особенностей сотрудников-женщин с помощью СМЛ не выявил значимых различий усредненных личностных профилей обследованных групп.

Выраженные радикалы личности выявлены у 71,4 % испытуемых первой группы, у 100,0 % испытуемых второй группы, у 53,3 % испытуемых третьей группы и у 66,7 % испытуемых четвертой группы.

Анализ результатов исследования личностных особенностей сотрудников-женщин с помощью опросника 16-PF также не выявил значимых различий усредненных личностных профилей обследованных групп.

Следующей задачей исследования было изучение личностных особенностей сотрудников-женщин с помощью индивидуально-типологического опросника.

Анализ полученных результатов выявил у 85,7 % испытуемых первой группы степень выраженности до уровня дезадаптированности индивидуально-типологических свойств, во второй группе – у 85,7 % испытуемых, в третьей группе – у 81,3 %, в четвертой группе – у 86,3 % испытуемых.

Выявлены значимые различия ( $p < 0,01$ ) в представленности индивидуально-типологического свойства сензитивности, выраженного до уровня дезадаптированности, у сотрудников первой и четвертой групп.

Следующей задачей стало изучение гендерной специфики системы ценностных ориентаций сотрудников пограничной службы с различным профессиональным стажем.

Наибольшую значимость для первой группы сотрудников-мужчин в списке терминальных ценностей имеют индивидуалистические ценности и ценности самореализации. Отвергаемыми ценностями стали: «свобода» (11,7), «развлечения» (12,9) и «развитие» (13,2).

Для испытуемых второй группы в списке терминальных ценностей наибольшую значимость имеют индивидуалистические ценности и ценности самореализации. Последние места в иерархии занимают ценности: «познание» (11,3), «развлечения» (11,5) и «счастье других» (13,5).

Для третьей группы испытуемых наибольшую значимость имеют: «активная деятельная жизнь» (6,3), «здоровье» (7,5) и «любовь» (7,6). Отвергаемыми терминальными ценностями стали: «познание» (11,3), «развлечения» (11,7) и «счастье других» (12,8).

Для испытуемых четвертой группы в списке терминальных ценностей наибольшую значимость имеют: «активная деятельная жизнь» (7,4), «наличие хороших и верных друзей» (7,8) и «любовь» (7,9). Отвергаемыми ценностями стали: «счастливая семейная жизнь» (11,1), «познание» (12,2) и «счастье других» (14,2).

Таким образом, для испытуемых всех обследованных групп наиболее значимыми являются индивидуалистические ценности и ценности самореализации. Выявлены значимые различия в выборах ценности «развлечения», отвергаемой сотрудниками со стажем профессиональной деятельности до 10 лет, и являющейся более значимой для сотрудников четвертой группы ( $p < 0,05$ ).

В списке инструментальных ценностей наибольшую значимость для сотрудников-мужчин первой группы имеют: «терпимость» (4,7), «высокие запросы» (5,7) и «честность» (6,1). Последние места в иерархии заняли ценности самоутверждения и саморазвития.

Для испытуемых второй группы приоритетными являются ценности принятия других: «воспитанность» (6,6), «терпимость» (6,7), и «чуткость» (7,1). Последние места в иерархии заняли ценности самоутверждения: «независимость» (12,0) и «смелость в отстаивании своего мнения» (12,6).

Для испытуемых третьей группы наибольшую значимость имеют ценности принятия других: «чуткость» (6,8) и «терпимость» (7,8). Отвергаемыми стали ценности самоутверждения: «непримиримость к недостаткам в себе и других» (11,9), «независимость» (12,0) и «смелость в отстаивании своего мнения» (12,2).

В списке инструментальных ценностей наибольшую значимость для сотрудников-мужчин четвертой группы имеют ценности эмоционального мироощущения: «чуткость» (6,5), «честность» (7,5) и «жизнерадостность» (7,5). Последние места в иерархии заняли ценности самоконтроля и самоутверждения: «самоконтроль» (11,6), «смелость в отстаивании своего мнения» (12,5) и «твердая воля» (12,7).

Таким образом, для испытуемых всех групп приоритетными являются ценности принятия других, а ценности самоутверждения имеют наименьшую значимость.

Выявлены значимые различия в выборе ценности «терпимости», которая доминирует в иерархии сотрудников со стажем профессиональной деятельности до 10 лет, и имеет меньшую значимость для сотрудников четвертой группы ( $p < 0,05$ ).

Результаты исследования системы ценностных ориентаций сотрудников-женщин показали, что наибольшую значимость для первой группы в списке терминальных имеют ценности профессиональной самореализации: «активная деятельная жизнь» (2,6), «продуктивная жизнь» (5,4) и «интересная работа» (6,4). Отвергаемыми стали ценности саморазвития: «творчество» (13,3), «жизненная мудрость» (13,3) и «свобода» (13,9).

Для испытуемых второй и третьей групп наибольшую значимость имеют индивидуалистические ценности и ценности самореализации. У испытуемых второй группы: «материально обеспеченная жизнь» (1,3), «активная деятельная жизнь» (4,7), «развлечения» (6,6). У испытуемых третьей группы: «развлечения» (6,1), «активная деятельная жизнь» (6,7) и «интересная работа» (6,7).

Последние места в иерархии второй группы испытуемых занимают индивидуалистические ценности: «творчество» (12,4), «жизненная мудрость» (13,0), «уверенность в себе» (13,9).

Для третьей группы испытуемых отвергаемыми стали ценности: «творчество» (12,1), «познание» (12,3) «счастливая семейная жизнь» (12,6) и «уверенность в себе» (12,6).

Для испытуемых четвертой группы в списке терминальных ценностей наибольшую значимость имеют ценности межличностных отношений: «наличие друзей» (4,3) и «счастье других» (5,7). Отвергаемыми терминальными ценностями стали индивидуалистические ценности: «развлечения» (14,0) и «свобода» (14,8).

Выявлены различия в выборах терминальных ценностей испытуемыми первой и четвертой групп. Для сотрудников-женщин первой группы приоритетными являются ценности профессиональной самореализации: «активная деятельная жизнь», «продуктивная жизнь» и «интересная работа», тогда как для сотрудников-женщин четвертой группы наиболее значимыми являются ценности межличностных отношений.

В списке инструментальных ценностей наибольшую значимость для сотрудников-женщин первой группы имеют ценности «смелость» (3,6) и «рационализм» (6,0). Последние места в иерархии заняли ценности принятия других: «чуткость» (13,6) и «терпимость» (14,6).

Для испытуемых второй и третьей групп приоритетными являются ценности принятия других и самореализации для сотрудников-женщин второй группы:

«воспитанность» (5,1), «чуткость» (7,1), «честность» (7,6) и «эффективность в делах» (7,6), для сотрудников-женщин третьей группы: «чуткость» (6,1), «высокие запросы» (6,9) и «эффективность в делах» (7,1).

Последние места в иерархии испытуемых второй группы заняли: «широта взглядов» (12,1), «рационализм» (12,3) и «независимость» (12,5). У испытуемых третьей группы отвергаемыми стали ценности: «аккуратность» (12,1), «рационализм» (12,3) и «независимость» (12,5).

В списке инструментальных ценностей наибольшую значимость для сотрудников-женщин четвертой группы имеют ценности принятия других: «чуткость» (4,3) и «терпимость» (6,2). Последние места в иерархии заняли ценности: «твердая воля» (12,3), «образованность» (12,8) и «широта взглядов» (13,7).

Выявлены значимые различия ( $p < 0,05$ ) в выборах инструментальных ценностей испытуемых первой и четвертой групп. Сотрудники-женщины первой группы минимизируют значимость ценностей принятия других, тогда как для испытуемых четвертой группы они имеют наибольшую значимость.

Таким образом, существует качественная динамика свойств личности сотрудника пограничной службы, которая определяется длительностью пребывания в профессии и имеет гендерную специфику.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Безносков С. П. Профессиональные деформации личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 3. – С. 167–171.
2. Гаврилюк Е. Ю., Медведева Н. И. Психологическая профилактика профессиональных деформаций сотрудников внутренних органов // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7–2. – С. 169–170.
3. Гончарова Е. М. Профессиональная деформация сотрудников ИДН с учетом гендерных различий // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С. 229–231.
4. Долин В. А. Профилактика профессионально-нравственной деформации сотрудников органов внутренних дел: в поисках нового подхода // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2012. – № 1. – С. 102–106.
5. Дружилов С. А. Профессиональные деформации и деструкции как индикаторы душевного неблагополучия человека // Современные наукоемкие технологии. – 2010. – № 2. – С. 84–87.
6. Емельянова М. В. Профессиональные деформации личности сотрудников правоохранительных органов // Акмеология. – 2012. – № 4. – С. 103–104.
7. Иванова Н. Л. Проблема профессиональных деформаций личности в современных исследо-

- ваниях // Психология обучения. – 2012. – № 3. – С. 4–15.
8. Орлова Е. А. Психологические детерминанты профессиональных деформаций и стагнации личности // Казанская наука. – 2011. – № 2. – С. 258–260.
9. Полякова О. Б. Внутренние факторы, влияющие на возникновение профессиональных деформаций // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2012. – Т. 5. – № 3. – С. 56–66.
10. Столяренко А. М. Психология и педагогика. – М., 2010. – 544 с.
11. Brown J., Cooper C., Kircadly B. Occupational stress among senior police officers // *British Journal of Psychology*, 2011, no. 1, pp. 31–41.
12. McCafferty F. L., Domingo G. D., McCafferty E. A. Posttraumatic stress disorder in the police officers: Paradigm off occupational stress // *South Med. Journal*, 2010, no. 5, pp. 543–547.

**Dikaya L. A., Naumova M. I.**  
**Psychophysiological correlates of cognitive activity in motor-gifted schoolchildren**

The topicality of application of psychophysiological methods to study the predictors of motor giftedness in children is proved in article. The technic and procedure of study of psychophysiological correlates (in terms of EEG coherence) of cognitive activity in the motor-gifted students is described. As the subjects of study were 60 high school students of both sexes aged 7–12 years. Depending on the presence or absence of signs of motor giftedness and the age criterion, all subjects were divided into 4 groups of 15 people each – students of primary school age with signs of motor giftedness, students of primary school age without of signs of motor giftedness, students of secondary school age with signs of motor giftedness and students of secondary school age without of signs of motor giftedness.

The results of empirical study of psycho-physiological correlates of convergent and divergent verbal and nonverbal cognitive tasks solutions in the motor-gifted students of junior and secondary school age are presented. It is shown that the strength of the long intrahemispheric connections is more pronounced in the motor-gifted students of secondary school age. It is concluded about the formation of the brain system, providing performance of certain types of cognitive activities in motor-gifted students.

**Keywords:** motor giftedness, cognitive performance, psychophysiological correlates, brain organization.

**REFERENCES**

1. Bogoyavlenskaya D. B., Bogoyavlenskaya M. V. *Psikhologiya odarennosti: ponyatiye, vidy, problem* [Psychology of giftedness: concept, types, problems]. Moscow, MIOO Publ., 2005, pp. 10–13.
2. Dikaya L. A. Razvitiye tvorchestva v ekspertov po bor'be s terrorismom i likvidatsii posledstviy terroristicheskikh aktov [The development of creativity in experts on counter-terrorism and the elimination of the consequences of terrorist acts]. *Russkiy Psikhologicheskiy zhurnal – Russian psychological journal*, 2013, V. 10, no. 5, pp. 32–38.
3. Dikaya L. A., Denisova I. A. Sravnitel'nyy analiz funktsional'noy organi-zatsii kory mozga u muzykantov i khudozhnikov pri vypolnenii professio-nal'no-spetsifichnoy tvorcheskoy deyatel'nosti [Comparative analysis of the functional organization of the cerebral cortex musicians and artists at the professionally specific creative activity]. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskiy vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2011, no. 9 / 1, pp. 14–17.
4. Ermakov P. N., Dikaya L. A., Kats E. B. Psikhofiziologicheskiye i psikhologicheskiye osobennosti odarennykh starsheklassnikov, ispytyvayushchikh psikhologicheskiye trudnosti [Psycho physiological and psychological peculiarities of gifted senior pupils, having psychological difficulties]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal – Russian psychological journal*, 2009, V. 6, no. 3, pp. 10–21.
5. Leytes N. S. *Vozrastnaya odarennost' i individual'nyye razlichiya: izbrannyye trudy* [Age talent and individual differences: selected works]. Moscow, MODEK Publ., 2003. 448 p.
6. Naumova M. I., Dikaya L. A. Osobennosti funktsional'noy organizatsii kory mozga pri vypolnenii kognitivnoy deyatel'nosti u uchashchikhsya s motornoy odarennost'yu [Features of the functional organization of brain cortex during the performance of cognitive activity in students with motor giftedness]. *Materialy XVI Mezhdunarodnoy konferentsii po neyrokibernetike* [Proc. XVI International Conference on Neurocybernetics]. Rostov-on-Don, SFU Publ., 2012, V. 1, pp. 269–271.
7. Razumnikova O. M., Bryzgalov A. O. Chastotno-prostranstvennaya organizatsiya elektricheskoy aktivnosti mozga pri kreativnom verbal'nom myshlenii: rol' faktora pola [Frequency-spatial organization of brain electrical activity during verbal creative thinking: the role of gender]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti – Journal of Higher Nervous Activity*, 2005, V. 55, no. 4, pp. 459–467.
8. Shcheblanova Ye. I. *Neuspeshnyye odarennyye shkol'niki* [Unsuccessful gifted students]. Moscow, IG-SOTSIN Publ., 2008. 212 p.
9. Dikaya L. A., Ermakov P. N. Interhemispheric interaction in participants solving verbal and nonverbal professional creative tasks. *International Journal of Psychology*, 2012, V. 47, Supp. 1, 145 p.
10. Dikaya L. A., Pokyl E. B. Features of EEG coherence during divergent problems solving in gifted individuals. *International journal of psychophysiology*, 2012, V. 85, Is. 3, pp. 378–379.

**Afanasenko I. V.**  
**Specifics of individual religiousness and severity of self-actualization among representatives of various confessions (on the example of the Orthodox Christians and Jews)**

The article includes the results of investigations of the structure of religiosity and peculiarities of manifestation of self-actualization for Orthodox Christians and Jews, analyzed the differences in the prevailing indicators of religiosity, self-actualization and the internality of the Orthodox Christians and Jews with the external and internal type of religiosity.

**Keywords:** religion, the inner religion, external religiosity, self actualization, internality.

## REFERENCES

1. Afanasenko I. V. Spivak D. L. Kross-religioznoe issledovanie strukturyi lichnosti: predvaritelnyie rezultaty [Cross-religious study of the personality structure: preliminary results]. *IV Rossiyskiy kulturno-ologicheskiy kongress s mezhdunarodnyim uchastiem «Lichnost v prostranstve kulturyi»*, Sankt-Peterburg, 29–31 oktyabrya 2013 goda. Tezisy i vyistupleniya uchastnikov [IV Russian Congress with international participation «Identity in the space of culture», Saint Petersburg, 29–31 October 2013. The theses and speeches of the participants]. SPb., Eydos Publ., 2013, a vailable at: [http://culturalnet.ru/main/congress\\_person/1567](http://culturalnet.ru/main/congress_person/1567)
2. Afanasenko I. V. Spivak D. L. Religiozno-psihologicheskie ustanovki molodezhi: gendernyy aspekt (na primere musulman) [Religiously-psychological options of young people: gender aspect (on the example of moslems)]. *Vtoraya nauchnaya konferentsiya Psihotehniki i izmenennyye sostoyaniya soznaniya 12–14 dekabrya 2013*, Sankt-Peterburg, RHGA [The second scientific conference Psychotechnics and altered States of consciousness 12–14 December 2013, St. Petersburg]. a vailable at: <http://www.altstates.net/>
3. Afanasenko I. V., Shmyiglenko A. A. K issledovaniyu strukturyi individualnoy religioznosti: rezultaty pilotazhnogo issledovaniya [To study the structure of individual religiousness: results of a pilot research]. *XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya dlya studentov, aspirantov i molodyih uchenyih «Psihologiya i pedagogika: sovremennyye vyzovy i resheniya»*, 30.11.2013, Moskva, Moskovskiy nauchnyy tsentr psihologii i pedagogiki [XVI international scientific and practical conference for students, postgraduates and young scientists «Psychology and pedagogy: current challenges and solutions», 30 November 2013, Moscow]. a vailable at: <http://www.mcpps.ru/arhiv>
4. Grosheva L. N. Vliyanie veryi v boga na preodolenie trudnoy zhiznennoy situatsii [The influence of faith in God to overcome difficult life situations]. *Sbornik materialov nauch.-prakt. konferentsii «Chelovek v trudnoy zhiznennoy situatsii»* [The collection of materials of scientific-practical conference «Man in a difficult situation»]. M., RGSU Publ., 2004, pp. 232–234.
5. Grosheva L. N. Trudnyie zhiznennyye situatsii i sotsialnyie strahi u veruyuschih [Difficult living situation and social fears of believers]. M., RGSU Publ., 2004, pp. 111–215.
6. Gruzdev N. V., Spivak D. L. Religiozno-psihologicheskie orientatsii sovremennyih rossiyan i amerikantsev: novyye dannyye [Religious-psychological orientation of modern Russians and Americans: new data]. *Tochki / Puncta*, Vol. 4, no. 3–4, 2004, pp. 274–284.
7. Karaseva S. G., Shkurova E. V. Mnogomernyy krosskonfessionalnyy podhod k issledovaniyu religioznosti v Belarusi: aktualnost i kontseptualizatsiya [Multidimensional crossconditionality approach to the study of religiosity in Belarus: the relevance and conceptualization]. *Sotsiologiya – sociology*, 2012, no. 3, pp. 123–133.
8. Lobazova O. F. *Religioznost v sovremennoy Rossii: faktoryi dinamiki* [Religion in modern Russia: factors of dynamics]. – M., Dashkov i K Publ., 2008, 160 p.
9. Smirnov D. O. Religioznaya aktivnost v strukture integralnoy individualnosti [Religious activity in the structure of integral individuality]: *Dis. kand.psihol. nauk* Perm, 2001, 186 p.
10. Chetyrchinskaya O. S. Mezhkonfessionalnyie razlichiya lichnostnyih harakteristik i ih vliyanie na aktivnost v sfere biznesa. [Inter-confessional differences personal characteristics and their influence on business activity]. *Sotsiologicheskiy zhurnal – Journal of sociology*, 2009, no. 3, pp. 79–95.

**Obukhova Yu. V.**

**The maintenance of an emotional and estimated component of the my self of girls – “humanists” and “technicians” in connection with features of their intelligence**

*Students of office of correspondence course of SFEDU and office of day training of TGPI acted as object of research of A.P. Chekhov – only 24 people aged from 20 till 40 years. Examinees were divided into 2 groups – girls humanists (10 people) and girls technicians (14 people). In article the technique of carrying out research is described, psychological recommendations are made. Need of studying of intellectual features of students in connection with the maintenance of an emotional and estimated component of their self is proved. Influence of different types of intelligence on the different estimated bases of the self-relation is shown.*

**Keywords:** social intelligence, emotional intelligence, verbal intelligence, self-relation.

## REFERENCES

1. Dzhanerjan S. T. Struktura tipov professionalnoi Y-consepchii [Structure of types professional my self]. *Rossiyskiy Psichologicheskiy Jurnal – Russian Psychological Journal*, 2005, Vol. 2, no. 3, pp. 79–93.
2. Druzhinin V. N. *Psychologia obschix sposobnostei* [Psychology of the general abilities]. SPb., Piter Publ., 1999. 368 p.
3. Klimontova T. A. *Razvitie samootnosheniya lichnosti intellektualno odarenykh podrostkov* [Development of the self-relation of the identity of intelligently gifted teenagers]. Irkutsk, VSGAO Publ., 2009, pp. 363–423.

4. Kochunas R. *Osnovy psychologicheskogo konsultirovaniya* [Bases of psychological consultation]. Moscow, 1999.
5. Lyusin D. V. *Oprosnik na emotsionalnyi intellect Emln: novye psichometricheskie dannye: Sothialinyi i emotsionalnyi i intellect: ot modelei k izmereniam* [Questionnaire on emotional intelligence Emln: new psychometric data // Social and emotional intelligence: from models to measurements]. Moscow, RAN Publ., 2009, pp. 29–39.
6. Mikhaylova E. S. *Metodika isledovaniia sothialinogo intellekta* [Technique of research of social intelligence: Adaptation of test of J. Gilforda and M. Saliven: Operating instructions]. SPb., IMATON Publ., 1996. 56 p.
7. Obukhova Y. V. *Psychologicheskies aspekty izucheniya vzaimosvizi mezhdru intellektualinymi osobennostiami Y-consepchyiei* [Psychological aspects of studying of interrelation between intellectual features and the my self of the personality]. *Severo-Kavkazskii Psychologicheskii Vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin Approaches to Psychology*, 2012, no. 10 / 2, pp. 31–35.
8. Stolin V. V., Pantileev S. R. *Oprostik samootnosheniya* [Self-relation questionnaire // Workshop on psychodiagnostics: Psychodiagnostic materials]. Moscow, 1988, pp. 123–130.
9. Erol Y., Orth U. *Self-Esteem Development From Age 14 to 30 Years: a Longitudinal Study*. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, Vol. 101, no. 3, pp. 607–619.
10. Orth U., Trzesniewski K. H. & Robins R. W. *Self-esteem development from young adulthood to old age: a cohort-sequential longitudinal study*. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010, Vol. 98, pp. 645–658.

**Tsarenkova E. A., Lunin S. L.  
Problem of solace as the meaning  
of life strategies personality**

*Mercy is understood as human involvement, altruism, noun-ductivity characteristic of a person, a basic need, rooted in the figure-term social nature of human phylogeny and historical experience cheloveche-tion, the ability and readiness for mutual assistance; humanity and conscience as a spiritual normative education, the foundation of self-awareness, identification of the lich and the perception of another person; higher moral feelings of compassion, and active love for people and other living beings, nature; good-instrumental, karitativnaya activity and its institutions (guardianship, welfare, charity, etc.).*

**Keywords:** *charity, charity, karitativnaya figure-ness, ekspektatsii, consent, humanism, the dialogue.*

**REFERENCES**

1. Alexij II, Patriarch of Moscow and All Russia *Tserkov zanimaet aktivnuyu pozitsiyu. Vibor sudby. Problemy sovremennoj Rossii glazami russkikh arkhiiereev* [Church takes an active role. Pick of Destiny. Problems of modern Russia through the eyes of Russian bishops]. SPb., Tsarskoe delo Publ., 1996.
2. Alexij II, Patriarch of Moscow and All Russia *Sotrudnichestvo Pravoslavnoj tserkvi s gosudarstvennoj sistemoy zdavookhraneniya Rossii* [Cooperation of the Orthodox Church with the public health system Russia]. *Zhurnal Moskovskoj Patriarkhii – Journal of the Moscow Patriarchate*, Moscow, 2001, no. 4.
3. Batilin A. *Svyatoe chuvstvo sostradanie* [Sacred feeling compassion]. *Informacionnij buleten – Newsletter*, 1989, no. 1.
4. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990.
5. Vilunas V. K. *Psikhologicheskies mekhanizmy motivacii cheloveka* [Psychological mechanisms of human motivation]. Moscow, MSU Publ., 1990.
6. *Gumanisticheskij manifest III, preemnik Gumanisticheskogo manifesta 1993 goda* [Humanist Manifesto III, the successor to the Humanist Manifesto 1933]. *Zdravyj smysl. Zima – Common sense. Winter, M.*, 2006 / 2007, no. 1 (42).
7. Kirill, Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad *Vozrozhdenie pravoslaviya i obnovlenie Rossii. Vibor sudby. Problemy sovremennoj Rossii glazami russkikh arkhiiereev* [Revival of Orthodoxy and renewal of Russia. Pick of Destiny. Problems of modern Russia through the eyes of Russian bishops]. *Doklad na i Vsemirnom Russkom Sobore v 1993 g.* [Report on the II World Russian Council in 1993]. SPb., Tsarskoe delo, 1996.
8. Kirill, Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad *Cherez Dukhovnoe obnovlenie russkogo naroda – k ego nacionalnomu vozrozhdeniyu*. *Vibor sudby. Problemy sovremennoj Rossii glazami russkikh arkhiiereev* [Through the spiritual renewal of the Russian people – to its national revival! Pick of Destiny. Problems of modern Russia through the eyes of Russian bishops]. *Doklad na i Vsemirnom Russkom Sobore v 1995 g.* [Report on the II World Russian Council in 1995]. SPb., Tsarskoe delo, 1996.
9. Malygin V. G. *Sotvori dobro blizhnemu* [Created by a kind neighbor]. *Nedelya – Week*, Moscow, 1989, no. 2.
10. Sharov V. G. *Mezhnacionalnye otnosheniya: dialog marxizma i religii* [Interethnic relations: dialogue of Marxism and religion]. L., Znanie Publ., 1990.
11. De Levie Dagobert Christian Wolff und der Begriff der Menschenliebe. Kolner Universitat, 1972.



**Koval Yu. B., Labunskaya V. A.**  
**The influence of gender**  
**and age characteristics of models**  
**of facial expression on the success**  
**of their recognition of preschool children**

The article discusses the features of models of facial expression of preschool children recognition of peers and adults. As a determinant of success recognition are studied gender and age characteristics of models (codes) of facial expression and communication experience with subjects of coding of emotional expression. In research it was applied two blocks of tasks: 1) social – perceptual tasks on recognition of facial expression of children and adults; 2) encoding of the children of the expression of base of emotional States. These tasks are part of the techniques «A Measure of Ability to Adequate Interpretation of Nonverbal Behavior» (V. A. Labunskaya, 2008). Following indices were scored in our study: 1) integral accuracy index of succeeds recognize the expression of emotional States, modeled children; 2) integral accuracy index of succeeds recognize children expression of emotional States, modeled adults; 3) recognition success index of emotional expression in children, with which there is experience of communication and that experience of communication is absent (boys and girls); 4) accuracy index of recognize of own facial expression. For the purpose of processing of the received data it was applied T – criterion; Z – test. 100 children of senior preschool age (6–7 years old; 49 boys and 51 girls) attending four different kindergartens took part in our research.

**Keywords:** codes of expression, expression recognition, communication experience; gender, preschool children

#### REFERENCES

1. Abramenkova V. V. *Sozialnaja psihologija detstva: razvitie otnoshenij rebenka v detskoj subkulture* [Social psychology of the childhood: development of the children relations in children subculture]. Moscow, Modek Publ., 2000. 416 p.
2. Andreeva I. N. *Emozionalnii intellekt: issledovanie fenomena* [Emotional intelligence: a study of the phenomenon]. *Voprosy Psihologii – Questions of psychology*, 2006, no. 3, pp. 78–86.
3. Barabanchikov V. A. *Ekspressiya lica i ih vospriyatye* [The expression of the face and their perception]. Moscow, IP RAS Publ., 2012, 341 p.
4. Zagvozdkin V. K. *Emozionalnii intellekt i ego razvitie v usloviyah semejnogo vospitaniya* [Emotional intelligence and its development in the conditions of family education]. *Kulturno-istoricheskaya psilogiya – Cultural-historical psychology*, 2008. no. 2, pp. 97–103.
5. Zaitseva K. A., Orlov A. M. *Ozenka svyazi vospriyatnykh emozionalnoj intonazii rechi s komponentami emozionalnogo intellekta* [Evaluation of the perception of emotional tone of speech with emotional intelligence]. *Psihologiya. Zhurnal Vyshejshkolej ekonomiki – Psychology. Journal of the Graduate School of economy*, 2012, V. 9, no. 1, pp. 126–134.
6. Izotova E. I. *Fenomenologiya emotsionalnogo razvitiya* [Phenomenology of emotional development of preschool children]. *Psihologicheskie issledovaniya – Psychological researches: electronic scientific journal*. 2013. V. 6, no. 29. available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/833-izotova29.html> (Accessed 20.01.2014).
7. Karelina I. O. *Problema ponimaniya emozij detmi doskolnogo vozrasta* [The Problem of Emotions Understanding by Children]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik (psichologo-pedagogicheskie nauki) – Yaroslavsky pedagogical bulletin (psycho-pedagogical sciences)*, 2010, no. 4, V. II, pp. 241–247.
8. Koval U. B. *Osobennosti vibora doskolnikami emotsionalnoj ekspressii s zhelju regulizii odnoschenij v razlichnykh situacijah vzaimodejstvij* [Particularities while choosing emotional expressions by preschool children with the aim of regulation of the relations in different situations of the social interaction]. *Gumanitarnie i sozjalno-ekonomicheskie nauki – Humanitarian and socio-economic science*, 2006, no. 6, pp. 97–102.
9. Kozlova E. V. *Sozialno-emozionalnoe razvitie starschih doskolnikov* [Socio-emotional development of senior preschool children]. *Mir nauki, kulturi, obrazovaniya – The world of science, culture, education*, 2009, no. 7 (19), pp. 178–182.
10. Komkova E. I., Nedvedskaya T. M. *Identifikatsiya emozij kak pokazatel emotsionalnogo intellekta u starschih doskolnikov* [Identification of emotions as an indicator of preschoolers' emotional intelligence]. *Innovatsionnye obrazovatelnye tehnologii – Innovative educational technology*, 2012. no. 1 (29), pp. 53–58.
11. Komkova E. I. *Emozionalnii intellekt i vospriyatye detmi doskolnogo vozrasta semejnykh odnoschenij* [Emotional intelligence and perception of preschool children family relations]. *Vestnik VyatGU – Bulletin of VyatSU*, 2010, no. 4 (1), pp. 159–163.
12. Cozzolino M. *Neverbalnaya kommunikatsiya. Teorii, funktsii, yazyk i znak* [Nonverbal communication. Theories, functions, language and symbol]. Kharkov, Humanities Center Publ., 2009, 248 p.
13. Kreidlin G. E. *Neverbalnaja semiotika: Jazyk tela i estestvennyy jazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, New literature review Publ., 2002. 592p.
14. Krivishnikov I. A. *Raspoznavanie neverbalnoj ekspressii kak uslovie subjektivnogo blagopoluchiya v intimno-lichnostnykh odnoscheniyakh v podrost-*

- kovom i yunosheskom vozrastakh [Recognition of nonverbal expression as a condition of subjective wellbeing in intimate personal relationships in adolescence and young adulthood] Internet-zhurnal «Naukovedenie» – Internet Journal «Science of science», 2013, no. 4. available at: <http://naukovedenie.ru> 16ПВН413 (Accessed 25.03.2014).
15. Labunskaya V. A. Teoretiko-empiricheskie osnovaniya kosdaniya metodiki «Diagnostika urovnya razvitiya sposobnosti k adekvatnoj interpretazii neverbalnogo povedeniya» [Theoretical and Empirical Basics of «A Measure of Ability to Adequate Interpretation of Nonverbal Behavior»]. *Rossiyskii psichologicheskii zurnal – Russian Psychological Journal*, 2008, Vol. 5, no. 4, pp. 26–34.
  16. Labunskaya V. A., Shkurko T. A. Razvitiye lichnosti metodom tanzevalno-ekspressivnogo treninga [The development of personality with the technique of dancing-expressive training]. *Psichologicheskii zurnal – The psychological journal*, 1999, V. 20, no. 1, pp. 31–38.
  17. Labunskaya V. A., Drozdova I. I. Sozialno-psichologicheskie osobennosti sub'ektov pedagogicheskogo obsheniya s razlichnim tipom sootnosheniya kodirovaniya i interpretazii ekspressii emotsionalnykh sootnojenij [Socio-psychological particularities of the subjects of the pedagogical communication differed in accuracy level of coding and interpretation of emotional expression]. *Severo-Kavkazskiy psichologicheskii vestnik – North-Caucasian psychological bulletin*, 2003, no. 1, pp. 248–259.
  18. Labunskaya V. A., Mendzheritskaya J. A. Determinanti kodirovaniya detmi lizevoj ekspressii emozij: opit obsheniya i gender [Determinants of facial expression coding in preschool children: role of communication experience and gender]. *Chelovek. Obschestvo. Upravlenie. – Man. Community. Management*, 2014, no. 1, pp. 101–113.
  19. Listik E. M. Issledovanie razvitiya sposobnosti k raspoznavaniyu emozij po virazheniy liza u detej starshego doshkolnogo vozrasta [Study on the development of the ability to recognize facial expressions of emotion in children under school age]. *Vestnik MGPU Ceriay "Pedagogika i psichologiy" – The Bulletin of MSPU*, 2008, no. 2 (23), pp. 68–81.
  20. Lyusin D. V. *Sovremennye predstavleniya ob emotsionalnom intellekte* [Modern conceptions of emotional intelligence. Social intelligence. Theory, measurement, research]. Moscow, IP RAS Publ., 2004, pp. 29–38.
  21. Lyusin D. V., Ovsyannikova V. V. Izmerenie sposobnosti k raspoznaniiyu emozij s pomoshchyu videotesta [Video test for measuring emotions recognition]. *Psichologicheskii zurnal – The Psychological Journal*, 2013, V. 34, no. 6, pp. 82–94.
  22. Nimanihina O. I. Vzaimodeystvie s vzroslymi kak prostranstvo razvitiya psichologicheskogo zdorovya starschikh doshkolnikov [Interaction with adults as a space of development of psychological health of senior preschool children]. *Rossiyskii psichologicheskii zurnal – Russian Psychological Journal*, 2011, no. 3, pp. 81–85.
  23. Osipova I. S., Yegorov V. S. Osobennosti emotsionalnogo intellekta shkolnikov i studentov raznykh professionalnykh tipov [Characteristics of emotional intelligence school children and students of different professional types]. *Vestnik Mordovskogo universiteta – The bulletin of the Mordovian university*, 2011, no. 2, pp. 66–68.
  24. Prikhodko A. I. Emotsionalnaya sozialisaziya: soderganiye i mehanizmy [Emotional socialization: contents and mechanisms]. *Psichologicheskie issledovaniya – Psychological researches: electronic scientific journal*, 2009, no. 4 (6). available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 25.12.2013).
  25. Prusakova O. A., Serguinenko E. A. Ponimaniye emozij detmi doshkolnogo vozrasta [Comprehension of emotions by preschoolers]. *Voprosy psichologii – Questions of psychology*, 2006, no. 4, pp. 24–36.
  26. Repina T. A. Osobennosti obsheniya malchikov i devochek v detskom sadu [Features of communication of boys and girls in kindergarten]. *Voprosy psichologii – Questions of psychology*, 1984, no. 2, pp. 63–70.
  27. Sapogova E. E. Svoeobrazie perehodnogo perioda u detey 6–7 letnego vozrasta [The originality of the transition period in children 6–7 years of age]. *Voprosy psichologii – Questions of psychology*, 1986, no. 4, pp. 36–43.
  28. Shchetinina A. M. Vospriyatie i ponimaniye doshkolnikami emotsionalnogo sostojniya cheloveka [The perception and understanding of the human emotional state preschool children]. *Voprosy psichologii – Questions of psychology*, 1984, no. 3, pp. 60–66.
  29. Ambady N., Weisbuch M. Nonverbal Behavior. In: Susan T. Fiske, D. T. Gilbert, G. Lindzey editors. *Handbook of Social Psychology*. John Wiley & Sons; 2010, V. 1. p. 464–497.
  30. Beek, van Y., J. Age and Gender Differences in Decoding Basic and Non-basic Facial Expressions in Late Childhood and Early Adolescence // *J. of Nonverbal Behavior* 2008, V. 32 (1), pp. 37–52.
  31. Bisson J. B. The Development of Emotion Understanding in Preschoolers. Doctoral Dissertations. 2013. <http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/139>
  32. Boyatzis Ch. J., Ch. Children's facial and gestural decoding and encoding: Relations between skills and with popularity // *Journal of Nonverbal Behavior* 1994, V. 18, (1), pp. 37–55.

33. Cassano J., Perry-Parrish M., Stegall S. Emotion regulation in children and adolescents // *J. of Developmental and Behavioral Pediatrics*, 2006, V. 27, pp. 155–168.
34. Chinnici S. G., Crippa M., Agliati A., Anolli L. Nonverbal Communication of Emotions: An analysis of Behavioral Patterns in Children // *4<sup>th</sup> International Conference on Methods and Techniques in Behavioral Research*, 27–30 August. Amsterdam. 2002, pp. 135–140.
35. Dunsmore J., Pa, A. M. Parents' Beliefs about Emotions and Children's Recognition of Parents' Emotions // *J. of Nonverbal Behavior*, 2009, V. 33, no. 2, pp. 121–140.
36. Ekman P. Facial expression and emotion // *American Psychologist*. 1993, no. 48, pp. 384–392.
37. Gagnon M., P., I., K., Milliard K. Children's Recognition and Discrimination of Fear and Disgust Facial Expressions // *J. of Nonverbal Behavior*, March 2010, V. 34, no. 1, pp. 27–42.
38. Gosselin P., Maassarani R., A., M. Children's Deliberate Control of Facial Action Units Involved in Sad and Happy Expressions // *J. of Nonverbal Behavior*, 2011, V. 35, pp. 225–242.
39. Gross A. L., B. Children's understanding of emotion from facial expressions and situations: a review // *Developmental Review*, 1991, V. 11(4), pp. 368–398.
40. Hall J. F. J., Bernieri F. J., Carney D. R. Nonverbal behavior and interpersonal sensitivity / *The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*. Oxford: University Press Inc., New York, 2005. pp. 237–281.
41. Hall J. A., Coats E. J. & LeBeau L. S. Nonverbal behavior and the vertical dimension of social relations: a meta-analysis // *Psychological Bulletin*, 2005, V. 131, no. 6, pp. 898–924.
42. Herba C., Phillips M. Development of facial expression recognition from childhood to adolescence: behavioral and neurological perspectives // *J. of Child Psychology and Psychiatry*, 2004, V. 45, pp. 1–14.
43. Prinsen T., Punyanunt-Carter N. M. The Difference in Nonverbal Behaviors and How It Changes in Different Stages of Relationship // *Texas Speech Communication J.*, Vol. 34, Summer, 2009, pp. 1–7.
44. Rodway P., Schepman A., Lambert J. The influence of position and context on facial attractiveness // *Acta Psychologica*, 2013, (144), pp. 522–529.
45. Springer K., Meier J. A., Berry D. Nonverbal bases of social perception: Developmental change in sensitivity to patterns of motion that reveal interpersonal events // *J. Nonverbal Behavior*, 1996, no. 20(4), pp. 199–211.
46. *The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research* / Ed. by Jinni A. Harrigan, Robert Rosenthal, Klaus R. Scherer. Oxford: University Press Inc., New York, 2005, 525 p.
47. Yoshimoto D., Shapiro A., Brie K., Gottman J. Nonverbal communication coding systems of committed couples / *The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*. Oxford: University Press Inc., New York, 2005, pp. 369–397.

**Pogontseva D. V., Nasedkina Ju. V.**  
**Attitudes of young people professing**  
**paganism to the representatives**  
**of the various religious denominations**

*This paper presents a theoretical analysis of studies in psychology that address the problem of religion in modern society deals with the phenomenon of paganism in modern society. Provides empirical data relationships of today's youth to the representatives of the main religious denominations. It is concluded that the ambiguity of concepts.*

**Keywords:** religion, youth, attitude, confession, paganism.

**REFERENCES**

1. Amirov Ja. B. Konfessional'nyj portret sovremennoj Rossii [Confessional portrait of modern Russia]. *Voprosy gumanitarnyh nauk – Questions humanities*, 2009, no. 11.
2. Aseev O. V. *Jazychestvo v sovremennoj Rossii: social'nyj i jetnopoliticheskij aspect. Avtoreferat diss. kand. filosof. nauk.* [Paganism in modern Russia: social and ethno-political aspect. Cand. philosop. sci. diss.]. Moscow, 1999.
3. Bulatova T. A., Galashova N. B., Kamarova N. A. Problema religioznoj tolerantnosti v tomских SMI [Problem of religious tolerance in the Tomsk Media]. *Vestnik TGPU – Bulluten TGPU*, 2012, no. 12 (127), pp. 208–214.
4. Vicenko V. O. *Obraz vremeni u predstavitelej razlichnyh religioznych konfessij Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk* [Image of time with representatives of the various religious denominations. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2005.
5. Vojakovskij D. S. Molodezh' i religija: problema «islamskogo» jekstremizma [Youth and religion: the problem of "Islamic" extremism]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University*, 2009, Vol. 14, no. 1, pp. 273–276.
6. Efremova M. V. *Vzaimosvjaz' grazhdanskoj i religioznoj identichnosti s jekonomicheskimi ustanovkami i predstavlenijami. Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk* [The relationship of civil and religious identity with economic attitudes and perceptions. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2010.
7. Kirsanova V. G. *Psihologicheskie osobennosti chlenov netradicionnyh religioznych organizacij. Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk* [Psychological characteristics

- of members of nontraditional religious organizations. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2005.
8. Miheeva I. B. Neojazychestvo kak religiozno-kul'turnyj fenomen sovremennosti: problema definicii [Neo-paganism as a religious and cultural phenomenon of our time: the problem of definition]. *Cennosti i smysly – Values and meanings*, 2010, no. 1, pp. 80–90.
  9. Perevoznikova E. V. *Psihologicheskie osobennosti samosoznaniya podrostkov iz semej pravoslavnoj i ateisticheskoy orientacii*. Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk [Psychological characteristics of adolescent self-consciousness of the Orthodox families and atheistic orientation. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2000.
  10. Pogonceva D. V., Nasedkina Ju. V. Vlijanie religioznyh ubezhdenij molodezhi na formirovanie otnosheniya k predstaviteljam razlichnyh religioznyh konfessij [The influence of religious beliefs on the formation of youth attitudes toward representatives of various religious denominations]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya – Humanities research*, 2013. available at: <http://human.snauka.ru/?p=3055>
  11. Pogonceva D. V., Nasedkina Ju. V. Otnoshenie molodezhi k predstaviteljam razlichnyh religioznyh konfessij [Young people's attitudes to the representatives of the various religious denominations]. *GESJ: Education Sciences and Psychology*, 2013, no. 2 (24), pp. 49–53.
  12. Suchkova O. V. *Social'no-psihologicheskie aspekty religioznosti molodezhi v kontekste psihologicheskoy bezopasnosti*. Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk [Social and psychological aspects of religious youth in the context of psychological security. Cand. psychol. sci. diss.]. Sankt-Peterburg, 2009.
  13. Hadzharov M. H. Sociologija konfessional'no-kul'turnyh otnoshenij: tolerantnost' kak osnova dialoga religioznyh soznaniy [Sociology of religious and cultural relations: tolerance as a basis for the dialogue of religious consciousness]. *Vestnik OGU – Bullutin OGU*, 2011, no. 7 (126), pp. 144–151.
  14. Shanskaja A. V. Vozrozhdenie tradicij jazychestva [The revival of traditions of paganism]. *Vestnik KGU – Bulluten KGU*, 2009, no. 1, pp. 180–184.
  15. Shizhenskij R. V. Zhrechestvo v sovremennom rossijskom jazychestve [Priesthood in the modern Russian paganism]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*, 2008, Is. 2, pp. 139–148.
  16. Jarcev A. B. Sovremennoe neojazychestvo: k voprosu o proishozhdenii ponjatija [Contemporary neo-paganism: the question of the origin of the concept]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki – Scientists note Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 5, pp. 151–155.

**Shkurko T. A.**

### Social and psychological needs of a single person

*The article presents the results of studies on the socio-psychological correlates of subjective / objective loneliness of the individual. The socio-psychological needs of the person: in inclusion, in control and in love are analyzed as factors of loneliness. In the framework of the social-psychological approach to loneliness it is seen as the result of evaluation of the personality's main characteristics of communication and main parameters of its system of interrelations with other people. On the basis of a broader interpretation of loneliness as the result of evaluation of the entire system of personality's communication: with yourself, with others, with the world, the author's technique for the diagnosis of loneliness is proposed.*

**Keywords:** *loneliness, socio-psychological needs, relationships with others, an assessment of the relationship, dissatisfaction with the relationship, diagnostics of loneliness.*

### REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya N. A. *Lichnostnyy aspekt problemy obscheniya v psihologii* [Personal aspect of the communication problems in psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 218 p.
2. Weiss R. S. *Voprosy izucheniya odinochestva. Labirinty odinochestva* [Questions of studying of loneliness. Labyrinth of solitude]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 114–127.
3. Gozman L. Y. *Psihologiya emotsionalnyh otnosheniy* [Psychology of emotional relations]. Moscow, MSU Publ., 1987. 175 p.
4. Zavorotnyih E. N. *Sotsialno-psihologicheskie osobennosti odinochestva kak sub'ektivnogo perezhivaniya*. Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk [Socio-psychological peculiarities of loneliness as subjective experiences. Cand. psychol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009.
5. Kronik A. A., Kronik E. A. *V glavnyh rolyah: Vyi, Myi, Tyi, On, Ya: Psihologiya znachimyh otnosheniy* [Starring: You, We, You, He, I: Psychology meaningful relationship]. Moscow, Thought Publ., 1989. 197 p.
6. Curtian S. *Odinochestvo kak sotsialnoe yavlenie*. Avtoreferat diss. kand. sotsiolog. nauk [Loneliness as a social phenomenon. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 1995.
7. Manakov E. A., Truevtsev D. V. *Tipy perezhivaniya odinochestva v kontekste urovnya udovletvorennosti sotsialnyh potrebnoyey lichnosti* [Types of experiences of loneliness in the context of the level of

satisfaction of social needs of a person]. available at: [http://www.psy.su/psyche/psyche\\_archive/2010/&project\\_id=16](http://www.psy.su/psyche/psyche_archive/2010/&project_id=16) (Accessed 15.04.2014).

8. Mijuskovic B. *Odinochestvo: mezhdistsiplinarnyy podhod. Labirinty odinochestva* [Loneliness: a multidisciplinary approach. Labyrinth of solitude]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 53–71.
9. Myasishchev V. N. *Psihologiya otnosheniy. Izbrannyye psihologicheskie trudy* [Psychology of relations. Selected psychological works]. Moscow-Voronezh: Modek Publ., 1995. 356 p.
10. Neumoeva E. V. *Odinochestvo kak psihicheskiy fenomen i resurs razvitiya lichnosti v yunosheskom vozraste. Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk* [Loneliness as a psychic phenomenon and a resource of development of personality in adolescence. Cand. psychol. sci. diss.]. Tyumen, 2005.
11. Perlman D., Peplu L. E. *Teoreticheskie podhody k odinochestvu. Labirinty odinochestva* [Theoretical approaches to the loneliness. Labyrinth of solitude]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 152–167.
12. Puzanova J. C. *Odinochestvo: opyt sotsialno-filosofskogo analiza. Avtoreferat diss. kand. filosof. nauk* [Loneliness: the experience of social-philosophical analysis. Cand. phylos. sci. diss.]. Moscow, 1995.
13. Russell D. *Izmerenie odinochestva. Labirinty odinochestva* [Measurement of loneliness. Labyrinth of solitude]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 47–60.
14. Rukavishnikov A. A. *Oprosnik mezhlchnostnyih otnosheniy* [Questionnaire of interpersonal relationships]. Yaroslavl: Izd NPU "Psychodiagnosics", 1992. 47 p.
15. Sadler U. A., Johnson T. B. *Ot odinochestva k anomii. Labirinty odinochestva* [From loneliness to anomie. Labyrinth of solitude]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 24–45.
16. Slobodchikov I. M. *Teoretiko-eksperimentalnoe issledovanie fenomena odinochestva lichnosti: na materiale podrostkovogo vozrasta. Avtoreferat diss. kand. psihol. nauk* [Theoretical and experimental study of the phenomenon of loneliness personality: on the material of adolescence. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2006.
17. Starovoitova L. I. *Odinochestvo: sotsialno-filosofskiy analiz. Avtoreferat diss. kand. filosof. nauk* [Loneliness: social-philosophical analysis. Cand. phylos. sci. diss.]. Moscow, 1995.
18. Tikhonov G. M. *Fenomen odinochestva: opyt filosofsko-sotsiologicheskogo analiza. Avtoreferat diss. kand. filosof. nauk* [Phenomenon of loneliness: the experience of philosophical and sociological analysis. Cand. phylos. sci. diss.]. Yekaterinburg, 1992.
19. Trubnikov S. G. *Psihologiya odinochestva: genezis, vidy, proyavleniya. Avtoreferat diss. kand.*

*psihol. nauk* [Psychology of loneliness: Genesis, types, signs. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 1999.

#### **Sarelaynen A. I. Methodology of professional psychological influence study**

*The development and using process of a specialized author's questionnaire for psychological influence study in investigator's work is described in the article. The questionnaire based on two types of impact methods-organizational and influence – psychological, according to Kabachenko's classification.*

**Keywords:** questionnaires, psychology of labour, psychological influence, professional's psychology, forensic psychology.

#### **REFERENCES**

1. Kabachenko T. S. *Metody psikhologicheskogo vozdejstviya* [Psychological impact methods]. Moscow, 2000.
2. Savelyev M. V, Smushkin A. B. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Dashkov and Co Publ., 2009.
3. Chialdini R. *Psihologiya vliyaniya* [Influence]. SPb., Piter Publ., 2009.

#### **Seredina N. V., Chernysh I. V. Factors professional deformation employees the border service of FSB of the Russian Federation**

*The article presents the results of empirical research of the gender specifics of the impact of the duration of stay in the profession on the identity of the border guard, reveals the factors of professional deformation of the personality of the border guard.*

**Keywords:** personality, adaptation, professional deformation, extreme conditions, gender, disadaptation, addiction.

#### **REFERENCES**

1. Beznosov S. P. *Professionalnye deformacii lichnosti* [Professional strain identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of St. Petersburg State University Russian Interior Ministry*, 2012, no. 3, pp. 167–171.
2. Gavrilyuk E. Ju., Medvedeva N. I. *Psikhologicheskaya profilaktika professionalnykh deformacij sotrudnikov vnutrennikh organov* [Psychological prevention of occupational strain employees of internal organs]. *Sovremennyye naukoymkie tekhnologii – Modern high technologies*, 2013, no. 7–2, pp. 169–170.
3. Goncharova E. M. *Professionalnaya deformaciya sotrudnikov IDN s uchyotom gendernykh razlichij*

- [Professional deformation employees IDN gender sensitive]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of Moscow University, Russian Ministry of Internal Affairs*, 2012, no. 4, pp. 229–231.
4. Dolin V. A. Profilaktika professionalno-nravstvennoj deformacii sotrudnikov organov vnutrennikh del: v poiskakh novogo podkhoda [Prevention professional and moral strain of police officers: in search of a new approach]. *Problemy pravookhranitelnoj deyatelnosti – Problems of Law Enforcement*, 2012, no. 1, pp. 102–106.
  5. Druzhilov S. A. Professionalnie deformacii i destrukcii kak indicatory dushevnogo neblagopoluchiya cheloveka [Professional deformation and destruction as indicators of mental ill-man]. *Sovremennye naukoymkie tekhnologii – Modern high technologies*, 2010, no. 2, pp. 84–87.
  6. Emelyanova M. V. Professionalnie deformacii lichnosti sotrudnikov pravookhranitelnykh organov [Professional personality deformation law enforcement]. *Akmeologiya – Akmeology*, 2012, no. 4, pp. 103–104.
  7. Ivanova N. L. Problema professionalnykh defomacij lichnosti v sovremennykh issledovaniyakh [The problem of professional deformation of the individual in modern studies]. *Psikhologiya obucheniya – Educational Psychology*, 2012, no. 3, pp. 4–15.
  8. Orlova E. A. Psikhologicheskie determinanty professionalnykh deformacij i stagnacii lichnosti [Psychological determinants of professional deformation and stagnation personality]. *Kazanskaya nauka – Kazan science*, 2011, no. 2, pp. 258–260.
  9. Polyakova O. B. Vnutrennie faktory, vliyayuschie na vzniknovenie professionalnykh deformacij [Internal factors that influence the emergence of professional deformation]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya – Theoretical and experimental psychology*, 2012, Vol. 5, no. 3, pp. 56–66.
  10. Stolyarenko A. M. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and Pedagogy]. Moscow, 2010. 544 p.
  11. Brown J., Cooper C., Kircadly B. Occupational stress among senior police officers // *British Journal of Psychology*, 2011, no. 1, pp. 31–41.
  12. McCafferty F. L., Domingo G. D., McCafferty E. A. Posttraumatic stress disorder in the police officers: Paradigm off occupational stress // *South Med. Journal*, 2010, no. 5, pp. 543–547.

**Дикая Людмила Александровна**

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236,  
г. Ростов-на-Дону, 344038  
*Тел.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dikaya@sfedu.ru

**Наумова Мария Игоревна**

аспирантка кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236,  
г. Ростов-на-Дону, 344038  
*Тел.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* botanik.66@mail.ru

**Афанасенко Инна Владимировна**

доцент кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13,  
г. Ростов-на-Дону, 344038  
*Тел.:* +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* afinna@mail.ru

**Обухова Юлия Владимировна**

преподаватель кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13,  
г. Ростов-на-Дону, 344038  
*Тел.:* +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* uvobukhova@yandex.ru

**Царенкова Елена Анатольевна**

доцент кафедры истории философии факультета философии и культурологии ЮФУ, кандидат философских наук

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, к. 436,  
г. Ростов-на-Дону, 344038  
*Тел.:* +7 (863) 230 30 87; *e-mail:* ecarenkova@yandex.ru

**Лунин Сергей Леонидович**

заместитель начальника отдела Управления Федеральной миграционной службы России по Ростовской области в Советском районе г. Ростова-на-Дону

*Служебный адрес:* пр. Коммунистический, 55,  
г. Ростов-на-Дону, 344091  
*Тел.:* +7 (863) 219 50 65;  
*e-mail:* luninsergey1978@yandex.ru

**Dikaya Liudmila Alexandrovna**

associate Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology

*Office address:* b. 13, of. 236, M. Nagibina Ave.,  
Rostov-on-Don, Russia, 344038  
*Tel.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dikaya@sfedu.ru

**Naumova Maria Igorevna**

post-graduate student of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)

*Office address:* b. 13, of. 236, M. Nagibina Ave.,  
Rostov-on-Don, Russia, 344038  
*Tel.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* botanik.66@mail.ru

**Afanasenko Inna Vladimirovna**

assistant Professor of Personality Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology

*Official address:* b. 13, M. Nagibina Ave.,  
Rostov-on-Don, Russia, 344038  
*Tel.:* +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* afinna@mail.ru

**Obukhova Yulia Vladamarovna**

lecturer of Personality Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)

*Official address:* b. 13, M. Nagibina Ave.,  
Rostov-on-Don, Russia, 344038  
*Tel.:* +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* uvobukhova@yandex.ru

**Tsarenkova Elena Anatolievna**

assistant Professor of the History of Philosophy Department of Philosophy Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Philosophy

*Official address:* b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, Russia, 344038  
*Tel.:* +7 (863) 230 30 87; *e-mail:* ecarenkova@yandex.ru

**Lunin Sergey Leonidovich**

assistant chief of the Federal Migration Service of the Russian Federation in the Rostov region (Sovetsky district, Rostov-on-Don)

*Official address:* b. 55, Kommunistichesky Ave., Rostov-on-Don, Russia, 344091  
*Tel.:* +7 (863) 219 50 65;  
*e-mail:* luninsergey1978@yandex.ru

**Коваль Юлия Борисовна**

научный сотрудник научно-исследовательского отдела профессионального психологического обеспечения Военного учебно-научного центра Военно-морского Флота «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»

*Служебный адрес:* ул. Херсонская, д. 1 / 7, г. Санкт-Петербург, 191024

*Тел.:* +7 (967) 358 15 30; *e-mail:* red-rostov@mail.ru

**Лабунская Вера Александровна**

заведующая кафедрой социальной психологии факультета психологии ЮФУ, профессор, доктор психологических наук

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, к. 219, г. Ростов-на-Дону, 344038

*Тел.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* vlab@sfedu.ru

**Погонцева Дарья Викторовна**

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

*Тел.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dashapgn@rambler.ru

**Наседкина Юлия Владимировна**

студентка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

*Тел.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* nasedkina\_93@mail.ru

**Шкурко Татьяна Алексеевна**

доцент кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

*Тел.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* shkurko@sfedu.ru

**Сарелайнен Александра Игоревна**

преподаватель кафедры юридической психологии и военной психологии ЮФУ

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

*Тел.:* +7 (863) 243 06 11; *e-mail:* saartavalla@mail.ru

**Koval Yulia Borisovna**

research associate of research department of professional psychological providing the Naval educational scientific center «N. G. Kuznetsov Naval Academy»

*Office address:* b. 1 / 7, Hersonskaya Str., St. Petersburg, Russia, 191024

*Tel.:* +7 (967) 358 15 30; *e-mail:* red-rostov@mail.ru

**Labunskaya Vera Alexandrovna**

the head of Social Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), professor, Doctor of psychological science

*Office address:* b. 13, of. 219, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

*Tel.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* vlab@sfedu.ru

**Pogontseva Darya Viktorovna**

associate Professor of Social Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology

*Official address:* b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

*Tel.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dashapgn@rambler.ru

**Nasedkina Juliya Vladimirovna**

student of Social Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology

*Official address:* b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

*Tel.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* nasedkina\_93@mail.ru

**Shkurko Tatyana Alekseevna**

associate Professor of Social Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology

*Official address:* b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

*Tel.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* shkurko@sfedu.ru

**Sarelaynen Alexandra Igorevna**

lecturer of Forensic Psychology and Military Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)

*Official address:* b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

*Tel.:* +7 (863) 243 06 11; *e-mail:* saartavalla@mail.ru



### **Середина Наталья Васильевна**

старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

*Служебный адрес:* пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

*Тел.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* senata46@mail.ru

### **Черныш Инна Васильевна**

доцент донецкого филиала Института управления, бизнеса и права, кандидат психологических наук

*Служебный адрес:* 3-й микрорайон, д. 2А, г.

. Донецк, Ростовская область, 346341

*Тел.:* +7 (86368) 2 54 00, 2 60 24; *e-mail:* senata46@mail.ru

### **Seredina Natalya Vasilyevna**

senior Lecturer of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology

*Office address:* of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038

*Tel.:* +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* senata46@mail.ru

### **Chernish Inna Vasiljevna**

associate Professor of branch of Institute of Management Business and Law of Donetsk, Candidate of Science in Psychology

*Office address:* b. 2A, mikrorajon 3, Donetsk,

Rostov region, 346341

*Tel.:* +7 (86368) 2 54 00, 2 60 24; *e-mail:* senata46@mail.ru

# СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

## Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе:**

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,  
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА  
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ  
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:  
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 518, редакция

Тел. (863) 243-15-17; e-mail: rpj@bk.ru

Часы работы

понедельник – пятница 13.00-18.00

суббота, воскресенье – выходной